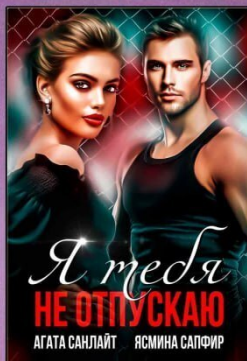

ЯСМИНА
САПФИР

АГАТА
САНЛАЙТ

ЗАЩИТНИКИ

1, 2, 3 КНИГИ

Агата Санлайт Ясмина Сапфир Защитники

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70298605

Аннотация

Пленница страсти

– Первое. Я возьму за дизайн проект обычную сумму. Не тройную, как вы предлагали. Второе. Вы держите меня в курсе ситуации с теми бандитами. Как только опасность пройдет стороной, я уезжаю из вашего дома и возвращаюсь к себе! Третье. Условия мы прописываем в договоре, заверяем нотариально.

– Да! – Беркут рыкнул, и Аля отклонилась от стола.

– Четвертое. Если после завершения проблем с бандитами я не захочу вас больше видеть, вы не станете меня осаждать букетами и преследовать при помощи сыщиков!

Я тебя не отпускаю

Прыгать с парашютом опасно? Это вы мне расскажите. Подруга уговорила, и мы прыгнули... А потом оказались впутаны в бандитскую историю, и мне пришлось столкнуться с необычным мужчиной. Жестким, властным, суровым. Но... именно он подставил плечо, когда я больше всего в этом нуждалась, и мой муж меня предал...

Одержимость Стального

Я разбил бампер ее машины, она – разбила мне сердце вдребезги. Я у ее ног, со всеми потрохами, она замужем и не планирует разводиться. Ее муж – не самый лучший супруг, но у них ребенок и она, похоже, его любит...

Он въехал в нашу машину и в мою жизнь. Ремонт машины оплатил из своего кармана, а как жизнь отремонтировать? Я думаю о нем, хотя и не должна, сравниваю с мужем... И не в пользу последнего.

А хуже всего – он сделал мне предложение, от которого я не могу отказаться... Да и не хочу...

Содержание

Агата Санлайт, Ясмина Сапфир	5
Агата Санлайт	6
Глава 1	6
Глава 2	35
Глава 3	67
Глава 4	104
Глава 5	154
Глава 6	196
Глава 7	220
Конец ознакомительного фрагмента.	241

Агата Санлайт, Ясмина Сапфир
Защитники
Сборник

Агата Санлайт

Пленница страсти

Глава 1

Аля

– Девушка, вы ничего не забыли? Не потеряли ничего важного? Может, быть ценного?

Честно говоря, вначале «шутка юмора» прошла мимо меня. Также как я прошла мимо ямы, где копошились с фонариками строители.

Не мудрено! Время перевалило за час ночи. Такси не приехало. И я вынуждена была пешком идти голосовать к трассе... Таща с собой то, что так благополучно «потеряла». Даже ощутила некое облегчение. Пока не поняла, что случилось.

Хохочущие мужики вытаскивали из ямы Ирину. Мою школьную подругу.

Называется – оторвалась! Расслабилась!

Накаченная под завязку коктейлями с крепким спиртным Ирина, только похрюкивала, когда четыре руки, в перчатках

и земле медленно выложили ее на край ямы.

– Спасибо...

Только и нашлась я. Было жутко неловко. Я буквально испытывала испанский стыд от того, что подруга так «попала». Удачно попала в земляную яму в состоянии мешка с картошкой.

Мужики, хохоча, вернулись к работе.

– А то может вас проводить? – вдруг послышалось из-под земли.

– Нет. Спасибо.

И тут я была совершенно не права. Как показала практика.

Я опять подхватила Ирину подмышку, заставляя передвигать ногами.

– Ммм... Мы снова идем? – сообразила подруга. Икнула и замолкла.

Я выдохнула перегар, которым она щедро снабдила воздух, и устало двинулась дальше.

Еще немного.

Рядом трасса.

Я уже слышала шелест колес и возмущенные гудки тех, кто сильно спешит и пытается поторопить остальных.

Загородный ночной клуб – совсем не то, что мне нравилось. Но сегодня был железобетонный повод. Я развелась с мужем и временно отправила сына пожить к тете. Нужно было немного прийти в себя. В то время как Ирина получила

очередной вердикт врачей о своем бесплодии. Поэтому выходить из себя у нее получилось намного лучше. Она практически полностью это сделала.

Во всяком случае, найти мою подругу, серьезного главного бухгалтера крупной фирмы внутри того, что я волокла с собой было крайне затруднительно.

Темные клешни леса, что словно сжимались по сторонам от дороги, не предвещали ничего хорошего. Но одновременно намекали, что трасса уже близко. Еще когда мы сюда заезжали, я обратила внимание, что эта широкая полоса асфальта проскакивала между тисками двух мощных лесных порослей и упиралась в трассу.

Я обогнула деревья, которые бодро вступили в спор с цивилизацией. Отважно поселились почти на границе лесополосы и территории, где располагался ночной клуб, отель, бар и прочие прелести жизни. Включая баню и сауну. Этот загородный комплекс для отдыха был достаточно известным и даже фешенебельным. Для богатеньких, которым хотелось уехать подальше от знакомых пенатов и оторваться на полную катушку. Кто ж знал, что богатенькие настолько отрываются за чужой счет...

Ирина рвалась в сауну. Но я ее отговорила. Я видела какие мужики оттуда выходят.

Дурные, разгоряченные во всех смыслах слова. Им бы сюда бордель – и труженицы горизонтального фронта уже через неделю попросили бы о досрочной демобилизации.

Это уже не приключение, не развлечение, а чистый адреналин.

Внезапно показалось, что Ирина снова упала в яму. Во всяком случае, ее рука выскользнула из моей. Я оглянулась. И попятилась.

Если ты не идешь в баню-сауну, это еще не значит, что она не придет к тебе.

Трое хорошенько пропаренных мужиков, красных от алкоголя и процедур, с совершенно неменяемыми лицами окружили меня в одно мгновение. Даже странно, как в таком состоянии им удавалось так быстро и ловко двигаться.

– Ну давай, крошка. Развлечемся. Мы тебя еще в клубе заметили...

Ага. Я поняла, что это за веселая компания.

Чуть поодаль от нас с Ириной сидели трое персонажей. Такие бугаи с нахальными рожами. Накаченные и, похоже, слишком пресыщенные богатой жизнью мужики. В такие заведения, как «Приют странников» заходят лишь те, кто может оставить полсотни тысяч на выпивку.

Эти же, судя по тарелкам с омарами и прочими морскими гадами, всяким там экзотическим суши и фруктам, явно оставили в «Приюте» значительно больше. И большего ожидали от вечера.

Я была уверена, что в сауне они хорошо оторвутся. Потому, что троица захватила нескольких дамочек явно фривольного поведения. Во всяком случае, те лапали задницы

качков и хохотали на их шуточки.

Но, похоже, податливые женские тела, готовые на любые подвиги и эксперименты, мужикам оказались не так интересны. Как мое. Которое начнет брыкаться, отбиваться и кушаться.

Ахнуть не успела, как мне сделали подножку, завалили на землю, на которой оказался чей-то дорогой кожаный плащ. В лицо пахло грязью, бензином и натуральной замшей.

Сверху навалилось тяжелое мужское тело, а колено раздвинуло бедра.

Громадная лапища полезла в интимное место, нащупала лосины и тутже рванула. Треск материи и горячие пальцы на самом сокровенном месте мгновенно избавили меня от временного шока.

Дико захотелось разрыдаться. Заорать. Начать драться, царапаться, вертеться юлой.

Но я взяла себя в руки.

Как обычно в критической ситуации я начинала мыслить, как нельзя более ясно. Буквально просчитывать все до мелочей.

Позвать на помощь? Вряд ли это поможет. Трасса довольно далеко, меня никто не услышит. Врезать этому козлине по яйцам? Отгрызть ухо?

Мужик расстегивал ширинку. А другие застыли неподалеку. Нависли черными теньями, явно в ожидании своей очереди.

Так что, если временно выведу из строя одного, двое других меня точно не отпустят. Нет. Не вариант.

Что же делать?

Я попробовала нащупать остатки разума и разумности у мужика, который уже пристраивался к дырке в моих лосинах, пытаясь и пытаясь протолкнуть туда свой внушительный агрегат.

– Послушайте. Вы сейчас пьяные и веселые. А завтра вы пожалеете. Я заявлю в полицию.

Огромная лапища зажала рот, почти лишив прилива кислорода. Даже голова закружилась.

– Никуда ты не заявишь, маленькая шлюшка. Мы тебя отыщем, а потом приедем тут, в уголке. Закопаем в лесу, и никто тебя не найдет.

Страх парализовал меня, скользнул вдоль позвоночника миллионами ледяных иголок. Я попыталась сглотнуть. Но горячая пятерня так давила на горло, что и это у меня толком не вышло.

Я зажмурилась и стиснула зубы.

Казалось, похоть разливается по воздуху неприятным душливым смрадом. Я почти чувствовала ее на каком-то особенном, инстинктивном уровне. Так самка, нарвавшись на самцов в период гона, за версту понимает – надо бежать. Вот только бежать я уже не могла...

Дружки моего насильника аж причмокивали и тяжело дышали от возбуждения, предвкушения и напряжения момен-

та.

Мерзавец выматерился, рванул еще раз мои лосины и толкнулся горячей плотью. Почти добился желаемого...

Но в эту минуту его что-то отбросило.

Я ошарашенно вскочила, отшатнулась. Чуть не упала обратно на землю и с трудом оперлась о большую темную машину... Э-э-э... Большая... черная... машина...

Откуда она тут?

В эту минуту зрение сфокусировалось.

Я увидела, как мощный мужской силуэт лупит моих насильников и раскидывает по сторонам.

Те только пьяно икают, хрюкают и ползают по грязи.

Дезориентировав гадов, незнакомец схватил меня, запихнул на переднее сидение машины и запрыгнул на водительское место.

– Стойте! Стойте! – крикнула я.

– Чего? – мужчина повернулся ко мне.

Настойчивый взгляд серо-голубых глаз впился в лицо. Резкие черты при таком освещении выглядели еще более хищными, крупными, но одновременно и привлекательными. Квадратная челюсть, высокий упрямый лоб и густые черные волосы, остриженные очень коротко, усиливали впечатление.

Этот мужчина явно не привык к тому, чтобы ему приказывали. Вот как я сейчас. Скорее уж он всеми командовал. А остальные ходили по струнке, даже не вякали.

Я инстинктивно вжалась в сидение. Спаситель пугал. Почему-то даже больше чем те насильники, что едва шевелились в придорожной грязи, как кучка свиней. Что выглядело очень даже символично.

– Ну? Стойте? И? – незнакомец немного сбавил тон. Заметил, что я окончательно сбита с толку и от страха аж обхватила себя руками. – Говори уже! – добавил раздраженно.

– У... меня... там подруга...

Мужчина выругался, почти также забористо, как мой несостоявшийся насильник. Вышел из машины, а через минуту на заднее сиденье плюхнулось тело Ирины. Грязное и посапывающее мирным пьяным сном.

– Ну и подруги у тебя! – сквозь зубы процедил незнакомец. – Не удивительно, что ты угодила в эту переделку.

Газанул, и железный зверь, взревев, вырвался на волю – на трассу.

– Ккуда вы нас везете? – в ужасе уточнила я.

Мужчина прибавил скорости, не отвечая на мой вопрос. Я поглядывала на дверцу машины, и в следующую секунду раздался щелчок. Незнакомец заблокировал двери. Я поежилась и прикусила губу.

– Успокойся! Приди в себя! – скомандовал незнакомец и газанул еще раз.

Мы пролетели приличное расстояние. Я в ужасе разглядывала жесткий профиль спутника, который в слабом освещении салона казался высеченным в скале. На мужчине бы-

ли толстовка и джинсы. Очень дорогие, насколько я могла оценить.

В машине пахло ягодами, и судя по ее начинке – кондиционеру и прочим примочкам – эта иномарка стоила целое состояние. Я сразу же подумала, что Ирина сейчас щедро снабжает салон грязью. Стало еще страшнее.

Как отреагирует этот упакованный мужчина, от которого за версту несло властью и деньгами, на подобную порчу своего имущества?

Тем временем, спутник вдруг ударил по тормозам, и мы припарковались на обочине.

Щелчок дал мне знать, что теперь можно выйти.

Я выскочила наружу и жадно глотнула ночной воздух, пропитанный запахом раскаленной на солнце хвои, сырости и резины.

Послышался слабый удар закрывшейся дверцы, и мужчина оказался рядом со мной. Вдруг подтолкнул меня к машине и навис, оградив мускулистыми руками.

Пленил. Потому, что, ощущая его силу, его властность я не могла с места сдвинуться... Взгляд серо-голубых глаз, словно выстрел в упор, буквально пришил меня к месту, как игла хрупкую бабочку.

– Что вы собираетесь делать? Только не опять...

Из меня словно всю энергию выкачали. Я даже дышать перестала. Только изучала суровое, злое лицо незнакомца. И невыносимо хотела расплакаться. Сама не поняла, как еще

удерживалась.

Насильникам я дико жаждала сопротивляться. Драться, царапаться, кусаться, кричать.

А вот этот мужчина вызывал одно только желание – спрятаться. Или подчиниться его воле.

Незнакомец замер: огромный, какой-то весь напряженный и дышал слишком шумно для человека, который почти не шевелится. Молчал. Сверлил меня пытливым, изучающим взглядом.

Казалось он кроссворд в моем лице разгадывает. Складывает в голове какой-то сложнейший пазл.

Внезапно складки на его лбу и переносице разгладились. Мужчина немного отклонился назад и резко провел рукой по волосам.

– Надо было побыстрее оттуда уехать. Пока эти мрази не вызвали дружков, – хриловато пояснил незнакомец уже куда более спокойным тоном. – Я тоже не Терминатор. Могу навалить двоим, троим. Но с десятком бугаев справлюсь вряд ли...

– Дружков? Бугаев?

– Да. В сауне их ожидали остальные.

– А вы...

– Сидел в углу зала. Это я прислал вам десерт в подарок. Боже! Чизкейк! Я думала, это те уроды...

– Вы меня не видели. Я находился в приватной кабинке, за ширмой, – спокойно пояснил незнакомец. – Я видел, как

они за вами пошли. Подумал, что не помешает помощь.

– Не помешает, – кажется, я впервые за последние минуты начала нормально дышать. Да и гулкий пульс в ушах перестал накладываться на разговор белым шумом. – Спасибо.

– А вот теперь я задам вам тот же вопрос, который вы задали мне в салоне.

Он еще чуть приблизился и вдохнул порциями. Словно не мог сделать это быстро и сразу.

– Какой? – уточнила я, парализованная взглядом мужчины.

– Куда мы едем? Мы же должны доставить вашу подругу домой? Нет?

– Ддомой? – я еще была оглушена и ошарашена последними событиями. Мысли текли непокорно и вяло. Поэтому я даже не сразу сообразила, о чем вообще идет речь.

Незнакомец усмехнулся.

– Ну, во всяком случае, туда, где она сможет выспаться и перенести все прелести похмелья. Она где-то живет? Надеюсь, не в той яме, куда свалилась?

Я нервно хихикнула. Глаза незнакомца странно сверкнули. Уголки губ дрогнули в некоем подобии слабой улыбки.

– Не надо так бояться. Если бы я хотел вас поиметь таким образом, я уже это сделал бы. Поэтому, просто сейчас успокойтесь и скажите куда мы едем. Потому, что я не могу всю ночь катать это тело по городу. Она и так испачкала пол салона и провоняла весь.

Поскольку быстро я не ответила, незнакомец убрал руки, упершиеся в машину у моих висков и усмехнулся.

– Кстати. Меня зовут Борислав Беркутов. Но все зовут меня Беркут.

Я сглотнула. Мда. Более чем подходящая фамилия. Как и кличка. Беркут.

Хищный. Сильный. Быстрый. Лучше и не придумаешь.

– А тебя как зовут? – нетерпеливо продолжил разговор «в одни ворота» Беркут. Похоже его энергичная натура не выдерживала моего ступора. – Давай уже. Приди в себя и что-то скажи... Понимаю, что ты пережила шок. И сейчас еще слегка не в себе. Но все же нормально. Разве не так? Я тебя в обиду не дам! Любой, кто покусится, получит на орехи. В точности также, как те уроды. Ну же... Все нормально... Все будет хорошо... Поверь, я об этом позабочусь...

Последние слова он произнес уже гораздо более мягким тоном. Совсем без раздражения. И это слегка встряхнуло меня. Да и обещание защиты таким тоном, словно Беркут клялся, не меньше, сразу сбавило градус тревожности.

– Э-э-э. Аля... Альвина.

Я снова нервно хихикнула.

– Что? – удивился Беркут.

– Просто я уже думала, что сегодня мужчины моего имени спрашивать не станут. Кстати, мою подругу зовут Ирина.

– Бессмысленная информация, – отмахнулся Беркут и даже немного поморщился. – Вряд ли мне удастся пообщаться

с этим телом. А если и удастся. Не думаю, что мне будет это интересно.

Я развела руками. Защищать Ирину не хотелось. Особенно после всего, что со мной приключилось по ее милости.

– Так куда мне доставить этот мешок мяса? – вернулся к прежней теме Беркут.

– Березовая двадцать семь, квартира сорок. Там живет мама Ирины. Должна открыть дверь... Если что – ключи в кармане платья Ирины.

– Хрущевка. Пятый этаж. Отлично! – Беркут беззлобно оскалился и открыл мне дверцу машины. На сей раз, я села сама. Пристегнулась.

И железный зверь рванул с места, как и в прошлый раз. Беркут не любил медленного разгона, плавного торможения и спокойной езды. Это я уже уяснила.

– Кхм... – вдруг покосился на меня спутник. – У этого платья есть еще и карманы?

* * *

Беркут

Несколькими часами ранее

Трасса – место где можно выпустить пар скоростью и даже расслабиться. Ловить ветер боками железного монстра, будто корабельными парусами.

Но еще это место, где случается всякое.

Беркут ехал немного расслабиться, развлечься, уйти от дел.

Один. Потому, что он не любил расслабляться в компании бизнес-партнеров. А друг некстати укатил куда-то на Мальдивы.

Сегодня на работе было напряженно. Несколько сделок, в которых Беркута то и дело пытались подрезать конкуренты или подставить подножку партнеры. Бизнес – те еще джунгли. Каждый может оскалиться саблезубыми клыками. Только следи, гляди в оба. Если не хочешь, чтобы тебя сожрали, близко никого не подпускай и никому не давай спуску.

Но все закончилось отлично.

И вот трасса тоже решила испытать нервы Беркута.

С одной из поселковых дорог выскочила легковушка, не справилась с поворотом и вылетела прямо под колеса большегруза с бревнами.

Видимо, дебил водитель слишком спешил, как и многие владельцы спортивных авто считая, что любая дорога – их гоночный полигон. Да и вообще с их распальцовкой и крутотой уже никто не страшен. Даже сам черт.

Таких идиотов, которые только и могли что мериться гра-

дусниками цены и модности своих тачек Беркут уже повидал. И всегда от них были одни неприятности.

Так оно произошло и теперь. Предсказуемо, мать твою!

Водила большегруза ударил по тормозам, машину здорово развернуло. Бревна подскочили и покатались. Начали прыгивать на трассу, будто решили прогуляться. Понеслись под колеса маши, вмиг превратив трассу в бурелом.

Зашипела резина, воздух наполнили гудки, матерные ругательства, вопли страха и ужаса.

Машины тормозили, давали задний ход, ухали на обочину.

Разворачивались, пытались объехать, делали крутые виражи.

Изощрялись как могли, чтобы избежать столкновения с бревнами и друг с другом...

Это было просто нечто.

Эдакие пятнашки, где жизнь и здоровье стоят на кону.

Сыграл правильно – ты молодец, нет – так сыграешь в ящик.

Следующий рогатый большегруз огибал место аварии, не справился с поворотом, и смачно впечатался в столб.

Грохот ненадолго перекрыл шумовую вакханалию.

Послышался треск, гулкий звук и...

Тшшш...

Этот звук, похожий на шипение тысячи змей, раздался словно из ниоткуда. И Беркут сам не понял, как среагировал.

Газанул, вылетел на обочину и там, боком, пронесся дальше. Глядя, как высоковольтный провод скачет по асфальту озверевшей гадюкой и жалит, жалит, жалит...

Несколько машин попали под удар. Беркут притормозил. Вызывал скорую, полицию. И заметив, что машины с мигалками уже спешат к месту происшествия, облегченно выдохнул.

Потом пришлось несколько часов провести с полицейскими.

Беркут рассказывал, что видел. Несколько раз. Детально. Впрочем, ничего особенного он засечь не успел. То же, что и остальные здоровые и перепуганные свидетели.

Поэтому, в итоге, его отпустили, попросив подписать показания.

Напоследок Беркут спросил, как там водилы, что угодили в аварию.

Водитель спортивной машины, который все начал, иначе и не скажешь, оказался в реанимации в тяжелом состоянии. Столкновение с большегрузом, этой горой на колесах, хорошим ни для кого не заканчивается. Там тормозной путь, что для некоторого – целое путешествие. Ни шанса на мягкое столкновение. Только хардкор!

Остальных с ожогами и травмами разной тяжести развезли по больницам. И вроде бы все находились в более-менее приличном состоянии. Во всяком случае никто не погиб, не впал в кому, и не поселился в реанимации.

Однако, если верить «погонам», только Беркут и еще один ловкий водила совсем избежали травм. Остались целыми и невредимыми.

Теперь Беркуту просто необходимо было отвлечься. Поэтому, что тормоза отказывали.

И тут эта парочка что-то там отмечающих пташек из среднего класса.

Одна, словно тощая ворона. С узким лицом, глубоко посаженными блекло-серыми глазами и мочалкой белых волос на голове. В узком платье-чулке, что обтягивало плоскую задницу.

Вторая... ласточка. Он и сам не знал почему так подумалось. Но прозвище прилипло к той незнакомке. Как приклеенное, словно второе ее имя.

Изящная, изысканная, будто бриллиант среди побрякушек и стекол. С высокой большой грудью, размера третьего. Талией, которую Беркут мог, наверное, обхватить ладонями.

С длинной шеей, прямыми, как стрелы, ногами, от которых просто глаз не отвести. Копной пышных темных волос с рыжим отливом.

Большими миндалевидными глазами, чуть подчеркнутыми татуажем. Бровями вразлет и маленькими, сочными губами. Беркут не мог сказать навскидку сколько ей лет. Вороне было явно под сорок. Возможно, тридцать пять. При таком поведении потасканность – дело обычное. А вот ласточке...

Беркут наблюдал за ней весь вечер.

Как она поднималась из-за столика и словно не шла – плыла. Как смеялась вместе с вороной. Пока та хрипловато каркала, а под конец и вовсе – пьяно похрюкивала. Смех ласточки доносился до Беркута симфонией.

Как она опраправляла короткое свободное платье с пышными рукавами, чтобы то закрывало шикарные, круглые, словно налитые яблочки, ягодицы. Хотя и была в кожаных лосинах. Задирай «верх» – не хочу. Ничего неприличного. Почти все в заведении уже знали, что у вороны под черным платьем красные трусы.

Беркуту нравилось наблюдать за ласточкой. Он забывал о пережитом на трассе, хотя оно еще бродило в крови хмельным коктейлем и взвинчивало эмоции на дыбы. А заодно и желания тоже.

Заводило пусковым механизмом. И бомба Беркута уже тикала. Тик-так... тик-так... В такт быстрого, слегка ошалелого пульса.

Время от времени напоминая о том, что он – молодой мужчина и сейчас неудовлетворен настолько, что и пищу-то переваривать нечем – вся кровь скопилась в другом месте.

Курок буквально уже взведен. Нужно лишь чуть поднажать – и выстрел.

Спустя некоторое время к Беркуту подошла официантка. Одна из тех, что обслуживали вип-клиентов.

– Вам еще что-нибудь нужно?

Беркут откинулся на спинку кресла.

– Вот те две женщины. Что они заказывали и что смотрели, но не заказали?

Официантка бодро отчеканила:

– Крашенная блондинка заказывала пасту, много-много коктейлей и еще пасту. А потом тирамису и еще много коктейлей. Шатенка заказала пиццу и, по-моему, хотела чизкейк.

– Принеси ей. Я оплачу.

– Какой?

– А какой у вас самый свежий?

– Фисташковый.

– Значит, его.

И уж никак не ожидал Беркутов, который ехал за шатенкой, сам не понимая зачем, что на пути возникнут те ушлепки.

Не один Беркут залип на эту куколку.

Стоило ему увидеть, что тот ублюдок почти...

У Беркута сорвало крышу.

Он неплохо дрался. Любил побоксировать, немного побаловаться вольной борьбой с теми, кто разбирается. Но сейчас это был не бокс и не спаринг – настоящий, насыщенный гормонами и эмоциями мордобой.

Беркут вбивал удары в лица и тела пьяных противников, как гвозди в крышки их гробов.

Четко... Один за другим... Не жалея силы.

Подробно, на пальцах, а, вернее, на пинках и кулаках объ-

яснял тем ублюдкам, что эта женщина – не их поля ягода. Такая не для них. Совершенно.

Им и стоять-то с ней рядом – уже преступление.

А потом... потом он сам едва не слетел с катушек.

Второй раз за день у Беркута отказали тормоза.

Когда они с ласточкой стояли на трассе, вдвоем, и Беркут держал ее в плену своих рук. Испуганную, взвинченную и от этого еще более красивую. Дразнящую... Притягательную...

Она походила на птицу, что заперта в клетке, но в любую минуту готова выстрелить в небо, представилась бы только возможность.

Близость ласточки щекотала нервы почище недавнего шелеста шин по трассе. Также остро, также невыносимо бодряще, как прыжки высоковольтного провода неподалеку... Совершенно выбивала из колеи. Вызывала приятные и одновременно болезненные спазмы в животе, которые спускались в пах. И там все наливалось тяжестью, жаром...

Беркут вполне понимал тех ублюдков. Надо же куда-то сбросить пар, посмотревшись на эту женщину.

А не глазеть на нее, не пялиться было просто невозможно. Взгляд прилипал намертво. Захочешь – не отведешь. Сам себя одернешь – и все равно ласточка станет центром внимания.

Сидя с ней рядом, Беркут ощущал себя так, будто разъяренная змея высоковольтного провода все же добралась до него. И шандарахнула. Еще как шандарахнула!

Аж искрило. Аж темнело в глазах.

И вместо того, чтобы найти женщинам такси, отправить их по домам, Беркут зачем-то заделался их личным извозчиком. А точнее, службой доставки недвижимого имущества ласточки – ее подружки-готовальни.

Даже обманул Алю, что те мрази были не одни. Что в любой момент к ним может подоспеть помощь. Чтобы ласточка не трепыхалась и поехала с ним.

Потому что Аля, кажется, почувствовала, что Беркут не просто так расщедрился на длинные круги по городу. У него тоже был свой интерес...

Ложь вылетела из горла сама. Беркут даже не напрягался.

* * *

Аля

Какое-то время мы ехали молча. Я заметила, что Беркут опять заблокировал дверцы машины. Но предпочитала об этом не думать. Куда мне деваться посреди трассы? Да еще и с «мешком мяса», как метко выразился спутник.

Ирина заразительно храпела на заднем сидении. Становилось ясно – хоть немного привести ее в чувство, заставить хотя бы инстинктивно передвигать ногами, мне уже вряд ли

удастся. В такси «таких» не часто сажают. Боятся, что их вытошнит на сиденье или еще чего похуже... Например, случится недержание... Да и какой водитель согласится нести Ирину до самой квартиры? Такси обычно все же заказывают хотя бы до подъезда...

А на себе я подругу уж точно не дотащу. Весим мы почти одинаково. На штангистку я не тренировалась. А тут еще одно чудесное обстоятельство – пятый этаж хрущевки, куда мы везли Ирину. И в доме нет лифта!

Миссия невыполнима!

Оставалось надеяться только на Беркута. Этот мужчина одновременно пугал, но и вызывал доверие. Казался ну просто оплотом надежности.

Я опасливо косилась на Беркута. Скользила взглядом по его рукам, обтянутым тугими канатами мускулов, и задерживаясь на кистях. Огромных, как лопаты и одновременно достаточно красивых. Благодаря длинным пальцам, которые скрадывали широту ладоней.

– Ну и что? Нравлюсь? – внезапно спросил Беркут, когда я в очередной раз мазнула взглядом по его волевому профилю и мощной груди. Которая сейчас, казалось, по-прежнему вздымается чаще, чем того требовала ситуация.

– Эм... Странный вопрос, – совершенно растерялась я.

– Ни разу не странный. Ты меня уже битых полчаса изучаешь и так, и сяк. Вот я и спрашиваю. Нравлюсь?

– Нне знаю... А это имеет значение?

– Раз спрашиваю, значит, имеет.

И он вновь замолчал. Чуть поджал губы и какое-то время непрерывно хмурился. Как будто его задел наш разговор. Или что-то другое задело.

Но я предпочитала не спрашивать. Доедем, поблагодарю от души и разойдемся с миром. Нет смысла лезть в спутника глубже. Мы больше никогда не увидимся.

Я тогда еще не знала, что Беркут не просто так получил свое прозвище.

Он хищник и он умеет охотиться. А если и отпускает добычу, то лишь затем, чтобы снова вцепиться в нее мертвой хваткой.

Машина въехала в сияющий всеми ночными огнями город. Влилась в бурный поток авто.

Слишком уж бурный для двух часов ночи.

– Тут лучше направо... Потому что там, куда ведет навигатор, дорога разбита... Там лучше уже сразу ехать на танке... – нарушила я тишину салона робким замечанием, с оттенком ехидцы.

Беркут прожег взглядом и крутанул руль. Сделал так, как я и советовала.

Снова мы ехали в полном молчании, и я уже минуты считала до дома Ирины. Потому, что напряжение какой-то непонятной природы здорово дергало нервы. И нагнеталось с каждой минутой. Беркут косился на меня все более странно. Или мне только так чудилось. Во всяком случае, я ни на

минуту не могла расслабиться. Хотя тело откровенно требовало более удобного положения, подушки и сна. Разве что только не голосовало с плакатами «Отдыха!»

Наверное, я продержалась на одном только адреналине. Потому что стоило лишь слегка сбавить градус внимания, как глаза начинали слипаться, и голова становилась до жути тяжелой. Несколько раз я клюнула носом и сразу же просыпалась.

Беркут окидывал внимательным, понимающим взглядом и только качал головой.

Но ничего не сказал.

Наконец, мы добрались.

Вообще-то подруга жила в элитной четырехкомнатной квартире в другом конце города. Но я не помнила адреса.

Ирина лишь недавно приобрела новое жилье. Продала предыдущую трехкомнатную и тоже элитную квартиру и добавила денег. Все обещала нам новоселье, но так пока и не сподобилась.

Поэтому я решила привезти Ирину в квартиру ее матери. Часть вещей подруги еще там хранились. Так что я была уверена – утром Ирина сможет привести себя в чувство. Помыться, переодеться и переосмыслить наши приключения.

Если она вообще помнит ту их часть, которую я предпочла бы забыть.

Беркут притормозил возле парадного.

Вышел, открыл заднюю дверцу машины. Ловко закинул

Ирину на плечо и двинулся к подъезду.

Я даже не поняла – как Беркуту так повезло. Подъезд заперся на замок. И дверь открывалась по звонку с домофона или магнитным ключом одного из жильцов. Ключи из кармана Ирины спутник так и не удосужился выудить. Мне почему-то почудилось, что он брезгует.

А теперь, когда Ирина висела у него на плече, не прекращая сладко похрапывать, это было бы крайне затруднительно.

Однако из дома как раз выходил парень. И Беркуту оставалось лишь придержать дверь ногами.

Я стеклянным взглядом наблюдала как его мощная спортивная спина скрывается за дверью...

Но... спустя несколько секунд, мое мутное, полусонное сознание сигнализировало красной лампочкой.

Я аж подскочила на сидении и резко выпрямилась, расправив плечи. Проснулась, а точнее даже – очнулась, вышла из ступора дремы.

Че-ерт!

Почему Беркут не позвал меня следом?! Последние минуты дороги я прикидывала – не завалиться ли к Ирине поспать. Настолько усталость брала свое. Я боялась, что просто не дотяну до собственного дома в более-менее вменяемом состоянии. И Беркуту придется тащить на себе еще один «кусочек мяса». Только не пропитанный насквозь алкоголем.

Я уже даже прикидывала, где прикорну в квартире мамы

подруги. Наверное, на раскладной кресле-кровати, которую держали для усталых гостей...

Я ночевала там еще школьницей...

Вспомнила бы лучшие годы. Когда и трава была зеленее и мужчины приятней... Потому что большей частью я читала про них в книгах и смотрела в кино.

Я уже хотела броситься за Беркутом. Но вдруг поняла, что машина останется не закрытой на ключ.

Че-ерт еще три раза! Такую иномарку нельзя бросать без присмотра!

Я за нее до конца жизни не расплачусь! И, даже, если стану вампиром, придется еще пару сотен лет работать только на долг.

И тут мой взгляд упал на ключи в замке зажигания.

Ого! Он настолько мне доверяет? Или тоже уже почти засыпает? Нет, лучше мне этого не знать. Хватит с меня потрясений на один вечер. Надо как-то дозировать нагрузку на нервную систему.

Не больше одного шока за сутки.

А то нервный тик идет далеко не всем. Да и мало ли какие еще отморозки примут мой нервный тик за подмигивание и заигрывание...

Да уж... Прошляпила я свое счастье... Плакал мой план выспаться у Ирины!

Придется держаться до конца!

Кто ж знал, что этот «конец» обескуражит и меня и Бер-

кута. Выбьет почву у нас из-под ног и перевернет наши жизни с ног на голову...

Похоже, сегодня мне вообще противопоказано что-то планировать. Я ведь собиралась погулять, расслабиться и вернуться домой без приключений...

Ага... Расслабилась... Вернулась... Без приключений...

Придется, сцепив зубы, сражаться со сном еще минут двадцать или тридцать. Тут уж как повезет с дорогами.

Я откинулась на спинку сиденья и ждала Беркута, борясь с тяжелыми веками, которые закрывались буквально уже сами собой. Так и норовили слипнуться намертво.

Беркут вернулся довольно быстро.

Сунул свой навороченный смартфон в мое приоткрытое окно и продемонстрировал красноречивое фото.

Ирина блаженно дрыхла на своем диване. Даже без обуви.

– Хорошо, что дверь закрывается снаружи на защелку, – раздраженно сообщил Беркут. – Потому, что мама твоей подруги, похоже, сегодня ночует не дома. Если честно, этой ночью и я предпочел бы другое место для отдыха.

Я схватилась за ручку машины, собираясь выйти и вызвать такси. Казалось уже вопиющей наглостью заставлять Беркута тащиться на другой конец города, словно мой личный шофер.

Однако Борислав мгновенно запрыгнул в салон и ловко перехватил мое запястье.

Сжал. Не больно, но ощутимо.

Да уж... Он точно не сонный. Действовал Беркут также четко, натренировано и молниеносно, как в драке.

– Я хочу домой, – тихо пискнула я. Сил на какие-то объяснения, расшаркивания, препирательства уже не оставалось.

– Я отвезу, – спокойно сказал Беркут. – Говори адрес.

– Черешневая двадцать семь.

– Квартира?

– Я живу в одноэтажном домике. В частном.

Язык уже едва ворочался. Пережитое потрясение, длинная дорога в город и ночная усталость сделали свое дело. Я прямо вырубалась на ходу. Тем более, что обычно я ложилась значительно раньше и в это время уже видела десятый сон.

Беркут опустил сиденье, чтобы я оказалась в более удобном положении, и вытащил из бардачка надувную подушку для путешествий. Быстро надул ее и вручил мне.

Следом на мои ноги перекочевал мягкий кашемировый плед.

– Спи. Нам дороги еще минут тридцать по пробкам в этом районе.

– Какие пробки? Ночью?

– Это вопрос не ко мне. Все вопросы к нашим градостроителям.

– Но если я засну...

– Я разбужу, как доедем.

Он казался слегка раздраженным и одновременно чуть

ошарашенным.

Я списала все на приключение, в которое мужчина вляпался по нашей с Ириной милости.

Вначале угодил на реслинг. Потом сыграл роль скорой помощи, что собирает пьяных по улицам. И – последним аккордом – становился моим личным водителем.

Я послушно надела подушку на шею, накрылась пледом и устроилась поудобней.

Ммм... Красота... Тепло, хорошо...

Казалось таким соблазнительным не выходить, не пытаться найти такси... Что все во мне проголосовало за вариант Беркута.

Стоило закрыть глаза, как я тут же вырубилась.

Глава 2

Аля

Очнулась я в темноте. Определенно не на своей постели.

Подо мной оказался внушительных размеров диван, наверное, рассчитанный человек на десять. Он тянулся от одной стены сумеречной комнаты к другой. И еще огибал угол.

Мягкая ткань ворсистой обивки казалась приятной к коже.

Тонкая простынь, что выполняла роль одеяла, похрустывала чистотой. Чуть более жесткая, чем мне нравилась, она пахла лавандой.

Стоп!

Огромная комната! Диван! Простынь! Лаванда!

Я подскочила на месте и села, суматошно оглядываясь.

Свет немедленно врубился, чтобы нокаутировать меня паникой.

Шок сработал почище двойного кофе. Меня буквально подбросило на ноги. Кожу обдало прохладой, и я суетливо прижала к голому телу простынку. Оглядывалась, не в силах сделать нормальный вдох. Горло сдавили тиски спазма.

Комната оказалась поистине огромной и хорошо, со вкусом обставленной.

Фотообои с лесом и озером теоретически должны были навевать спокойные, расслабляющие мысли. Правда, не в моей ситуации. Когда очнулась неведомо где и неведомо почему.

Тут уже не до релаксации. Как бы совсем крыша не съехала. Тем более, после моих ночных приключений...

Брр...

Белые жалюзи на окнах оказались слегка приподняты и обнажали вид на настоящий парк, а точнее даже – кусочек леса.

Реально! Самый настоящий уголок нетронутой человеком природы!

Кроме дивана в комнате обнаружился небольшой столик, возле стены. На нем выстроились ладным рядком ажурные вазочки с сухофруктами и орешками. Рядом высился красивый, изящный графин с соком. Наверное, с апельсиновым, судя по цвету и запаху.

Я расхаживала по мягкому паласу с высоким ворсом босыми ногами, одетая как древнегреческая богиня – в тунику из простыни, под которой уже ничего не было.

Завершив обход комнаты, я собиралась двинуться дальше. Уже зацепила взглядом две двери. Одна, видимо, вела куда-то в коридор или в соседнее помещение. Вторая, судя по объемному изображению стекающих вниз капель – в ванную комнату.

Однако стоило сделать несколько шагов к первой двери,

как в проеме выросла знакомая мощная фигура Беркута. Его босые ступни перекатывались по паласу совершенно бесшумно. Будто этот мужчина учился подкрадываться незаметно...

Сейчас он выглядел еще более внушительным и гораздо более пугающим, чем прежде.

Белая футболка придавала Беркуту объема и акцентировала внимание на размахе его плеч. Поистине богатырском, иначе и не скажешь. Синие трико очерчивали мускулистые ноги мужчины.

При этом Борислав совсем не казался массивным. Его фигура была поджарой, как у матерого хищника.

Беркут казался просто огромным, а я – совсем маленькой. Все в нем излучало силу, от которой у меня мурашки бежали по коже и неприятно сосало под ложечкой.

Есть такое выражение – излучать спокойную силу. И, наверное, оно вполне подходило к Беркуту. Потому что двигался он очень медленно, плавно и совершенно спокойно. Но одновременно словно лишал меня пространства. Шаг за шагом сокращал комнату до размеров расстояния, что нас разделяло...

Брр... Аж мурашки побежали по спине, вызвав холодок и передергивание.

Чуть прищуренные серо-голубые глаза Беркута сверлили, как и во время нашего вчерашнего путешествия.

От неожиданности я попятилась, и нога предательски

подвернулась. Секунда – и я на руках у мужчины, практически в чем мать родила!

Беркут сделал натужный глоток, словно в горле у него что-то мешало и вдохнул порциями, как на трассе.

– Кхм... – вырвалось из его рта. После чего мужчина с минуту просто прижимал меня. Крепко, уверенно, будто так и положено. Словно он мне хозяин, владелец или вроде того.

У меня сердце грохотало в ушах. Я искала на красивом, мужественном лице Беркута ответы. Но на нем застыло нечитаемое выражение. Борислав будто окаменел – весь, с головы до ног.

Я даже поежилась. Сжалась и до боли свела челюсти.

Беркут беззлобно оскалился и тихо, но очень грязно выругался. Осторожно вернул меня «на родину» – на диван, где я и проснулась.

Я, наконец-то, смогла дышать и даже разговаривать.

– Что я здесь делаю? И где я вообще? Вы же обещали отвезти меня домой? Я, что, похищена?

Что вы собираетесь со мной делать? Почему я голая? Где мои вещи?

Я засыпала мужчину вопросами, а он все больше хмурился. Медленно пересек комнату и, присев на краешек стола, скрестил мощные руки на груди. Я заметила, как вздулись на них вены. А еще на шее и груди Беркута...

Когда поток моих вопросов иссяк, Беркут отделился от мебели и вновь совершил променад. Словно ему требова-

лось для чего-то это движение... Было буквально необходимым занять себя чем-то после моего монолога.

Ух... Как же все это странно! Какой же он странный и непонятный!

Причем, все это время Беркут не сводил с меня взгляда – и одним этим взглядом почти обездвизивал, пришпиливал к месту. Как пойманную бабочку к игольнице.

Наконец, Борислав вернулся на прежнее место, и снова присел на край стола.

Ответил он на удивление дружелюбно, спокойно и даже почти ласково:

– Аля. Вы дали мне адрес Черешневая двадцать семь. А таких улиц в городе, как выяснилось, четыре! Причем, все они в разных уголках города. Потому, что когда-то это были поселки. Затем их присоединили к столице, не озаботившись тем, что названия улиц идентичны. Я доехал до нужного адреса. Но оказался в гостях у незнакомцев. Которые про вас даже не слышали. После этого я сверился с картой города и решил, что объезжать следующие три поселка, по принципу – вдруг повезет, придется всю ночь. Поэтому я временно привез вас к себе домой.

Я сглотнула. Звучало логично. Даже вроде бы вполне правдоподобно. Но для меня ничего толком не объясняло. Поэтому я обрушила на Беркута новый град вопросов.

– Почему я голая-то? И почему вы меня не разбудили? Я бы пояснила куда ехать!

– Кхм, – он хрипло откашлялся и отвел взгляд от моей груди, едва прикрытой полупрозрачной белой простынкой. – Вся ваша одежда была в грязи и пыли. А лосины – и вовсе превратились в драные тряпки...

Он сделал паузу, позволяя мне немного глотнуть воздуха. Потому что сразу вспомнилась причина того, во что превратились мои лосины. И адреналин буквально ошпарил жаркой волной.

Горячая пятерня на интимном месте и рывок... Скрип и треск ткани... И влажный, твердый мужской орган, что почти вошел куда надо... Если бы не подоспел Беркут.

Я тряхнула головой, будто пыталась вытрясти эти мысли и вновь сфокусировалась на собеседнике.

Тот мягко улыбнулся. Как-то почти приветливо. Даже непривычно было видеть на его лице подобное выражение. Как будто хищник внезапно не обнажает клыки в оскале, а радушно улыбается во все губы. Или протягивает руку для пожатия вместо того, чтобы вцепиться в горло.

– Я взял на себя смелость раздеть вас, немного окатить душем и отдать вещи в стирку. С минуты на минуту вам должны привести новые, вашего размера.

– Почему вы меня не разбудили?! – возмущенно спросила я, встала и даже топнула. Однако простынь сыграла со мной злую шутку. Похоже, в этой схватке она выступала на стороне хозяина. Я наступила на краешек ткани, и та сползла к ногам белой кляксой.

Я оказалась совершенно обнаженной и тут же прикрыла грудь руками.

А потом лобок. А потом одной рукой то и другой – другое. Беркут снова хрипло прокашлялся. Скользнул голодным взглядом по моему телу и торопливо засунул руки в карманы. Словно прятал их, чтобы чего-то не сделать.

Я подхватила простынь и заполошно укуталась. А затем с вызовом воззрилась на мужчину.

– Почему вы меня не разбудили?! – становясь заезженной пластинкой, настойчиво повторила я.

Беркут привычно уже втянул воздух порциями. На сей раз, это у него вышло еще дольше прежнего. Затем Борислав сделал тяжелый, с усилием глоток и опять прокашлялся.

– Вы спали, как убитая. Не проснулись даже, когда я вас окатывал душем...

Он выдержал паузу, сцепив зубы так, что я видела, как напряглись мышцы челюсти. И желваки заходили ходуном.

– Я бы сама приняла душ. Переделась и все остальное. Почему вы меня не разбудили?! Что вы собираетесь со мной делать?! Зачем вы привезли меня к себе домой?

Вместо ответа Беркут налил мне соку в высокий, изящно граненый стакан. Сунул в руку. И отошел на приличное расстояние, словно не мог находиться поблизости.

– Сядьте, успокойтесь и давайте поговорим.

Это предложение, сделанное хриловатым басом под журчание сока, который Беркут наливал и себе тоже, несколько

меня ошарашило.

В мыслях творился полный кавардак.

Обсудить? Что нам с НИМ нужно обсуждать?

Боже! Во что я опять вляпалась?

Что делать? И как бежать?

Я послушно села на диван, и замерла. Со стаканом в руке.

Беркут, тем временем, взял себе стул, устроился напротив, выдержав расстояние в пару шагов, и залпом осушил свой бокал. Будто бокал крепкого алкоголя.

– Ну чего ты, как неживая? – спросил с заметной досадой и будто бы даже встревоженно. – Разве я тебя хоть чем-то обидел? Почему ты думаешь обо мне так?

Я изучала его лицо. Чего добивается этот мужчина? Чего он от меня хочет? Привез меня к себе домой! Это звучало настолько пугающе, что мне бы сейчас сок в глотку не пролез.

Почему я о нем «так» думаю?

Да черт побери! Я в его власти. Во власти богатого и, видимо, развращенного самца. Который черт знает, что хочет со мной сделать. Определенно одно точно хочет. Конфигурация трико Беркута говорила об этом лучше всяких слов.

Я инстинктивно прижимала к себе простынь, словно она могла спасти меня от посягательств Беркута и дышала, кажется, через раз.

Молчание воцарилось в комнате. Настолько напряженное, что, казалось, еще немного и воздух всколыхнется взрывами.

Беркут пялился на меня. Именно – пялился! Словно голодный зверь, который яростно следит за мелким животным, уже готовый проглотить его со всеми потрохами. А я глупо куталась в тонкую тряпочку, нервно комкая ее кулаками.

Я даже не знала, что лучше: убежать в таком виде и попытаться выбраться из владений Беркута, а потом нестись куда глаза глядят или остаться тут. Потому, что разгуливать в таком виде... Ну это же все равно что напрашиваться. Остаться тут, судя по виду Беркута – тоже.

Да-а-а. Кажется вчерашние мои приключения плавно перетекают в сегодняшние. Потому что за окнами занимался рассвет. Рассыпал розоватые блики по кронам деревьев и золотистыми искрами проскальзывал сквозь густой частокол их стволов.

Малиновые языки лизали небо и потягивались, будто после долгого сна.

В окно повеяло росой, прохладой и влажной хвоей.

* * *

Беркут

Вопросы, которые ласточка сейчас задавала, Беркут уже несколько часов задавал себе самому. Слонялся по собствен-

ному дому, как неприкаянный, не в силах ничего предпринять или решить.

Он даже не прикорнул ни на минуту.

Да и не хотелось. Беркут всю ночь провел на ногах, а сна не было ни в одном глазу!

Да и какой уж тут сон? Когда в крови бродил дикий коктейль из сжигающего изнутри желания и совершенно не свойственных Беркуту сомнений и противоречий. Тут главное удержать себя в рамках рассудка. Не сорваться. Не утратить контроль.

Зачем он привез Алю к себе в коттедж? Он, действительно, приехал по нужному адресу. Постучался в калитку забора. Столкнулся с не очень уважительным приемом от мужика в семейных трусах и женском халате. Эдакой помесью хозяина и хозяйки.

И понял, что попал не в тот «жилой массив». Так теперь называли поселки, включенные в состав города.

Беркут мог растолкать пассажирку, которая мирно посапывала на переднем сидении и уточнить – куда, на самом деле, «направить колеса». Но почему-то этого не сделал.

Хотя мысль, определенно, вертелась в мозгу. И лгать, что этот простой, буквально просящийся ход, не пришел в голову, Беркут не хотел. Он вообще почему-то не хотел лгать Але.

И все-таки он повез ее к себе домой.

И что самое поганое – Беркут поступил бы так снова. По-

тому что... ну просто не мог по-другому.

Он в лепешку готов был расшибиться, чтобы это было не так...

Но все обстояло именно так.

А вот теперь Аля задавала все те же вопросы, которые ронились в голове Беркута и всю ночь не давали покоя. Он, правда, не знал, что ей сказать.

У Борислава решительно не получалось облечь в слова все то, от чего давило и распирало в груди. Все то, от чего, глядя на Алю, он до зуда хотел ее к себе на руки. Не просто чтобы завалить. А чтобы ощутить ее тепло, ее доверие и ее близость. Как недавно, когда поймал Алю, прежде чем она успела упасть.

Было легко решить привезти к себе спутницу, затащить ее в свое логово. Потому, что дико хотелось присвоить ее. Вот уж чего от себя не ожидал Беркутов, за глаза прозванный подчиненными и партнерами «все под контролем», так это подобного финта ушами.

Он сам не понимал зачем и почему действовал так, как действовал.

Попробуй-ка объяснить – зачем отдернул руку от раскаленной сковороды.

Инстинкт! И все тут! Какие еще могут быть объяснения?

А Аля настойчиво требовала ответа.

И ее вполне можно было понять.

Ласточка проснулась в чужом особняке. Голая. Растерян-

ная. Перепуганная.

Пыталась найти ответы на свои вопросы. И не получала их. Вернее, не получала ответа на главный. Когда и как она сможет попасть домой и чего хочет от нее Беркут.

В глобальном смысле, по всей видимости. В перспективе. Нет, чего от нее хочет прямо сейчас, Борислав знал хорошо. Даже слишком. Эти мысли не оставляли ни на минуту. Тем более, что почти обнаженный вид ласточки не позволял крови вернуться в мозг. Все изящные линии, изгибы, округлости отлично просвечивали сквозь тонкую ткань простынки.

А тут еще тряпица, которой она прикрывалась, вообще упала, стекла к ногам Али.

Вот это был удар ниже пояса. Да, да, прямо туда. Между прочим, вполне реальный удар! Довольно болезненный!

Беркут аж закашлялся, ощущая, как неприятно свело все в паху.

Сел на стул, закинув ногу на ногу. Потому что Аля скользнула взглядом по его штанам и, похоже, все поняла.

Поставила знак равенства между ним и теми ублюдками, что пытались взять ее на дороге.

Нет. В плане желаний между ними разницы не было.

Непривычно сильный, ошалелый голод по женщине не давал Беркуту думать о чем-то другом. Во всяком случае, нормально подумать, осмыслить.

Но насильником он никогда не был.

А сейчас вдруг пришло осознание: проще себя самого же кастрировать, чем обидеть эту маленькую женщину.

Поэтому Беркут набрал в грудь побольше воздуха, и обратился к Але, которая испуганно шарила взглядом по его лицу, ища ответы, которых у мужчины не было.

– Я не собирался делать ничего такого, о чем ты подумала.

– Тогда зачем вы меня сюда притащили? В сотый раз спрашиваю! Вы же могли меня разбудить! Да, в конце концов, уж если вам так надоело таскаться со мной по городу, я могла выйти и вызвать такси... Я же не дура и не такая нахалка, чтобы заставлять вас колесить столько времени!

– Да и да, – не стал отрицать Беркут. – Мог и могла.

– И? – выжала она из себя остатки смелости. И посмотрела затравленным зверьком.

Беркут встал, налил себе еще соку и вернулся на прежнее место, не забыв закинуть ногу на ногу.

Аля ждала. А он просто не знал, что ей сказать. Поэтому решил поделиться тем, что вертелось в голове все то время, пока ласточка мирно спала у него на диване. Так естественно и так правильно. Словно это ее истинное место!

Ну правда! Она была создана для этого дома, для этой гостиной и для... Беркута.

За ночь Борислав навел справки, подключив известного в городе частного детектива – Алексея. Теперь он знал, что Альвина Радужная вчера развелась с мужем. Ее сыну восемь лет, и он сейчас живет у тети Альвины. Вернее, ласточка

называла ее тетей. На самом деле, Майя Андреева была какой-то дальней родственницей Али. Очень дальней и по линии деда.

Своих детей у Майи и ее мужа Дамира не было. Поэтому она с удовольствием иной раз брала «на постой» мальчугана Альвины. С интересным именем – Риан.

Определенно, оставив любимого ребенка Майе, ласточка собиралась немного отвлечься. Развлечься. Привести себя в чувство. Ведь, судя по тому, что выяснил для Беркута Алексей, Аля души не чаяла в сыне.

И уж если решила с ним ненадолго расстаться, значит, действительно, ей требовалась передышка. Немного воздуха и немного радостей.

Работа фрилансером в качестве дизайнера, весьма, кстати, востребованного и популярного, позволяла Але взять тайм-аут. И немного пожить в свое удовольствие.

Следовательно, ничего не мешало ей пожить в свое удовольствие тут, у Беркута.

А он был очень даже готов обеспечить этой женщине все доступные удовольствия. И возможно даже не очень доступные ее социальному среднему классу.

Вот так вдруг и сразу. Готов. Даже счастлив. Да он бы в лепешку расшибся!

И Беркут совсем не был готов к тому, что Аля вот сейчас сделает ноги.

– Вы не ответили!

А она настырная!

Беркут прочистил горло.

– Я решил, что в твоей ситуации, жизненной ситуации, не помешает развеяться. Разве нет?

Аля приподняла брови, опустила и воззрилась пытливо, недоверчиво, с прищуром.

Беркут усмехнулся. Такой она еще больше ему нравилась. Недоступной, неприступной, отстраненной. И одновременно теплой, лакомой. Подобно маленькому, симпатичному ежику, который шипит и тычет в тебя колючками, а тебе безумно хочется нежно погладить пушистый животик зверька. Почесать маленького задиру за ушками. Дать ему жирной сметанки и смотреть как этот чудик уплетает на обе щеки.

Вот именно нечто подобное испытывал Беркут сейчас с Але.

И ему так хотелось ее успокоить... Просто заграбастать в свои лапищи, такую маленькую и хрупкую, и скрыть от мира у себя на груди.

Мать твою! Как же хотелось!

– Спасибо. Вчера уже развеялась. Больше не надо! Мне хватило до конца жизни, – полыхнула она возмущенным взглядом. – Или вам кажется, что мне мало досталось?

Беркут поморщился. Ну вот как с ней, с такой, договариваться?

Где, в его словах, прозвучало, что он планировал какое-то принуждение? Тем более – «как вчера»?

– В бассейне поплавать не хочешь? – зачем-то сменил тему Беркут. Возможно, потому что аргументы резко иссякли. А прямой, настойчивый взгляд Али не оставлял возможности юлить и отнекиваться. – У меня в цокольном этаже два больших. Один теплый, второй морской. Рядом есть отличная сауна. Там пар с солями из целебных солончаков. Очень полезный. Любые болезни лечит и предотвращает.

– Чего вы от меня хотите? – возмутилась Аля и опасливо покосилась на Беркута.

Тот невесело усмехнулся.

Мда. Сложно. Еще как сложно!

Вообще-то он никогда не затаскивал женщин к себе силой. Или просто потому что у тех не было выбора. Вот как у Али. Обычно женщины сами напрашивались. Не выгонишь еще, не избавишься.

Что всякие актриски, манекенщицы, что красотки из высшего света.

А эта не такая. Ласточка, а не пестрый павлин в позолоте.

Аля воспользовалась замешательством Беркута и убийственно завершила свой монолог.

Вышло похлеще, чем выстрел в упор.

– Слушайте. Я готова вам заплатить. Я готова выполнить ваши условия. Ну не будете же вы держать меня тут, как заложницу? Вы не похожи на извращенца, о которых кино снимают. Которые удерживают у себя женщин... Насилуют, издеваются... А потом убивают...

Последнее слово дернуло нервы Беркута почти с корнем, встряхнуло его всего и до основания. Он аж отклонился и едва не кувыркнулся вместе со стулом.

Мда... Это был настоящий нокаут. У Борислава кровь вскипела в одно мгновение. Знакомый железистый вкус пощекотал язык – Беркут прикусил губу и даже не заметил.

Убивают... Мать твою! Да Беркут любого за нее сам убил бы!

Но как объяснить это женщине, которая едва его знает, видит первый раз в жизни, если он даже себе не может ничего объяснить?

Аля испуганно очертила глазами комнату, словно пыточный подвал какой-то. Явно отлично представила все, что так энергично перечисляла недавно. И аж поежилась, вся передернулась...

Из горла Беркута вырвался нервный смешок с рычанием вперемешку.

Ну да. Он выглядит как похититель, который затащил к себе женщину, чтобы ее иметь. Нет, иметь он совсем даже не против. Даже не так. Очень хочется поиметь ее. И чем быстрее, тем лучше. Ибо то, что творится в паху, уже ни в какие ворота не лезет.

Но не так. Он совсем не хотел, чтобы Аля считала себя пленницей. И, уж тем более, сексуальной рабыней. Разве что понарошку, в качестве ролевой игры.

И уж точно он никогда не посмел бы ее обидеть. Ни за что

на свете.

Наоборот! Он доставил бы Ей удовольствие... Наизнанку бы вывернулся, но заставил Алю стонать и выгибаться от своих ласк...

Ох, зря Беркут об этом подумал!

Он поменял позу, сунул руку в карман, поправился и закинул другую ногу на ногу.

– Не буду, – ответил хрипло. – Держать, как заложницу.

– Тогда, может, вернете мне сотовый? Я вызову такси? И уеду? Готова даже в старой, рваной и мокрой одежде! Только верните ее!

Она произнесла это с таким энтузиазмом и радостью, что у Беркута аж зубы закричали.

А ласточка даже чуть поерзала на диване, словно уже собиралась рвать когти.

Разминалась, как бегунья перед стартом.

Беркут посмотрел на графин с соком, думая, как же хочется садануть им в стену. А потом, вдогонку отправить и столик. И, наверное, еще стул.

Но вместо этого встал, налил себе еще апельсинового нектара и проглотил, почти не чувствуя вкуса.

– Как на счет признательности за то, что я вас вчера выручил? Я не заслужил? – он не сдержался – посмотрел на Алю так, как хотелось. Обвел взглядом ее изящную и одновременно очень даже соблазнительную фигурку. Ладную такую. Прямо как надо.

Ласточка настороженно вжалась в спинку дивана. Нарастающий голод по ее телу, видимо, настолько хорошо читался во взгляде Беркута, что скрещенные ноги уже ничего не скрывали. Напротив, Аля мазнула взглядом по ним – снизу – вверх. И Беркут зачем-то, отставив стакан, сложил руки в области паха. Будто прикрывал все то, что пугало ласточку.

Прикрывал, мать твою! На чистых инстинктах, не думая.
– Так что на счет благодарности?

Он видел, что загоняет ее в угол. И фигурально, и буквально.

Ласточка еще сильнее сгруппировалась, подобралась, словно готовилась к обороне. Но слова вырывались изо рта сами. Беркут почти их не контролировал. Как, собственно, и свои желания, и свое тело, и свои эмоции.

И тут Аля издала слабый, нервный смешок. Он прошелся по нервам Беркута мощным разрядом, ударив по самому больному. И следом – вдогонку – пришел хук ее ответа.

– И что же вы хотите? Орден? Или то же, что и те уроды? Только другим, более изящным способом? Менее варварским, на ваш взгляд, видимо!

Беркуту почему-то ужасно не нравилось, что она сводит все к одному. Хотя это одно не выходило у него из головы со вчерашнего вечера. С момента, когда увидел ее.

Даже не думал, что такое бывает. Поймал взглядом женщину – и все, все мысли крутятся вокруг одного. Поиметь ее. Наверное, так зверь выбирает себе самку. Гонится за ней

в жару и в стужу, сбивая ноги в кровь и голодая. Лишь бы настигнуть и сделать своей парой.

Беркут даже слегка усмехнулся. И ласточка вздрогнула, будто он в нее выстрелил.

Твою мать! Как же убедить ее расслабиться?!

Беркут еще никогда так отчаянно не старался чего-то добиться. Возможно, с момента, когда пытался вылечить мать от рака. Когда буквально из кожи вон лез. На все был готов.

Работать с утра до ночи, не спать, не есть, не отдыхать.

Лишь бы все получилось...

И вот тебе на! Новость!

Оставить у себя в гостях Алю и спасти мать – разве это одно и то же?

Так почему он чувствует одинаково?

Беркут прочистил горло и попытался зайти с другой стороны.

– Аля. Как вы смотрите на то, чтобы в качестве благодарности мне за спасение вас и вашей подруги, а также доставки ее домой, погостить у меня несколько дней?

Сам не понимал – что несет.

Но слова вылетали легко – словно готовился и репетировал.

Аля нервно поерзала на диване и осторожно так уточнила:

– Что значит «в качестве благодарности»? И что значит «погостить»?

– Просто пожить тут несколько дней. Как в санатории. Без

любых обязательств и правил. В качестве признательности за мою помощь. Разве я не заслужил ее?

Она изогнула красивые брови, сглотнула. На секунду затихла, словно что-то там решала в своей маленькой прелестной головке. Вдруг вскинула взгляд на Беркута и выпалила с таким видом...

Так идут в последнюю атаку солдаты, когда уже не надеются выжить...

– Зачем? Что вам от меня нужно? Да говорите уже! Хватит ходить вокруг да около! Вы все время уходите от ответа! Я уже раз сто вас спросила! Да будьте же мужиком! Скажите, в конце-то концов! Что... вам... от меня... нужно!

Аля чуть подалась вперед, но запал ее быстро иссяк. Ласточка опять забилась в угол дивана.

Массивная фигура Беркута наводила на нее ну просто непонятную панику. Глупую даже!

Разве он не мог поймать ее, спящую? Разве сейчас она смогла бы отбиться от Беркута? Разве она могла бы хотя бы когда-нибудь от него отбиться?

И разве ее крики слышали бы за звуконепроницаемыми окнами и стенами коттеджа?

Так какого же, мать твою, Аля уставилась так, словно он уже, вот прямо сейчас ее насилует?

Зачем он ей предлагал то, что предлагал?

Действительно, зачем?!

Потому что заграбастал ее и не может выпустить из лап?

Да, так и есть! Беркут еще никогда в чем-то так болезненно, так бесконтрольно, так отчаянно не нуждался. Ни в ком и ни в чем. Так, как в этой незнакомой, совершенно чужой ему женщине. На которую хотелось смотреть. С которой хотелось разговаривать. Которую хотелось на руки...

И которую так хотелось... Словно совсем изголодался по женскому обществу.

Мда. Неандерталец ты, Беркут «все под контролем». Дикий, ненормальный неандерталец. Схватил женщину, затащил к себе в пещеру и хоть привязывай. Отпустить не можешь. Как та макака, что схватила апельсин, спрятанный в дупло, и попалась в лапы охотника, потому что отказаться от добычи уже не в силах. Так и сидит с застрявшей в дупле пятерней. Пока не получит хорошенько по башке. Или того хуже – пулю в сердце.

Свою пулю Беркут, похоже, уже получил. Прямо в сердце, ни больше, ни меньше.

* * *

Аля

Я боялась его. Боялась до колик. До ощущения, что внутри все сжалось и окаменело. До ледяного пота на руках и

ногах, которые хотелось растереть и греть. Меня то и дело прошибал озноб.

И вроде бы ничего такого Беркут не делал. Даже напротив, он говорил и действовал вполне дружелюбно, не проявлял ни малейшей агрессии.

Больше того! Он вообще не делал резких движений.

Но я не понимала, что собирается предпринять этот мужчина. Не понимала ЕГО.

И от этого становилось гораздо страшнее, чем в момент, когда мужики возле трассы отчетливо показали – чего хотят от меня.

Воистину! Самое страшное – неизвестность! Когда опасность уже обозначена, ты можешь решать, как с ней бороться. А что можно сделать, если понятия не имеешь, каким образом повернутся к тебе события?

В голове вертелись серии из криминальной мыльной оперы. Как извращенцы запирали у себя женщин. Удерживали, постоянно насильничали.

А потом трупы этих несчастных находили где-нибудь в стенах дома, на участке или где-то еще...

Беркут не походил на них. Не понимаю уж почему. Я ведь его даже не знала.

Да и кто из нас видел этих преступников? Кто знает на кого они должны быть похожи? Разве не все они выглядят как добропорядочные, может даже добросердечные граждане?

А потом Беркут предложил пожить у него. С комфортом

и даже с роскошью.

Предложил. Но, тем не менее, не вернул мне одежду и не отдал мобильник. То есть это было бы не совсем добровольное решение. Скорее под давлением обстоятельств. Жирных и очевидных.

По факту – выбора мне не оставили.

Лишь красиво оформили собственное решение. В отношении меня! Свободной женщины!

Боже! О чем он вообще думал? Как мог даже предположить, что я, не имея ни средства связи с близкими и родными, ни даже одежды, чтобы уйти отсюда куда хочется, еще стану на что-то соглашаться? Нет! Определенно этот мужчина и его измышления непостижимы! Недоступны нормальному человеку!

– Зачем мне у вас жить? – повторила я свой вопрос, чеканя каждое слово. Потому что Беркут выглядел так, будто сам не понимал – зачем именно.

Нет, ну правда! Он смотрел на меня совершенно однозначно. С конкретным желанием и намерением. И при этом абсолютно растерянно.

Беркут не отвечал. Изучал графин с соком так, словно тот ему злейший враг. Я посмотрела на свой невыпитый бокал. Отставила его на ручку дивана, достаточно объемную и плоскую, чтобы ничего не пролилось на палас. Чистить такой, наверное, очень дорогое удовольствие. Тут мне уже вовек не расплатиться.

Складывалось ощущение, что Беркут и сам не может решить, что со мной делать. Поэтому я решила воспользоваться ситуацией. Ковать железо пока горячо.

– Слушайте. Давайте я вызову такси. Уеду домой и немного очухаюсь. Ну правда! Ночка была та еще! Вы же сами это прекрасно знаете! А потом я подумаю над вашим предложением? А? Ну не будете же вы держать меня здесь в плену? Как те маньяки-извращенцы из криминальной хроники?

Беркут рубанул рукой по воздуху, словно рубил мясо. Затем встал и прошелся по комнате. Остановился напротив, сверля меня привычным парализующим взглядом.

Помолчал еще. Прищурился. Прокашлялся с уже знакомой мне хрипотцой и, вскинув бровь, уточнил:

– То есть бассейн, вино, вкусный завтрак и отдых в моем лесу не вариант?

Я решительно мотнула головой.

– Ну должны же вы понимать, как все это выглядит!

– Да, мать твою! Понимаю! – прорычал он. И заметив, что я пытаюсь слиться с фоном, резко сменил тон на более нейтральный: – Бесплезно вызывать сюда такси. Это закрытый поселок. Ни одно такси не проедет через пункт охраны.

Да. Я слышала про этот закрытый поселок, где живут богатейшие люди города. А то и страны. И где просто так землю не купишь, даже если ворочаешь миллионами. Нужно еще иметь определенные связи... Попасть в определенные круги общества...

Потому, что когда-то здесь располагался заповедник. И земля, и лесные угодья были самыми чистыми, самыми нетронутыми цивилизацией, нежели где-то еще.

А потом верхушка КГБ как-то отжала себе кусок этих самых «нетронутых» земель...

Чекисты остались в прошлом, переселились в учебники истории. А новые хозяева жизни, страны, ее земель и вод, немедленно воспользовались экологически чистым кусочком пригорода.

Теперь я убеждалась еще больше, насколько же Беркут непрост.

И для меня это ничего не упрощало. Я поковырялась в себе, пытаюсь нарыть еще хоть небольшие, но крохи смелости. Может даже дерзости. В конце концов, терять мне было уже нечего.

Я была загнана в угол. А в этом состоянии инстинкт самосохранения порой отдает бразды правления ярости и злости.

Именно так со мной и случилось. Оцепенение, какая-то внутренняя паника, которая глушила все порывы и резкие жесты, во избежание... спали с меня в одном мгновение. Адrenalин оглушил так, что в ушах загудело.

Я поднялась, кутаясь в простынь, и произнесла достаточно громко, пожалуй, даже прикрикнула:

– Я вам не игрушка для богатого развращенного самца! Я – свободная женщина! И если я вам благодарна, это еще не значит, что в порыве этого чувства я стану вашей бесплат-

ной подстилкой! Если уж вам так нейдет, настолько при-
спичило, вызовите элитную проститутку!

Беркут резко подался вперед, сжал кулаки до побелевших
костяшек.

Я отшатнулась и завалилась на диван, в ужасе глядя на
мужчину.

Казалось – еще секунда – и он набросится. Не знаю с какой
целью: поколотить или поймать.

Но набросится точно.

Глаза Беркута сверкали ярче ночных фонарей. На лице за-
стыло странное, пугающее выражение. Смесь досады и боли.
Очень сильная, гремучая, взрывная. Тело Беркута настолько
окаменело, что каждый мускул вздулся бугром, и синяя сет-
ка вен проступила на мощных руках и шее.

Он так сцепил зубы, что скулы очертили лицо жесткими
линиями, добавляя ему хищности и даже свирепости.

Я как упала на диван, так и лежала. Боялась даже слегка
шевелинуться.

Только моргала и смотрела на Беркута. Который почти за-
нес ногу для шага и вдруг остановился как вкопанный.

Еще какие-то мгновения, когда вся жизнь пробежала у
меня перед глазами, он просто стоял и смотрел.

Я видела, как на шее Беркута бьется жилка и хотела прова-
литься сквозь пол. Выпрыгнуть в окно. Да куда угодно деть-
ся от него и его взгляда. Его власти. Его силы. Которым мне
сейчас нечего было противопоставить. Кроме жалкой моль-

бы о пощаде...

Я перепугалась так, что чувствовала пульс даже где-то в районе солнечного сплетения. Меня буквально скрутило холодной волной мурашек. Желудок намертво прилип к позвоночнику.

– Да... – Беркут очень грязно выругался и вдруг стремительно рванул к двери из комнаты, попутно разрубая воздух мощными махами рук.

Я уже боялась, что меня просто запрут. Вскочила, метнулась за Беркутом. В каком-то едином порыве. Презрев страх, нерешительность и панику. Даже не пытаюсь прикинуть – что планирую делать дальше. Драться с громадным, спортивным мужиком? За возможность выйти из двери?

Отличное решение, ничего не попишешь!

Даже не знаю, чего я сейчас больше страшилась – того что он уйдет, заперев меня здесь или того что останется...

Однако Беркут неожиданно притормозил, и я с трудом остановилась, чтобы не впечататься в его мощный торс.

Шарахнулась в сторону. Потому что приближаться к нему после последней сцены уже не рисковала.

Беркут вдруг сосредоточился прямо на моей груди. Несколько секунд, показавшихся мне вечностью, мужчина молчал и только пялился. При этом взгляд его был влажным и мутным. Совершенно лишенным связности мысли.

Затем Беркут вдруг посмотрел мне в лицо так, словно я его подстрелила. И он сам поражается, как так вышло. Вроде

бы надел бронезилет, прикрылся щитом – и на тебе... Пуля в самом чувствительном месте.

Я отшатнулась. Мужчина криво усмехнулся, обнажая белоснежные, ровные зубы – страшный сон любого стоматолога.

– Сейчас тебе принесут новые вещи. Оденешься. Позво- нишь по быстрому набору моему водителю и тот отвезет те- бя домой.

Беркут цедил слова. Медленно, как будто каждое выдав- ливал из себя ценой невероятных усилий. Словно каждое ему дорогого стоило... Однако говорил уже без прежнего на- жима, без прежнего давления и раздражения.

– Эм... У меня же нет телефона...

Я отступила еще на шаг. Беркут снова оскалился в ка- кой-то неприятной, болезненной улыбке. Словно он умира- ет и пытается не подать виду. Нет, ну правда. Так все и вы- глядело.

– Стой тут! – скомандовал он и я инстинктивно замерла как вкопанная.

Потому, что чувствовала – мужчина на грани. Почему и на какой именно, я не понимала. И, честно говоря, понимать не хотела. Я лишь хотела, чтобы все закончилось.

Беркут выскочил из комнаты, словно я метала в него дро- тики или палила из автомата не переставая. И не успела я задаться вопросом – что теперь делать и как быть – как на пороге появился другой мужчина.

Высокий, жилистый, с черными волосами и серебристой сединой на висках. Серьезный такой.

Весь в черном. В толстовке и свободных джинсах. В ботинках на толстой рифленой подошве.

– Держите. Мой номер на быстром наборе. Я водитель Борислава Владимировича. Жду, когда переоденетесь.

С этими словами мужчина, словно заправский волшебник, вытащил из-за спины кулек и бросил его на диван. Туда же полетел и мой смартфон.

После чего «водитель» вышел вон.

Я подошла к кульку, присела на край дивана и с шелестом развернула белесую оберточную бумагу.

Внутри, в запаянном пакете, лежали абсолютно новые кожаные лосины, очень дорогой марки. Я к таким только приглядывалась, облизывалась и проходила мимо. В другом оберточном пакете обнаружилась синяя блузка. Длинная, приталенная. Очень красивая. Судя по бирке, из ограниченной коллекции. В самом низу лежало белье.

Хлопковое, точь-в-точь, как мое. Только совершенно новое и пахнущее так, будто его еще и тщательно выстирали.

И не успела я подумать о своих босых ногах, как дверь щелкнула и возле нее появились кожаные полусапожки на удобном квадратном каблучке.

Черт! Какие же красивые!

Наверное, не стоило принимать подобные дорогие подарки. Кто знает, какой «благодарности» попросит за них Бер-

кут. Я уже успела убедиться, что представления о благодарности у нас с ним разительно отличаются...

Но не ехать же домой голой? Или босиком?

Это было бы уже слишком.

Я оделась довольно быстро. Нервозность нынешнего утра подгоняла, не позволяя расслабиться и действовать спокойно.

Вещи словно шили прямо на меня. Сидели они как влитые.

Ткань приятно прилегала к коже. Я получала истинное удовольствие от того, что просто ношу эту одежду.

Ну еще бы! При такой цене вещи должны еще и песни петь и анекдоты травить.

В моем смартфоне, на быстром наборе, и правда, обнаружился телефон под кодовым названием «водитель Беркута». А еще чуть ниже и сам «Беркут» значился над цифрами длинного номера.

Стоило мне набрать «водителя», как тот вошел в комнату, будто дежурил под дверью.

Потом мы спустились на первый этаж огромного особняка.

Беркута нигде не было видно. И я даже не знала – радоваться этому или же огорчаться.

Странные контрастные ощущения охватили все мое существо. Даже почему-то стало досадно, что Беркут меня не провожает. Хотя бы взглядом, хотя бы издалека.

Однако мы вышли из дома, сели в громадный синий внедорожник и уже спустя несколько минут летели по трассе.

Глава 3

Беркут

Он и сам не мог понять – на что рассчитывал. О чем думал, когда предлагал Але остаться, поплавать в бассейне и погулять в лесу. Женщина его совершенно не знает. Не понимает – чего он хочет от нее, чего добивается. А одно желание буквально выпирает из его штанов. И это после того как те ублюдки едва не изнасиловали ЕГО ласточку.

С чего Беркут вдруг подумал, что она согласится?

Он не знал.

Правда, не знал.

Но почему-то ждал ее полного согласия. Даже не так – жаждал ее согласия. Так, как давно не жаждал выгодных контрактов или безоговорочной победы над конкурентами. Так, как, наверное, жаждал лишь одного – выжить в той жуткой аварии на трассе...

Когда кнут высоковольтного провода хлестал по всем, кто попадался у него на пути.

Однако Аля охладила пыл Беркута. Вернула ему понимание реальности. И четко дала понять – как выглядят его действия.

Как действия извращенца, который запер у себя женщину,

чтобы иметь, иметь и еще раз иметь.

Нет. Не так он хотел с ней общаться. Совсем не так.

И от одного этого предположения, да нет – обвинения – высказанного так, словно Аля уже ничего не боится – все ставит на карту, чтобы спасти себя от ужасного насильника, у Беркута совсем поехала крыша. Отказали тормоза. Слетел к чертям собачьим весь самоконтроль.

Какие-то минуты он боролся с собой. А это выходило гораздо хуже, чем бороться с теми ублюдками, что пытались поймать ласточку.

Кровь ударила в голову, аж перед глазами все на минуту поплыло и черные мушки заплясали уродливый танец. В ушах загрохотал пульс. Почище какого-нибудь барабанщика из группы, что играет тяжелый рок или металл.

Беркут так весь напрягся, что некоторые мышцы свело спазмами.

При этом ласточка крайне удачно опрокинулась на диван. В складках простыни мелькнуло то самое место... Красивый, яркий цветок: нежный, манящий.

И вся кровь Беркута, только что хлынувшая в голову, тотчас ухнула совершенно в другое место. Под ложечкой мгновенно растекся жар, ударил в пах горячей волной.

Глаза ласточки расширились. Она обняла себя руками, кажется, даже не осознавая. Инстинктивно сгруппировалась.

Беркут не собирался на нее нападать. Он даже сам не знал – что собирается сделать.

Просто эмоции вдруг так накрыли...

Казалось, воздух наполнился иголками, колот кожу и грудь, как во время мороза. И одновременно обжигал.

А взгляд ласточки, действительно, вымораживал. Или это Беркут вымораживал Алю?

Все перепуталось, потому что мир Беркута вдруг схлопнулся до масштабов одной комнаты, где находилась сейчас эта женщина. Даже не так – его мир схлопнулся вокруг ласточки. И одновременно она наполнила его новыми красками, ощущениями, впечатлениями. Правда, сейчас они были не самыми приятными и уж совсем не обнадеживали. Рождали какие-то дикие мысли, порывы.

Тело само просилось к ласточке. В голове крутились безумные фантазии. Схватить ее, встряхнуть, заставить успокоиться. Прижать к стене, чтобы прекратила ежиться, будто он планирует что-то ужасное.

Заставить, вынудить, наконец-то, понять его. Понять, что ему просто сложно ее отпустить. Не потому, что у него какие-то извращенные планы. А потому, что в ней заключен сегодняшний его день...

Беркут вдруг ощутил, что еще минута – и инстинкты возьмут свое.

Поэтому он и сбежал.

Чтобы не думать о том, как же отчаянно-сложно принять, что она все-таки уезжает. Не пытаться найти новые аргументы. Которых решительно не хватало. Потому, что они ничего

не стоили в глазах ласточки, а значит – и в глазах Беркута.

Сбежал.

Чтобы не видеть ее тела: белого, соблазнительного до одури, прямо до эротических снов наяву.

Он неотрывно следил за тем, как удаляется машина и вместе с ней Аля.

И думал о том, что теперь делать.

Потому, что, если бы усиленно не размышлял на эту тему, наверное, уже вырвал бы подоконник с корнем. Кулаки Беркута дубасили по пуленепробиваемому стеклу окна, подоконнику, а он почти не замечал этого. Даже когда по стеклу поползли бордовые полосы, и то не особо обратил внимание...

Все его мысли, порывы были заняты совсем другим.

Он не мог отпустить ласточку насовсем.

Почему? Осмыслить пока не получалось. Просто Беркут отчетливо, до глухого биения сердца в груди и шума в висках понимал – нужно ее вернуть.

Именно поэтому Борислав, скрепя сердце, стиснув зубы отправил с Алей своего водителя. Он чувствовал, что сам, своими же руками не сможет увезти ласточку отсюда.

По факту – отказаться от нее. Хотя бы на время, пусть и ненадолго.

У него не хватало сил.

Мать твою! Он рисковал жизнью сотни раз! Когда только начал становиться на ноги, открыл свое охранное агентство,

Беркут миллионы раз сам участвовал в операциях. Даже когда точно не знал – пострадает ли. Даже когда не был уверен, что шальная пуля или шальной взрыв не поставят точку в его карьере и жизни. Он шел на эти дела спокойно. Без особенного панического надрыва и без ощущения «боже, что будет».

А вот теперь спасовал. Впервые в жизни! Впервые!

Спасовал, испугался, не смог заставить себя сделать то, что считал правильным.

Нет! Нужно ее вернуть! И как можно быстрее...

Потому, что ну как... как он без нее?

Вот только тут потребуется план получше, чем тупо затащить женщину к себе домой и не выпускать ни под каким предлогом. Не тот случай и совсем не та женщина. Да и не те времена уже, чтобы мужик тащил женщину к себе в пещеру. А там – стерпится слюбится.

Да и сам Беркут вроде бы не такой. Хотя уверенность в этом здорово пошатнулась.

В последние часы, да нет – с прошлого вечера Борислав сам себя перестал узнавать.

Он всегда предпочитал свободолобивых и диких калибры. А не домашних курочек, готовых высидивать птенцов и ласково щебетать на ухо – какой же он замечательный. Хотя о птенцах он пока даже и не думал.

Так, иной раз прикидывал на досуге.

Беркута заводили гордые, самодостаточные женщины. Ко-

торые будто альфа-самки никого к себе не подпустят. Тем интересней было кружить вокруг них хищником. Завоевывать, смотреть как ломаются бастионы. И потом уже сама женщина перекидывает через ров недоверия, отстраненности, страха перед слишком близкими отношениями надежный мостик понимания. Ведь именно для этого и нужны все препоны: бастионы самостоятельности, рвы недоступности. Чтобы однажды преодолел их самый достойный. Беркуту нравилось преодолевать. И он даже не думал, что после... Когда уставал от очередной женщины и сам рушил мосты, рубил последние канаты отношений.

И уходил.

Он всегда уходил молча. Оставлял женщине деньги на счету – несколько сотен тысяч, чаще всего. Порой и миллион. В качестве морального ущерба. И женщины понимали.

Спустя какое-то время даже учились общаться с ним без негатива, злости или надрыва. Во всяком случае, внешних. Те женщины, с которыми он сталкивался по работе или в светских кругах.

И вот же оказывается какой он домостроевец и вообще психованный неандерталец. Дремучий. Подверженный каким-то совершенно диким инстинктам.

Забрать, запретить, оставить себе.

Разве мог представить Беркут, что однажды даже в мыслях совместит эти глаголы с женским именем?

Машина потерялась из виду, скрывшись за линией гори-

зонта. И Беркут вдруг ощутил, как же ему чего-то не хватает. До саднящей боли меж ребер, до ощущения нехватки воздуха, нехватки пространства. Нехватки всего и сразу.

Вдруг очень кстати вспомнился недавний разговор с соседом – Радифом Заглятдиновым. Счастливым семьянином, который в прошлом гусарил почище самого Беркута.

«Разве тебя не душит, не лишает воздуха эта ванильная семейная идиллия?» – спросил тогда Беркут у Радифа. Искренне интересовался. Не понимал. Ну совсем не «въезжал» в ситуацию.

«Ничего ты еще не понимаешь! Зеленый!» – беззлобно хохотнул Заглятдинов: – «Жена – мой воздух».

Все сказал. И больше ничего не прибавил.

А Беркуту почему-то впечаталась в мозг эта короткая фраза. И теперь вдруг всплыла в памяти. Стала гораздо более актуальной, чем прежде.

Хотя само слово «семья» Беркут еще не применял к ласточке.

Но ощущение «она уезжает» было именно сродни лишению кислорода. Аля стала воздухом Беркута. И поэтому она была так нужна...

Она стала его дыханием...

Независимая и самодостаточная, недоверчивая и чужая. И при этом его собственная. До странной, ноющей боли в груди и спертого дыхания, когда приходилось глотать воздух мелкими порциями. Так теплой водой смачивают саднящее

ангиной горло.

Беркут смотрел на то место, где пропала его машина с Алей и не мог отойти от окна.

Прислонился лбом к прохладному стеклу и дышал. Дышал. Дышал.

Но побороть ощущение не выходило.

До этой минуты Беркут считал, что плохо ему было, когда ласточка возмущалась, обвиняла. Намекала, что он извращенец, насильник и еще бог знает кто.

Но нет! Тогда ему было хорошо. А плохо стало теперь... Вот теперь он понял – что значит «плохо»...

Поэтому Беркут спустился вниз и стремительно вышел из дома.

Раннее утро пахло росой. Где-то вдалеке небо выплакалось дождем и слабый ветерок приносил влажную свежесть.

Солнце и нагнетающийся в воздухе жар обещали погожий летний день.

В воздухе пахло прогретой хвоей, липовым цветом и медовым нектаром цветов.

С небольшого искусственного водоема, который Беркут соорудил в лесу, тянуло камышами и кувшинками.

Тепло, светло и мухи не кусают.

Почему же у Беркута так муторно на душе?

Аж хочется зарычать, вырубить лес или что-то разбить.

А потом, всю ночь выть на Луну...

* * *

Аля

Наверное, после всего случившегося, меня уже ничего не удивляло. «Удивлялка» перегрелась и отключилась на время.

Поэтому даже Ирина, которая после вчерашнего «улетного вечера» дежурила возле моего забора, с двумя банками соленых огурцов, уже не вызвала особых эмоций.

Как ни странно, в доме Беркута я прекрасно выпалась. Хотя и проснулась чуть свет. На часах машины, которая доставила меня точно к моему забору, значилось 7:12 по Москве.

Ирина переминалась с ноги на ногу, стучалась в калитку и оглядывалась. Словно считала, что я пошла прогуляться в такой час. Да еще и после ночных приключений.

Ну да. Чего только не померещится с похмелья-то. Другая вообще сейчас лежала бы пластом и по-пластунски ползала за рассолом на кухню. Но это было совсем не про Ирину.

Кроссовер Беркута подруга восприняла примерно также, как крокодила, который подошел и попросил закурить, при этом изящно поправляя воротник смокинга с бабочкой.

Уставилась, не моргая, застыла соляным столбом, обнаружив меня рядом с водителем черной громадины.

Когда я вылезла из внедорожника, Ирина присвистнула, беззастенчиво оглядев машину и оценив ее наметанным взглядом.

Подруга работала главным бухгалтером в одном крупном фирменном автосервисе. Так что стоимость подобной иномарки представляла значительно лучше меня.

Мне стало неловко, что Ирина так откровенно реагирует на кроссовер Беркута. Я покосилась на водителя. Но тот выглядел так, словно ему глубоко фиолетово.

Поэтому я быстро бросила:

– Спасибо.

И торопливо закрыла дверцу машины.

Пусть что хочет то и думает. В конце концов, я его больше не увижу.

Кажется, в последнее время это стало моей мантрой для общения со всеми, кто связан с Беркутом. И, как и предыдущие мантры, эта оказалась бессмысленной.

Следующий свист Ирины относился к моему новому прикиду.

Вместо объяснений я открыла калитку и жестом пригласила подругу внутрь...

...– Я больше никогда не буду пить! – громко заявила Ирина, со звоном ставя банки с огурцами на мой кухонный стол.

Я кивнула. Свежо предание, но верится с трудом. Я эту клятву уже наизусть выучила.

Как и сопровождающий ее аккомпанемент. Шумную встречу банок с соленостями и моего стола. Плавали, знаем.

– Чайник поставь, – то ли попросила, то ли скомандовала – сама не поняла. Однако подруга резво взялась за дело, как будто еще вчера не лежала бревном.

А я поднялась на второй этаж дома. Сняла брендовые вещи, переделалась в домашние лосины с футболкой и спустилась вниз, размышляя – как вернуть Беркуту новую одежду.

Ну ладно, белье уже никуда не пристроишь. В магазинах всегда пишут «белье возврату и обмену не подлежит». А вот блузку и лосины вполне можно вернуть в бутики. Под предлогом, что не подошли. Я даже бирки не срезала. Да и нечем было. В комнате, где я проснулась после удачной поездки с Беркутом, было все, кроме ножниц. Видимо, мужик опасался, что я, на радостях, могу что-нибудь ему отчекрыжить.

Про ботинки уже не говорю. Они, наверное, стоят тысячу сто или больше.

Жаль, что на них биров не осталось. Тут Беркут или его водитель расстарались.

После ухода подруги и моего прихода в себя, посмотрю в интернете. Такая обувь точно представлена на разных модных сайтах.

Заодно выясню – кто такой Беркут. Уж явно он не простой богатенький бизнесмен. Что-то такое было в этом мужчине.

Даже не знаю. Хищное, сильное, властное.

Пока мы пикировались нынешним утром, складывалось впечатление, что ему дико непривычно общаться на равных. Без приказов и объяснений, что делать. И еще Беркуту страшно непривычно объяснять – почему и что он предпринял. Его прямо ломало на этих вопросах. Он будто никогда раньше не пытался аргументировать собственное решение или распоряжение. Поэтому и возникла проблема со мной.

Хотя, возможно, все дело в другом. В том, что еще никому не пришло в голову спросить у Беркута – зачем он что-то делает. Захотел – сделал. И вся недолга.

Это тоже очень даже подходило в моем представлении к образу Беркута.

Даже не знаю почему, но этот мужчина не выходил у меня из головы. Хотя еще недавно я считала его насильником и убийцей. Даже прикидывала, в каком месте своего куска леса Беркут закапывает трупы женщин, которых держит у себя в качестве сексуальных рабынь.

Ирина уже собрала на стол и с удовольствием хрустела огурцом.

Меня встретили бутерброды с колбасой, яичница с кетчупом и вопросительный взгляд подруги, который буквально преследовал, прожигал насквозь.

– Ну и? – уточнила она, словно уже задала вопрос и ждала моего ответа слишком долго, чтобы успеть потерять терпение.

– Что «и»? – осторожно поинтересовалась я.

Я понятия не имела, что вообще помнит подруга из вчерашнего вечера и о чем она спрашивает, так загадочно улыбаясь. Жмурясь от удовольствия, что поглощает домашние малосольные огурчики.

Я тоже взяла себе один. Хорошие. Не переперченные, не пересоленные. Хрустящие, сочные.

Мама Ирины сама делала. Я не впервые лакомилась этими разносолами после очередного «расслабления» с подругой. Но в таком состоянии, как вчера, я Ирину еще ни разу не видела.

– Эм... – она подперла голову рукой. – Я помню, что нас подвозил шикарный мужик. И, судя по тому, что вернулась ты под утро, в самой шикарной тачке, что я видела, он тебя подвез несколько позже, чем меня. И определенно не домой. Так колись! Ты, походу, неплохо провела время. Пока я отсыпалась после излишков спиртосодержащих напитков...

Ясно. Хит вечера под длинным названием «изнасилуй глупую подружку Ирины, которая рискнула провести с ней вечер в загородном ночном клубе» приятельница как раз и не запомнила. Хорошо ей. Я бы тоже так хотела.

Я решила рубить правду матку. Чтобы Ирина впредь не придумывала столь опрометчивые планы «расслабиться», которые превращаются в расслабление за наш счет кого-то другого.

Посерьезнела, отложила огурец и глотнула чаю, чтобы

промочить горло.

– Смотрю, самое интересное ты пропустила между сном и пробуждением от пьяного угара, – обозначила я дальнейшее течение беседы.

Ирина подняла брови и, подвигав ими, уточнила:

– А, что, было еще и «интересное»?

Она явно намекала не на то, о чем я говорила. И почему-то я сразу поняла, что имелся в виду Беркут. А еще я поняла, что картинки, что прокрутились в голове благодаря подружке, меня больше вовсе не вымораживают. Напротив, мне до смущения и жара в теле приятно думать о том, что... Это самое интересное могло случиться между мной и Беркутом. А еще вспоминать, как он отреагировал, когда разглядывал меня в простыне.

Поистине женское сердце понять нельзя. Как, впрочем, и женскую логику.

У меня были все возможности сейчас нежиться в бассейне Беркута. А еще использовать все те «удобства», которые он мне предложил с барского плеча.

Но я уехала, и теперь пью чай с солеными огурцами, чтобы думать о том, от чего отказалась.

Впрочем, случись все заново, я повела бы себя в точности также.

Я боялась Беркута. И даже сейчас время от времени от воспоминаний о нем холодок спускался по спине. Хотелось поежиться и спрятаться где-нибудь в укромном уголке дома.

Я не понимала – чего хочет от меня этот мужчина. Не в плане совершенно конкретного нижепоясного желания, а в глобальном, так сказать, жизненном смысле. Ведь для обычного переписки женщин к себе домой не тащат. Не моют, не переодевают и не пытаются убедить остаться «расслабиться». Для переписки достаточно просто заехать с женщиной в гостиницу и там как следует отыметь ее.

Действия Беркута буквально не поддавались моему пониманию. Примерно так, как не поддается ножницам стальной лист. Сколько ни стараешься, одни мозоли натрешь.

Кажется, в моем мозгу уже появилась не одна мозоль после попыток разгадать Беркута...

И сейчас ничего не изменилось.

Я воззрилась на Ирину сурово, насколько могла и начала летопись злоключений вчерашнего вечера.

– Вчера ты почти вырубилась, и с моей помощью пошла ловить такси на трассу. Потому, что ехать к ночному клубу они отказались.

– Хм... Это я помню, – почесала затылок подруга. – А потом помню шикарную тачку и шикарного мужика в придачу. Еще какого! – она вскинула глаза к потолку.

– Вот только ты не помнишь самого интересного! – я начинала немного злиться. Потому, что восторженные воспоминания подруги реально уже здорово подбешивали. Ну да, она лежала в канаве, видела сны, а я... – Между «пошли поймать такси» и «шикарным мужиком на шикарной тачке» бы-

ли еще трое шикарных мужиков.

– Трое? Ммм... Мы были в ударе? – похмелье явно не позволяло Ирине трезво оценить то, на что я ей намекала. Поэтому я рубанула правду-матку так, чтобы у нее уже и мысли не оставалось, что вчера случилось нечто хорошее.

– Да! Мы были настолько в ударе, что ко мне пристали три мужика. Повалили и почти изнасиловали! Разорвали одежду и почти вставили то, что плохо торчит, туда, где его совершенно не ждали!

Я выпалила это на едином дыхании. Подруга поперхнулась огурцом, закашлялась и налила себе еще чаю.

А затем посмотрела со смесью вины и недоверия.

– Ты серьезно?

– Более чем! Если бы мои драные лосины еще не выкинули, уверена, в ультрафиолете там светилось бы очень много любопытного...

– Так эти... сволочи... тебя не...

Ирина запнулась и, отложив огурец в тарелку, воззрилась на меня уже не мигая. В ее взгляде мелькала смесь вины и досады. Брови забавно сложились домиком. Губы поджались.

Ну это уже хотя бы что-то. Вместо бравых и радостных «Оу! Мы были в ударе!» «Мы оторвались вчера на полную катушку!»

– Нет. Потому что явился тот шикарный мужик.

– Мм... – подруга откинулась на спинку стула, взяла свой огурчик и уже намеревалась порадоваться. Когда я решила

обрубить ей эту функцию на корню. Настолько злило, что все неприятное вчера пережила только я. А Ирина даже особого похмелья не испытывает. Я знала, что она не сильно страдает этим делом после того, как наберется по самые брови. Да и так накачивалась подруга нечасто. Просто вчера у нас обеих был железный повод... И этого не отнять.

Но жутко хотелось стереть эту ухмылку с лица Ирины.

– И если ты думаешь, что вчерашние мои приключения завершились спасением от насильников, спешу тебя разочаровать! Это было только начало. Можно даже сказать – прелюдия!

Ирина проглотила огурец и замерла, сверля меня внимательным взглядом.

Нервно сжала чашку рукой и какое-то время просто молчала. Видимо, уже боялась задавать наводящие вопросы.

– Ну и? – наконец, встревоженно спросила она, хмурясь. – Нет, правда, я вчера перебрала. Прости, пожалуйста... Сама знаешь... Я получила конкретный вердикт... Я бы даже сказала – приговор... Ну и... Извини, Аля... Не предполагала, что все может так завершиться...

Я отмахнулась, прерывая сбивчивый поток объяснений и извинений. Что случилось, того уже не изменишь.

– Ну так что? Неужели тот шикарный мужик... То есть тот мужик... Эм...

Ирина запнулась и замолчала.

– Там случилось что-то странное... С тем мужиком...

– Странное? – подруга не понимала. Впрочем, я и сама не понимала случившегося, поэтому объяснять было особенно сложно.

– То есть? Он не смог? Хотел, но не вышло? Или слишком смог и тоже тебя грязно домогался? Или он смог, но ты не получила удовольствие? Или он грязно домогался и все же добился? Но удовольствие ты все равно получила? Как там в книгах пишут «тело ее предало»? Или у него извращенные вкусы? Ну там садизм, мазохизм... ролевые игры... Да говори уже! – Устав насиловать собственную фантазию, Ирина решила насиловать мое терпение.

Я попыталась рассказать о том, что выглядело для меня полной несуразицей.

– В общем. Он отвез тебя домой. Даже затащил в квартиру и уложил спать.

– Ага. А я-то еще удивлялась! Как это тебе удалось доставить меня на пятый этаж? Думала, ты здорово подкачалась за последние месяцы. И ладно бы волоком! На мне ни ушиба, ни царапинки!.. Ну и? – заметив, что ее откровения меня не удивляют и не трогают, поторопила меня Ирина.

– Потом мы поехали ко мне... И... не доехали.

– Э-э-э...

– Вот именно! Я заснула в машине и проснулась дома у того мужика. Кстати, его зовут Беркут. Вернее, Борислав Беркутов.

– У него дома? – Ирина перешла на ультразвук. – И? На-

деюсь, он...

– Нет. – Поспешила я утешить подругу.

Ирина взяла себе еще один огурец, смачно откусила и, прожевав, заявила:

– Я уже ничего не понимаю!

– Вот! Теперь мы в равном положении! – победно заявила я. – Я тоже ни черта не понимаю!

– А можно поподробней... Ну о том, чего ты не понимаешь...

– Я проснулась. Голая. В чужом доме. Затем появился Беркут. Вначале у нас был какой-то странный разговор. Он сказал, что привез меня по адресу. Но там оказались другие люди. Я забыла, что таких улиц в городе четыре! И он приехал не в тот жилой массив. Потом он решил не колесить по городу наугад. Привез меня к себе домой. Раздел, помыл...

– Стой! Стой! – Ирина подняла руку, словно опять учится в школе и хочет ответить урок или попроситься выйти. – А почему он не разбудил тебя?

– Ты это у меня спрашиваешь? – огрызнулась я на подругу. – Не знаю! Не знаю! Не знаю!

– Э-э-э-э... Ничесе!

– Он не объяснил. Так вот. Раздел. Помыл. Заказал новые вещи. Ты их видела.

– А потом? – Ирина даже перестала жевать, настолько ее захватил наш разговор.

– Суп с котом! – вновь огрызнулась я. – Потом мы с ним

еще поговорили.

– О чем?

– Он предложил мне в качестве благодарности за спасение и доставку тебя домой остаться у него в гостях.

– Погоди... В каком смысле остаться в гостях?

– Сказал, у него шикарный бассейн, какая-то суперсауна с оздоровительным эффектом. И лес. И я могу покупаться, погулять и вообще расслабиться.

– А потом?

– Я потребовала, чтобы меня отпустили домой.

– А он?

– Вначале пытался уговаривать. Даже как будто хотел остановить силой.

– Хватал? Удерживал? Лапал? Связывал???

– Нет. Но надвигался так, будто планирует все это сделать.

А то и что-то похуже.

– А ты?

– Боялась и куталась в простынь. А что мне еще оставалось?

– А потом?

– Я набралась смелости или накачалась адреналином и заявила, что я ему – не игрушка. И не собираюсь спокойно ждать, пока он меня изнасилует или вообще – укокошит.

– А он?

– Кажется, разозлился... Но опять же – не напал. Только надвигался.

– А ты?

– Пугалась, требовала отпустить, просила объяснить – чего он хочет. Он снова предлагал остаться, в разных видах и формулировках. И так по кругу. Пока меня совсем не переклинило. И я не предложила ему вызывать проститутку, уж раз ему настолько приспичило.

– А он?

– Прислал водителя и меня отвезли домой.

Ирина вновь откинулась на спинку стула. Принялась жевать огурцы и смачно закусывать их бутербродами. Косилась на меня так, словно я – чудо чудное диво дивное.

Я спокойно взяла себе бутерброд, подлила чаю и начала есть.

Как выяснилось, проголодалась я изрядно. Да и вчерашние приключения помогли нагулять аппетит. Так что два бутерброда погибли во мне быстро. После чего подруга, которую, наконец-то, отпустило после моего рассказа, трех бутербродов и четырех огурцов, нашла возможность продолжить беседу.

– А-а-а... Я не поняла. Чего он от тебя хотел-то?

– Я тоже не поняла.

– В смысле? Ты не спросила?

– Спросила и даже не один раз. Это было лейтмотивом нашего с ним общения, можно сказать.

– И он?

– И он ничего не объяснил.

– Совсем?

– Вообще!

– То есть на прямой вопрос: мол, а чего надо-то? Он тебе не ответил?

– Именно!

Ирина придвинула к себе яичницу и принялась энергично уплетать ее, густо поливая кетчупом. Я последовала ее примеру, когда в дверь постучались.

Я аж встрепенулась и едва не выронила чашку. Кажется, после вчерашнего происшествия мои нервы натягивались канатами даже от безобидного гостя.

Хотя... я понятия не имела что это за гость. И как, черт возьми, он прошел через забор?

– Мы не закрыли калитку? – поймала направление моих мыслей Ирина.

Я пожала плечами.

Откровенно говоря, я настолько вымоталась: морально и умственно, вначале спасаясь от насильников, а затем разгадывая ребусы поведения Беркута, что не помнила – заперла ли калитку на замок.

Поэтому просто подошла к двери. Ирина поспешила следом. Словно стремилась исправить вчерашнее. Тогда она кинула меня с насильниками один на один. Эвакуировалась в нирвану алкогольного сна.

А вот теперь пыталась изобразить моего личного телохранителя.

На пороге мялся парень-куррьер с большим квадратным коробом-рюкзаком за спиной.

– Эм... Мы ничего не заказывали, – первое, что пришло на ум.

Куррьер мотнул головой и достал из кармана мобильник. Прочитал, видимо, до сайта, с которого развозил заказы.

– Черешневая двадцать пять? – уточнил он, двигая изображение по экрану смартфона.

– Да...

Ну а что мне еще оставалось ответить?

– Жилой комплекс Остахино?

– Ага, – отозвалась Ирина из-за моей спины.

– Альвина Радужная?

Куррьер посмотрел на меня и перевел взгляд на Ирину, словно пытался понять – кому принадлежат эти ФИО. Я закончила мучения парня.

– Это я.

Парень молча поставил свой «короб» на мое крыльцо и открыл.

Вытащил фруктовый букет с огромными глянцевыми черешнями, крупными сердечками клубники, грушами, чей аромат аж перебивал аромат ягод и еще кучей экзотических плодов.

Букет сунули мне в руки.

Следом куррьер достал из своей корзины большую квадратную коробку пиццы. Моей любимой!

Заметив, что в мои руки и букет и пицца не помещаются, сунул последнюю в руки Ирины.

– Борислав Владимирович Беркутов приносит свои извинения за вечерне-утреннее происшествие, – заученным тоном оттарабанил парень. – И очень надеется, что вы не подумали о нем плохо.

Курьер деловито застегнул молнию на рюкзаке-коробе и уже собирался ретироваться, когда я окликнула его.

– Извините?

Парень послушно оглянулся.

– А как вы вошли... на территорию?

– Калитка была открыта...

...Заперев калитку за курьером, мы с Ириной вернулись на кухню, и я принялась мыть и разбирать фрукты в букете. Под многозначительное молчание подруги. Она могла бы даже не озвучивать – о чем думает. И так было ясно.

Однако Ирина держать язык за зубами никогда не умела. Даже когда мы учились в школе, и я говорила ей какой мальчик мне нравится... Так что... И сейчас подруга проявила эту самую черту своего характера. Длинный язык в сочетании с отсутствием тормозов. Такое себе удовольствие, надо признаться... Но куда же деваться? Никто из нас не безгрешен.

С Ириной мы дружили, как говорится – сто лет. И я знала, что все ее недостатки с лихвой окупают ее достоинства. Умение прийти на помощь в любую минуту, когда позовешь.

И неважно, что у нее за дела и какие проблемы в этот момент. Не имеет значения: день или ночь.

Она примчится и все сделает.

Способность морально поддержать в минуту, когда никто больше этого не сделает. Например, во время моего развода. Даже не знаю, чтобы я делала, если бы рядом все время не мялась Ирина, отпуская язвительные шуточки в адрес моего незабвенного бывшего.

А ведь она только вернулась из медцентра с тем самым «окончательным приговором».

– А мужик-то на тебя реально запал! – наконец, не выдержала Ирина. Я покосилась на нее и покачала головой.

– Он просто извиняется. Не более.

– Ну да! Сколько неудобств! Просто не шикарный мужик, а какой-то садист! Я бы даже сказала – антигерой! Спас от насильников. Довез пьяную в дрова подругу к ней домой. Заметь! Затащил на пятый этаж! – Ирина загибала пальцы. А мне все более удобным казалось делать вид, что усердно промываю фрукты с ягодами и перекладываю в чистую пластиковую емкость. Потому что слова подруги некстати вызывали удушливый приступ смущения. А Ирина продолжала, ни в чем себе не отказывая.

– Потом повез уже тебя домой. Повез же! – был ответ на мой быстрый, сверкающий взгляд. Ну да, повез. Тут не поспоришь. – Даже почти доставил. Но вышла осечка. Те, к кому он тебя доставил, отказались принимать посылочку...

И мужик привез тебя к себе в дом. Помыл, выдал новую одежду, стоимостью, как хорошая иномарка. И отправил домой. Ну, правда! Ужасные преступления, за которыми должно следовать долгое искупление!

Ирина выдохнула и сунула в рот черешенку.

– Ммм... Сладкое искупление! – добавила, жмурясь от удовольствия.

– Э-э-э... – я поставила емкости с фруктами на стол и налила себе еще чаю. – Ну давай начнем с того, что никто его не просил везти меня к себе домой, мыть и переодевать. Нет?

Я тоже загнула пальцы.

– Слушай, если бы он хотел плохого... Ну сама-то подумай! – всплеснула руками Ирина, выплевывая уже четвертую косточку. По части одновременно есть и говорить моей подруге просто равных не было. – Если бы он хотел тебя изнасиловать или чего-то еще. Почему же не сделал? Ты была в полной его власти! Ну правда же! Трезво подумай!

Словно «трезво» из уст Ирины вызвало у меня нервный смехок. Но ответ напрашивался сам собой. Как говорится: из ругательств мата не выбросишь.

– Правда.

Я тоже отправила в рот ягоду. Ммм... Она, действительно, оказалась сладкой и сочной. Плюс к тому – в меру мясистой.

– Хорошо, хорошо! – подняла я руки вверх. – Тогда сама скажи, чего он от меня хочет?

Ирина приподняла брови и захихикала, собиралась что-то ответить, но тут зазвонил мой сотовый.

«Беркут» – сообщил определитель номера.

– Ну давай же! Возьми! – настаивала Ирина, после того как я выждала пять звонков. Я просто растерялась и даже не знала – хочу ли разговаривать с этим мужчиной или же предпочту избежать любых наших прямых контактов.

Вызов оборвался, и я уже думала – все, не успела. Слишком долго раздумывала, решала. Внутри родилось слабое облегчение, крепко замешанное на сожалении. Похоже, у меня входило в привычку испытывать контрастные эмоции в отношении Беркута.

Однако не успела я разобраться в себе, как телефон зазвонил снова.

– Да? – взяла я трубку.

– Вам понравился букет? – спросил Беркут хрипловатым басом. Даже показалось, что он сильно волнуется.

– Очень вкусно. Большое спасибо.

– Извинения приняты?

– Хм... Будем считать, я над этим думаю.

– Хорошо. Не спешим. Но у меня есть к вам дело!

Вот так запросто взял быка за рога. Я усмехнулась. Деловой мужик.

– И что за дело?

– Мне нужно оформить и обставить новую пристройку к моему дому. Я читал, что вы отличный дизайнер интерье-

ра... Да и отзывы о вас от моих знакомых оказались самыми превосходными. А они не из тех, кто зря нахваливает.

– То есть вы хотите заманить меня к себе в гости уже под другим предлогом?

Беркут немного помолчал. Я слышала сдавленное дыхание и ждала, что он просто уже пошлет меня. Бросит трубку и затем – всяческие попытки со мной контактировать. Ну правда? Зачем я сдалась этому упакованному и шикарному мужику? Если уж так-то...

И почему-то в эту минуту стало даже жалко, что все так закончится.

Меня вновь рвали на части контрастные чувства. С одной стороны, я все еще боялась Беркута. А с другой... Черт меня побери! Чем-то этот мужчина притягивал меня! И определенно – Беркут оказался самым необычным и самым загадочным персонажем в моей жизни.

– Аля. Я хочу нанять вас на работу. Если в контракте следует указать, что мне нельзя раздевать вас, оставлять на ночь без вашего согласия – я готов на это пойти. Заодно повеселю своих юристов. Думаю, подобное в договорах о дизайне им не очень часто встречалось.

Вот и все, что он сказал. И снова замолк. Я поняла, что ход за мной. Мяч на моей стороне площадки общения. Но ничего не могла с собой сделать. Я должна была знать, чего он хочет от меня. А Беркут так и не озвучил этого. Не сказал. И даже не намекнул.

– Я могу подумать?

В трубке снова какое-то время звенела тишина, прерываемая сдавленным дыханием собеседника.

Что-то глухо стукнуло, а затем Беркут ответил:

– Хорошо. Я буду ждать вашего решения. Только хочу сказать, что удваиваю ваш обычный гонорар, указанный в объявлении. И еще. Бассейны в вашем распоряжении, как и в распоряжении вашей подруги.

Это был удар ниже пояса. Ирина захлопала в ладоши и принялась губами скандировать «Да! Скажи ему – да! Скажи ему – да!»

Ей только не хватало помпонов, прыжков и шпагатов.

– Позвоните мне через два дня, – нейтрально произнесла я.

– Хорошо, – его голос звучал напряженно. Но возражать Беркут не стал. Я уже собиралась отключить вызов, когда он вдруг произнес:

– Я отвечу на ваш вопрос. Зачем. Зачем я вас к себе привез. Я так понимаю именно это – у нас сегодня главный камень преткновения?

Он одновременно спрашивал и утверждал.

Я сглотнула. Он. Ответит. Почему это вдруг так меня взволновало?

Аж ладони моментально вспотели. И стало жарко, душно, тревожно. Я постаралась дышать, как можно медленней, чтобы не выдать внезапно вспыхнувших эмоций. И с зами-

ранием сердца ждала продолжения. Беркут мочал. И я уже думала он это так сказал, красного словца ради. Но Борислав вдруг заставил мое сердце екнуть.

– Я еще никогда так не хотел женщину. Поэтому просто не сообразил, что делаю.

И все. Я сглатывала, переваривая его слова. Грудь распирало от воздуха. Будто ее накачали, как воздушный шарик.

Что-то сказать, ответить не получалось. Я могла только моргать и пытаться унять бешеный стук сердца. Будто Беркут мог его услышать.

– Аля. Я перезвоню вам через два дня. До скорой связи.

Прозвучало почти также спокойно, как и предыдущее признание. Практически одним тоном. Только чуть более напряженным. Этот мужчина отлично владел собой.

И тем более странной, пугающей и одновременно волнующей выглядела наша утренняя сцена у него дома.

Когда Беркут терялся, нервно ходил по комнате. И мне все время чудилось – сейчас он запустит графин с соком в стену.

Хотя, вполне возможно, у меня просто разыгралось воображение.

И вот только когда разговор прервался, я вспомнила, что хотела спросить у Беркута.

Че-ерт! Я ведь собиралась вернуть ему все подаренные вещи!

Ну и как теперь быть? Перезвонить? Или уже благополучно забить на этот момент?

Говорить об этом через два дня выглядело, по меньшей мере, странным. Любой задастся вопросом – а почему я не вспомнила про вещи сегодня же? Не могла расстаться с новыми «шкурками»? Во мне происходила борьба бессеребренницы и любительницы шикарных шмоток?

А вот как Беркут узнал мой телефон вопроса не возникало. Смартфон ведь находился у него какое-то время. Борислав добавил туда контакты водителя, свои собственные и вполне мог записать мой номер...

– Аля. И еще... – я только сейчас поняла, что он так и не сбросил вызов. И терпеливо ждал, когда я хоть что-то скажу. Или чего-то еще ждал. Этот властный мужчина, способный удвоить обычную мою стоимость заказа – вполне немаленькую, кстати, далеко не самую низкую на рынке – проявил вдруг поразительное терпение!

– Да, – дала я знать, что еще его слушаю.

– Предубеждение – плохая штука в бизнесе. У вас ведь бизнес?

– Кхм. Можно и так сказать.

– Ну так вот. Бизнес и предубеждение несовместимы. Говорю вам на собственном опыте.

– Ну почему же? Разве не стоит провентилировать вопрос – насколько добросовестный и честный тот или иной партнер, клиент?

– Это не совсем то же самое. Уверен, вопрос вы провентилируете. А чтобы вам не пришлось напрягаться, я помогу.

А пока до связи. Я перезвоню.

Беркут повторял это уже второй раз. Словно вбивал в мой мозг, что отделаться не удастся – он все равно попросит ответа.

И пока я терялась – что бы такое сказать напоследок, Беркут, наконец-то, прервал звонок и в трубке появились длинные гудки.

Я вернулась за стол, открыла пиццу и продолжала крутить в голове фразу Беркута.

«Я еще никогда так не хотел женщину. Поэтому не сообразил, что делаю».

Должна ли она меня напугать? Заставить задуматься, что с этим мужчиной надо все время держать ухо востро? Или, напротив, должна польстить?

Что-то было в этой фразе огненно-страстное – до искр, до тока между мной и мужчиной, и одновременно властное, пугающее до чертиков.

Что?

Я мерно цедила чай, игнорируя взгляды Ирины. Если бы она все еще скандировала свои просьбы, я и то так хорошо не видела бы – чего подруга сейчас добивается.

Но я взяла тайм-аут.

Не сообразил... что делаю...

Вот эта часть фразы меня настораживала, заставляла чувство самосохранения мигать большой красной лампочкой. Кто знает, что он еще «не сообразит».

Никогда так не хотел...

Это удивляло, учитывая, личность Беркута. Ну правда, шикарный самец. Иначе и не скажешь. Упакованный от пяток до макушки и явно не простой смертный. Думаю, женщины на него слетаются, как пчелы на варенье.

Проблема не столько найти, сколько избавиться.

И это повышало мою самооценку. Особенно после развода, когда получила сполна «правды» о нашей семейной жизни с мужем. Он оторвался за все двенадцать лет брака. Решил, видимо, наверстать все то время, пока не хотел ссориться и выплескивать на меня все свои нелицеприятные эмоции и эпитеты.

Паталогически жадная. Потому, что я ввела в нашу семью правила «разных кошельков».

Мы с мужем вкладывали одинаковые суммы в бюджет. Остальное – все, что сверху заработали – оставляли себе. Когда благоверный получал больше – его это очень даже устраивало. Он начинал закупать всякие стройматериалы, инструменты, одежду.

Когда больше зарабатывала я, муж злился. И не упускал случая вставить мне шпильку.

Да у тебя уже сотни таких платьев, зачем тебе новое? Куда ты пойдешь в нем?! Ты же все время сидишь дома! За своим любимым ноутбуком. Вяешь новые проекты.

Зачем тебе очередные утепленные лосины? Уже третьи! И так не замерзнешь!

Зачем тебе ходить с подругами в кафе? Лучше бы всем домой заказала вкусный ужин! А не отрывалась от коллектива.

Бревно в постели.

Честно говоря, у меня за всю жизнь был всего лишь один мужчина. Поэтому сравнить не получилось бы. Да мне и не особо хотелось. Обычно муж выглядел крайне довольным нашими интимными утехами. Но во время развода я получила этот статус «бревна» и носила его уже второй день.

Истеричная.

Ну это я от него и раньше слышала. Так что особого удивления не испытала...

– Аль? Аль? – я посмотрела на Ирину и на свою руку. Я уже почти доела кусок пиццы и даже не заметила. Да уж. Так и до булемии недалеко.

Я воззрилась на подругу.

– Ну и чего тебя так выморозило? – уточнила она, даже отложив огурец. – Приятный же мужик! Пригласил к себе... Предложил работу и хорошую оплату. А ты так реагируешь, будто он тебя в бордель вызвал для полного удовлетворения запросов клиента. Ты чего вообще?

– Слух у тебя...

– Не жалуясь! – Ирина тоже взяла пиццу. Ела она всегда за шестерых и, при этом, никогда не полнела. Я всегда завидовала подруге – исключительно белой завистью, естественно. Мне, чтобы оставаться в форме, приходилось контроли-

ровать еду и регулярно заниматься йогой.

– Он меня напрягает...

– Я думала все наоборот! – спохватила подруга. – Прямо уверена.

– Это есть, конечно... Не спорю...

Я хихикнула и отвела взгляд. Краем глаза я видела, как Ирина довольно кивает. Ну да, здесь – прямо в яблочко.

– Я не понимаю – чего от него ожидать.

– А от Игоря своего ты понимала? Когда он кредитов набрал, а выплачивать пришлось тебе? Ожидала? Или когда он в детском саду перед утренником довел тебя до слез. Потому что мамаша его накрутила. Ожидала? Или, когда ты настаивала на разводе, а он всеми копытами упирался. Козел же! А потом еще заявил, что давно хотел тебя бросить, но жалел. Тоже ожидала?! А?

– И все это аргументы не в пользу Беркута.

– Слу-ушай! Мужик сказал, что никогда так не хотел женщину. Ты чего, мужиков не знаешь?

– Нет. Это у тебя было трое любовников. У меня один козел Игорь на все времена.

– Мужики, они ж как животные. Захотел сильно – его перемкнуло. У него там все нейронные связи порушились в мозгу к черту. И кровь стекла из мозга в другое место. Вот и привез тебя к себе. Думал, проснешься, поедите, в бассейне искупаетесь. Расслабишься там у него... И, кто знает, чем все, в итоге, закончится... Ну как мужику правильно рассу-

дить, если думать уже совсем нечем... А то, что пониже пояса, уже активно думает за него?

– И это меня тоже пугает.

– Да что-о-о??!

– То, что он так легко выстроил за нас двоих наше общение.

– Ну да. Властный мужчинка попался. Ничего не попишешь. Плохо, что ли?

– Не знаю, – я отложила корочку пиццы. – Не знаю. Правда. Опасаюсь я этих властных...

– Ну давай так. Что самое худшее может случиться?

– Он меня...

Я запнулась и прикусила губу.

– Он не сделал этого, пока вы были один на один. И давай начистоту – ты находилась в его доме и полностью в его власти! И он все равно этого не сделал. Вряд ли он сделает это, пока ты с подругой. Ну правда. Зачем ему лишние свидетели?

– Признайся честно, что хочешь в шикарный бассейн?

– Что есть, то есть! Не отрицаю! – подняла руки вверх Ирина, сдаваясь моим аргументам. Но потом выдвинула свои. – Но, вот ты мне просто скажи! Когда я решала не в твою пользу и советовала тебе что-то плохое?

– Вчера! Когда потащила меня в тот ночной клуб!

Откуда мне было знать, что наши с Ириной злключения, начавшиеся возле того клуба, продолжатся буквально через

пару часов...

И мне опять понадобится защитник... Срочно, пока не случилось самого худшего...

Глава 4

Беркут

Беркут прошелся по комнате. Ощущения не отпускали, не ослабевали и давали ни секунды передышки.

Когда чудилось – Аля не возьмет трубку, Беркут буквально не находил себе места. Шарахался по комнате, хватаясь взглядом за стены, мебель, окна... Будто они его точки. Отпустил – и все, долгое падение.

Метался, словно раненый зверь, что истекает кровью и ищет убежища.

Казалось, Беркуту неудобно, неприятно не просто здесь, в своем доме – в своем теле – и то ему плохо.

Все было не то и не так.

Он принялся судорожно набрасывать варианты.

Так. Если она не возьмет трубку. Можно прислать еще букет или выслать аниматора с извинениями.

А можно тупо нагрнуть к ней самому. Водитель, конечно же, отчитался куда отвез «гостью» хозяина. И теперь уж Беркут не перепутал бы жилой массив, приехал как надо.

Просто вот так ворвался на территорию Али и в ее жизнь. Штурмует ее настойчивостью. В конце концов, ведь многие женщины ценят, когда мужчина не сдастся: постоянно оса-

ждает, добивается.

Что-то подсказывало – ласточка воспримет это как акт агрессии, а вовсе не так, как чувствовал Беркут. Просто потому что рядом с ней ему хорошо дышалось. Легко и свободно. А без нее каждый раз приходилось с трудом проталкивать воздух в легкие.

Просто потому, что рядом с ней он почему-то чувствовал себя хорошо. Да нет, даже не хорошо – отлично!

Как в детстве, когда катался с друзьями на коньках.

Веера льдистых опилок сверкали на солнце и рассыпались серебряным дождиком. Солнце слепило и превращало каток в феерию света, подкрашивая лед перламутром.

Хотелось смеяться, лететь вперед и только вперед. Ощущать скорость и ветер, что насвистывал на ухо. Даже упасть, удариться, разбить колени, локти – и то было не страшно.

Потому что безумный, невероятный коктейль впечатлений бурлил в крови, окатывая счастьем.

Оно того стоило.

Восторг переполнял и казалось – Беркут вот-вот лопнет от этого всеобъемлющего и такого правильного ощущения. Как же здорово просто быть тут! Как же здорово просто быть!

Можно просто склеить, спаять их с ласточкой жизни друг с другом. Деньгами, связями, чем-то еще...

Чтобы Аля уже не рыпалась.

Какие угодно средства хороши, если без нее так... И разве ей с ним будет плохо? Разве он обидит ее хоть чем-то? Разве

не вывернется наизнанку, лишь бы ей было комфортно?

Беркут почти дошел до этого плана. Когда со второго звонка услышал голос ласточки. Настороженный, деловитый, но, во всяком случае – не раздраженный.

План увидеться с ней выглядел топорным. Но не настолько глупым, как, например, банально пригласить Алю на свидание. Ласточка была пока к этому не готова. Особенно после того как чувствовала себя птицей в силках в его доме. А Беркут не мог толком ничего пояснить.

Впервые в жизни на него так действовал разговор с женщиной по телефону. Дыхание сперло и грудь раздирали эмоции. Именно так – раздирали! Разжигали внутри незнакомый огонь. И он не обжигал – согревал. Взрывался в груди странным жаром и ухал ниже, отчетливо напоминая – чего еще так хочется Бориславу.

Вот так тебе Беркут «все под контролем»... Что, мало? Да! Мало!

Он разговаривал бы еще долго. Улыбаясь, словно сытый кот после огромной миски жирной сметаны. Который жмурится на яркое солнышко и с удовольствием греет бока.

Он бы еще долго наслаждался этим ощущением. Если бы не почувствовал, что Але нужно дать передышку.

Тайм-аут от их странного общения.

А еще он пожалел о том, что сказал вдруг, сгоряча. Сам не понимая – зачем.

Это стало лейтмотивом всего его общения с ласточкой. И,

надо признать, не самым удачным.

Признание вырвалось само. Также как вчерашняя ложь о том, что за ласточкой еще охотятся дружки насильников. Чтобы та не сомневалась – поехала с ним. Сегодня вырвалась уже не ложь – чистая, незамутненная правда. Но Беркут слышал, как Аля нервно и рвано пыхтит в трубку, хотя она и пыталась выровнять дыхание и понимал, что здорово погорячился.

И он решил пойти на попятную. Дать ей воздуха. Чтобы, наконец, продышалась. Не чувствовала, что он перекрывает ей кислород своим давлением и своим штурмом.

Было непросто, но Беркут справился.

Можно сказать – взял себя в руки и сам себя заковал в цепи столь необходимой сейчас рассудительности.

Сбросил вызов и еще некоторое время бесцельно слонялся по дому.

То и дело заходил в комнату, где спала Аля.

Вспоминал. Смаковал каждое мгновение. Пока она еще была тут... По факту – принадлежала ему и этому дому.

Как уложил ее, такую теплую, расслабленную, беззащитную. Накрыл простынкой...

Она заставляла все в душе перевернуться и закипеть для пущего удовольствия.

Пока мыл ее, сам поражался – как еще получается сдерживаться.

Об его тело можно было питать электростанцию. Высекать

искры, поджигать факелы.

Но одновременно Беркуту почему-то нравилось о ней заботиться. Так, словно она его собственная и он стремится сделать ей хорошо. Так словно ее «хорошо» это его «здорово», «прекрасно» и «восхитительно». Будто все в его жизни подчинено ее «хорошо».

То, что сейчас ласточка в его власти, по сути – в его руках – именно это и сдерживало Беркута. Наполняя его совершенно новыми впечатлениями, чувствами, порывами.

Радостью от мысли, что ухаживает за кем-то важным в своей жизни. Не очередным проходным женским персонажем – а кем-то значительно, несоизмеримо большим.

Непривычно. Но ужасно приятно.

До желания напевать себе под нос глупый мотив и пританцовывать еще глупее.

Потом он проверял ее каждый час. Смотрел как она мирно посапывает. Подтягивал простынку, если ласточка раскрывалась и съеживалась в позе младенца. Он заботился о ней как о ребенке. И получал от этого странное, совершенно незнакомое удовольствие.

Но такое естественное, как выяснилось. Что было дико неестественно расстаться с ним.

Когда Аля сбежала.

Беркут понимал – почему она так сделала.

Хотя фантазии уже рисовали как он заказывает им еду из ресторана, они купаются в бассейне, смеются. Почему-то

именно смеются! Играют, брызгая друг в друга солоноватой водой. Беркут подныривает, дразнит ласточку, хватая ее за ноги. А потом она обвивает ногами его бедра... И...

Но он отлично понимал, что подвигло ласточку на такой поспешный и суматошный побег.

Прикидывая варианты как вернуть ее, Беркут подумывал попросить кого-то третьего нанять Алю на работу. Это выглядело бы более естественным. И однозначно меньше ее напрягло бы. А потом – бац – и появился бы сам Беркут. Под каким-нибудь благовидным предлогом. Знакомый пригласил посмотреть новый проект... Зашел в гости, на встречу... Еще что-то...

Но... Беркут вдруг понял, что просто не может отдать даже эти крохи общения с ласточкой кому-то другому.

Это было... как обухом по голове! Оглушительно... Сногсшибательно... И в плохом и в хорошем смысле слова.

Потому что встряхнуло Беркута нехило и как-то разом поменяло полюса его жизни и приоритеты.

Нуждаться в женщине, которую едва знал. Ощущать, что твой мир вдруг стал тусклым и каким-то неполным без ее присутствия. В машине, в доме, да где угодно...

Это был хороший удар под дых.

Такого Беркут «все под контролем» не ожидал ни от себя, ни от жизни.

Но он умел преодолевать препятствия, терпеть и приспособливаться к обстоятельствам...

И раз осознал проблему, вник в ее суть – надо решать. А не киснуть как нервная баба.

Беркут неспешно прошелся по лесу. Слушая как шелестит под ногами трава и как палая листва с хрустом ломается под подошвой.

Он часто так делал. Успокаивало и умиротворяло. А когда не помогало – ехал в спортивный клуб боксировать или драться в спаринге, если попадался достойный партнер.

Нужно было немного привести себя в норму, чтобы заняться делами насущными.

И Беркут даже не подозревал, какую подянку приготовила ему судьба. А может – подарок. Как посмотреть.

Сегодня у Беркута намечалась встреча с одним из очень крупных заказчиков. Его сеть охранных агентств считалась одной из лучших в стране. Поэтому ей не брезговали ни банки, ни крупные бизнесмены, ни чиновники, которые боялись за свою тушку при встрече со своим же народом.

Заказчик был выгодным, а контракт обещал стать долгосрочным. Поэтому Беркуту просто жизненно требовались сейчас холодная голова и полная концентрация.

Однако добиться этого получилось не сразу.

Но если хочешь заполучить женщину, нужно показать, что можешь дать ей все.

Все, кроме свободы.

Впервые у Беркута была такая мощная мотивация для заключения выгодной сделки.

Фирма Борислава пользовалась успехом и к заказчикам он относился по принципу: не один, так другой.

Но Беркут решил, что самое время заработать все возможные деньги. Пригодятся.

Он сам не понял, что даже работа вдруг стала вращаться вокруг Али.

* * *

– Короче, нам нужен полный фарш. По высшему разряду. Денег не пожалею.

Вадим Ахтенюв ходит вокруг да около не любил. Старый вояка. Рубил все напрямую.

Беркут даже удивился – что именно его прислали для переговоров. Ознакомился с личностью «мостика» между собой и выгодным контрактом. Алексей и тут не подвел. Хотя у Ахтенюва за плечами были годы службы в одном секретном правительственном агентстве.

Впрочем, все предприятия текут. Эту истину Беркут давно усвоил. Главное, чтобы информация текла в его сторону. А не наоборот.

Ахтенюв сидел в кабинете Беркута, надежно защищенном от прослушки, и любого другого способа выведать информацию.

Обставлен интерьер был достаточно скупю. Несколько полупустых шкафов из белого дерева. Большой рабочий стол

с компьютером последней модели. Огромные, удобные для работы кресла.

Ничего лишнего. Ничего ненужного.

Назначение кабинета – не ублажать гостей или поражать помпезными декорациями. Помещение имело чисто утилитарное применение.

Оно использовалось исключительно для переговоров, где требовалась особенная конфиденциальность.

В других случаях Беркут предпочитал неформальную обстановку – кафе или вроде того.

Ахтенев смаковал итальянский кофе и заставлял Беркута супиться из-за резкого запаха.

Не любил Борислав кофе любых видов и вкусов. Вообще все тонизирующие напитки.

Предпочитал естественным образом поддерживать себя в форме и в рабочем состоянии.

Размялся, пробежался по лесу, побоксировал, хорошо выспался.

А все эти фальшивые состояния, когда кажется – горы свернуть можешь, а на деле – просто нахлестался какой-то гадости и балансируешь на грани истощения... Нет, все это было не для Беркута.

Поэтому он практически не пил. Так, смаковал хороший алкоголь.

И это сыграло на руку Беркуту, когда защищал ласточку на дороге.

В тот момент он протрезвел в мгновение ока.

Да и пьяным тогда Борислав не был. Так, слегка навеселе. Чтобы немного расслабиться и заглушить желание тоже пристать к этой женщине. А может это она на него так действовала? Заставляла пьянеть от своего присутствия?

Ибо хотелось-то именно пристать, домогаться. А это выглядело в корне неправильным.

Да и ласточка заслуживала лучшего.

Кроме того, и сам Беркут никогда не обращался с женщинами таким образом.

Обычно он играл роль падишаха, который выбирает из наложниц самую эффектную, возбуждающую, яркую. Но никак не голодного зверя, которому бы только догнать свою самку и завалить. Все, больше ничего и не требуется.

Ахтемов ждал ответного хода Беркута.

А Борислав лишь теперь сообразил, что совершенно отключился от темы встречи. Потому, что его захватили мысли об Але. Буквально вынесли из этой комнаты – если не физически, то эмоционально.

Вот ведь! Хреново, Беркут «все под контролем».

Смачное ругательство пронеслось в мыслях Беркута. Ну как же она так в него въелась-то?! Буквально во все части организма и даже в мозг!

О чем ни подумает – все к ней возвращается.

Хреново, Беркут «все под контролем». Погано.

В таком состоянии ошибок наделать, что-то не учесть –

как два пальца об асфальт. А с ласточкой ошибаться нельзя. Это прогулка по тонкому льду предубеждения до спасительного берега понимания. Либо выжил и – ура, восторг, счастье. Либо...

– Так что? – поторопил Ахтемов, ощутимо теряя терпение.

Ответственный за безопасность на одном очень крупном и ну очень известном предприятии все еще выглядел сильным и опасным противником. Если потребуется драться.

Ахтемов имел кучу всяких там поясов по единоборствам и явно поддерживал форму. В свои пятьдесят лет с хвостиком легко давал фору молодым. Были старые травмы, раны. Но при его широчайших возможностях обращаться к лучшим медицинским разработкам – они почти не доставляли старому вояке дискомфорта.

Беркуту бы гордиться, что именно его агентство выбрали. Что именно его людей считают достаточно надежными. Его специалистов достаточно квалифицированными.

Договор предполагал целый комплекс услуг.

Начиная от защиты физической, заканчивая киберзащиту и еще много чего.

Беркут постарался вернуть мысли в нужное русло.

Буквально ломал себя, строил. Потому что думать о ласточке, как оказалось, ужасно приятно. Прямо сложно себе в этом отказать.

Проще отказать себе в сочном куске мяса после выматы-

вающей продуктивной тренировки. Когда слюни текут еще на этапе захода в ресторан.

– В общем, так. Мы все это можем. И вы это знаете. Не хуже меня.

Ахтемов кивнул. Да. Знают. Проверили по своим каналам. Об этом Беркуту тоже доложили.

Смешно даже! Беркут проверял их, а они, тем временем, проверяли Беркута!

– Тогда так. Работаем полгода по вашей цене. Если все устроит и будет толк, будет смысл – цену удвоим. Нет – пожали руки и разбежались.

Ахтемов покачал головой, допил кофе, щурясь от наслаждения.

– Да. Ты умеешь вести дела, Беркут.

Борислав кивнул. Мол, не отрицаю.

– Я уполномочен дать ответ, – отчеканил старый вояка.

Беркут кивнул снова.

– Мы согласны.

Борислав даже и не сомневался. Особого выбора у начальства Ахтемова не оставалось. Наверное, надеялись, что тот поторгуетя. Но это не совсем сфера Ахтемова. Да и смысла сейчас с этим не было. Можно вернуться к вопросу потом, при заключении нового договора.

Документы оформили быстро. У Ахтемова, как и ожидал Беркут, оказался уже готовый договор на руках. Подписанный его начальством, с кучей печатей и согласований. Беркут

отвечал за себя сам. Поэтому завизировал бумаги быстро.

– Отметим? – предложил Ахтемов.

Беркут задумался. Да уж. Отвлекься ему не помешает. Прищурился на угасавший день в окне.

Все равно он уже не увидит сегодня Алю. Так какого черта?

Пиньк... Звонок прервал размышления Беркута.

Он взял трубку и услышал голос Алексея.

– Вашу... эм женщину... схватили те бандиты. Я выяснил – они из одной местной банды. Наркотики, отмывка денег и прочее. Не то чтобы сильно успешные. Но гонору...

Беркуту будто в солнечное сплетение врезали и – для кучи – из гранатомета в грудь выстрелили. Он аж на месте подскочил, как подорванный.

Ахтемов удивленно воззрился на нового компаньона его предприятия и чуть наклонил голову.

– Плохие новости? – предположил старый вояка. Вот же! Рубака рубакой, а нюх, как у гончей.

– Это не бизнес! – отрезал Беркут.

– Я это понял, – ответил Ахтемов.

Беркут воззрился на старого солдата.

– Из-за проблем в бизнесе лицо не сереет и не вытягивается, – спокойно ответит тот. – Может нужна моя помощь? У меня еще остались старые связи. Не в службу, а в дружбу. В знак нашего плодотворного сотрудничества.

Беркут отказался бы. В любой другой ситуации.

Тем более, что крепких ребят у него самого вдосталь. Оружие – самое, что ни на есть, новое. Бронежилеты и прочее – лучшее из всего, что предлагала современная наука. Умом Борислав понимал, что справится и сам. Те дебилы не просекли с кем связались. Оно и понятно – в темноте они просто Беркута не узнали...

Но сейчас почему-то ему хотелось использовать все. Буквально. Чтобы наверняка. Чтобы без осечек. Чтобы до секунды сократить пребывание Али в руках тех ушлепков.

– Слушаю твои условия! – выпалил Беркут.

– Никаких условий, – Ахтемов отодвинул документы. – Включай, давай, громкую связь. Обмозгуем все и выработаем стратегию.

Ну да. Стратегия – это как раз по части Ахтемова. Можно сказать – его фишка.

– Давай же! – почти приказал бывший вояка. – Ничего не попрошу и начальству не выдам.

Беркут остановил на Ахтемове взгляд, под которым многие отводили глаза, а другие же просто начинали вздрагивать.

Старый вояка выдержал спокойно. Ответил тем же. Хук на хук.

– Зачем тебе это? – уже без церемоний, прямо в лоб, спросил Беркут.

– Этого твои парни не выяснили? – хмыкнул Ахтемов и сразу же посерьезнел. – Давно было. А может не сочли ин-

тересным. Или просто не доложили. Списав, как лишние неуместные подробности.

– Ну? – у Беркута все внутри переворачивалось. Пока они тут, она там... С ней там...

У него слова не складывались в то, чтобы описать ситуацию. Потому что эмоции мгновенно били в голову, так что кровь шумела в ушах, в висках ломило и шею сводило удавочной спазма.

– Дочку мою бандиты похитили. Я разобрался. Быстро. Так, что давай. Я понимаю по чем фунт лиха. И хватит уже терять время!

Он прав! Терять время сейчас худшее, что можно придумать. Беркуту было плевать, если Ахтемов попросит изменить контракт после своего участия в спасении ласточки от бандитов. Главное, чтобы не использовал ее потом против Беркута. Впрочем, выглядел старый вояка так, что Борислав поверил. Сразу. И почему-то без дополнительных сомнений.

Включил Алексея на громкую связь.

* * *

Аля

Мне надо было немного подумать. А Ирине – хорошенько

проветрить голову.

Поэтому мы решили прогуляться и собрать немного зверобоя с душицей в поле, что раскинулось неподалеку от моего дома. Я туда за припасами наведывалась лето напролет.

Ирина хихикала, по пояс в траве, резала стебли и поглядывала на меня как на дикарку. Которая, имея все преимущества цивилизации, в виде чаев с уже готовыми добавками или даже просто наборов засушенных трав, все еще собирает их по старинке. Когда могла заказать все прямо на дом.

Я заказывала. И даже довольно-таки часто. Просто сегодня хотелось на природу. И я нашла для этого отличный повод.

Когда на дороге поднялась пыль от колес, мы с подружкой не особо отреагировали. Да мало ли тут ездят, пылят. Неподалеку расположены несколько домов. Туда заруливают друзья, знакомые. Сама дорога иной раз путает тех, кто впервые приехал в Остахино. Пересечение нескольких улиц временами обманывает навигатор и народ сворачивает не туда.

Однако, когда знакомые бугаи, с рожами необремененными интеллектом, и к тому же хорошо помятыми Беркутом, появились, я крикнула Ирине:

– Беги!

И сама припустила по полю, насколько позволяла густая трава и неровная почва.

Ноги заплетались, густые поросли словно нарочно обтягивали их и стремились уложить прямиком лицом вниз.

Далеко мы, естественно, не убежали.

Нас грубо скрутили и сунули на заднее сиденье машины.

Двое вчерашних мордovorотов, которые так и не дождались своей очереди, чтобы хотя бы потрогать меня, сели спeреди.

Сзади обнаружился еще один внедорожник с тонированными подчистую стеклами.

Ясно! И третий тут как тут!

– Ну, что, цыпочка? Реванш? – хохотнул один из ублюдков и радостно оскалился. – Твоего защитничка рядом нет. Значит, мы вполне можем продолжить знакомство.

Я видела – что ублюдки уже протрезвели. Поэтому попыталась воззвать к их разуму, пока Ирина только попискивала от ужаса и смотрела вокруг так, словно искала пути к побегу. В заблокированной наглухо машине, которая уже набрала приличную скорость и вылетала на основную поселковую дорогу так, будто это взлетная полоса.

– Слушайте. Чего вам от меня надо? Неужели таким мужикам не найти красотку для развлечений? Да с вами же каждая вторая пойдет. Добровольно!

– А мы не любим, когда нас кидают. Как вот ты. Завела, почти отдалась и бросила. Надо завершить наше знакомство. Начнешь чудить – получишь заряд бодрости.

Бугай с кресла рядом с водительским потряс в руке внушительным электрошокером.

Ирина панически вжалась в сидение машины и смотрела

так, словно напоследок извинялась за все, во что нас впутала. Но я сдаваться не собиралась.

– Ребята. Я замужем. Иначе, конечно бы, не отказалась развлечься с такими мужиками. Ну поймите. Мне нельзя...

– Ничего. Потерпишь. Сравнишь. Может потом и к мужу своему не захочешь! Если, конечно, мы тебя живой выпустим. А то вчера, помнится, кто-то грозил нам полицией...

– Да, ну что вы? Какая полиция! Отпустите нас с подругой и даю слово, мы ничего никому не расскажем.

– А вы и так ничего никому не расскажете. Если надо будет – языкотрежем!

Я словно угодила в какой-то криминальный триллер. И сама стала его частью.

Было до дрожи, до пелены перед глазами страшно. Я мысленно взывала к сыну. Старалась через воспоминания о моем мальчишке набраться побольше силы и храбрости. Он всегда придавал мне смелости и воли к победе.

Я должна женить сына! Я не могу оставить своего малыша! Я слишком люблю его, чтобы оставить!

Эти ясные зеленые глазки, которые хохочут, когда мы шутим. Эти нахальные цепкие рученки, которые всегда достают шоколад из самых недоступных, казалось бы, мест. Эти смешинки в уголках губ и хитрые рожицы, когда малыш что-то замышляет.

Нет уж! Никто на этом свете не отнимет у меня возможность растить сына!

Мысли придали мне уверенности. А ужас реальности происходящего холодом разлился по венам, и заставил голову работать лучше, чем прежде.

– Слушайте. Я понимаю. Вчера мы с вами плохо расстались. Но я того громилу знать не знаю.

– Мы это выяснили. Ты в разводе, – припечатал бугай с переднего кресла. – Мы много о тебе знаем, Альвина Радужная. Думаешь, как мы тебя так быстро нашли?

– Да вы крутые! – притворно восхитилась я. – Ну давайте разойдемся по-хорошему...

– Заткнись! – кажется, этому ублюдку просто надоело со мной разговаривать. Да и не в этом была его цель. Для чего болтать с резиновой куклой?

Я дернулась и опасно вжалась в кресло. Ирина уже откровенно всхлипывала.

Мысли метались в голове выстрелами.

Я оглядывалась.

Двери заблокированы. Мы уже несемся по дороге и лихо сворачиваем на загородную трассу. Еще немного – и мы окажемся черт знает где. Я даже местность тут не узнавала.

В ушах безумным гонгом грохотал пульс. Озноб пробирал до костей, словно меня окунули в ледяную воду.

Я почему-то знала. Эти сволочи не остановятся, не пожалеют и убеждать их нет смысла.

Они решили отыгаться и развлечься.

По своим каким-то звериным законам.

Я же о мире криминала знала только то, что показывали в кино и сообщали в новостной хронике.

Ирина размазывала сопли по лицу. Хорошо еще нас не связали – стекали бы невесть куда.

Боже! О чем я только думаю!

Итак, из машины не выпрыгнуть. Даже, если двери заблокируют, на такой скорости от меня останется только лепешечка и кровавый след сзади.

Что же делать?

Какого черта я потащилась с этой идиоткой Ириной в тот клуб! Ведь чувствовала – там что-то нечисто!

Нет. Ругать ее и себя я буду позже.

Думай, Аля! Думай! Не скатывайся в рефлексию!

У тебя есть последние минуты для этого!

Паника накрывала штормовыми волнами, что закручивают тебя и пытаются утопить. Я жадно глотала воздух в машине, пропитанный запахом ванильной отдушки, кожи, в которую вырядились убудки, алкоголем и чем-то еще.

Внезапно авто резко затормозило. Я чуть не врезалась в переднее сиденье. А Ирина сползла вниз, словно кулек с продуктами.

Шины мерзко зашипели по асфальту.

Я в ужасе посмотрела вперед и увидела несколько внедорожников, что преградили путь и... несколько полицейских машин.

– Скажешь слово – убью! – процедил бугай с переднего

сиденья.

И вышел вон.

Все происходило словно в каком-то сне. Будто даже вовсе и не со мной.

Я словно наблюдала за всем со стороны.

... Вот бугая скручивают и водителя грубо вытаскивают из машины. Их дружок – третий оказывается в том же положении. Скоты что-то мямят: мол, женщины сами хотели с нами поехать... И лучше не верить словам этих баб! Они же солгут – не моргнут глазом. Просили заплатить им, а мужики отказались. Так что бабы вполне могли на них взъестся... Но ублюдкам затыкают рты и... на сцене появляется до боли знакомый персонаж.

Ирина присвистывает, забираясь на сиденье и пытаюсь выйти вот из машины.

Тем временем, мою дверцу вырывают с корнем, и Беркут подает мне руку.

– Ну? Давай! – приказывает жестко.

И я послушно вылезаю на неверных ногах. Пошатываюсь. Беркут подхватывает на руки и несет меня в свою машину. У меня же нет сил ни сопротивляться, ни что-то спрашивать, ни возражать. Тело деревянное, адреналин, видимо, выветрился и меня мелко колотит.

Сил и воли хватает лишь на то, чтобы увидеть, как Ирину несет в ту же машину какой-то очень высокий мужчина неопределенного возраста и с военной выправкой.

Я оказываюсь на переднем сидении, тот мужчина с Ириной размещаются на заднем.

Беркут рывком трогается с места. И, проехав некоторое расстояние, тормозит возле беседки, на краю поля.

Достаёт бутылку вина и ловким движением ее откупоривает. Суёт в руки.

– Давай, глотни. А то на тебе просто лица нет.

– Я, с вашего позволения, поеду к себе. Как говорится – вернусь к тому, кто меня к вам направил, – сообщает мужчина с заднего сиденья. Так, словно каждый день спасает женщин от мерзких бандитов. – Беркут! – окликает моего спутника. – Там чай и все остальное в багажнике. Я хорошо заправился. Пока. До встречи.

И уходит.

Беркут вылезает из машины. Осторожно открывает мне дверцу и протягивает руку.

Я опять, словно дрессированная собачка, послушно подаю ладонь Бориславу. Пытаюсь идти, ну хотя бы – ковылять.

Но недолго. Колени подкашиваются, и гравитация почти припиливает меня к земле.

Беркут подхватывает и сажает меня в беседку.

Следом тащит туда и Ирину.

Затем рядом с кроссовером Беркута тормозит еще один дорогуший черный джип.

Я не успеваю испугаться, напрячься, оглянуться – куда бежать, как оттуда выходит симпатичный мужчина. Средних

лет и явно не среднего достатка.

Голубые глаза, светлые волосы, собранные за спиной в хвостик, фигура скорее гимнаста, чем штангиста. Пружинистая походка и взгляд – будто тебя видят насквозь и сразу. С первой же встречи, с первого же знакомства.

Пока мы с Ириной ошарашенно глотаем вино из бутылки, мужчины энергично накрывают на стол.

Появляются какие-то особенные ход-доги. С прокопченными сосисками и кучей всяких добавочек: огурчиков, приправ, присыпок и прочего.

Дымится горячий чай из двух термосов.

Пицца – та же самая, что прислал мне Беркут, оказывается, можно сказать – во главе стола. С мраморной ветчиной, поджаристыми сосисками, нежными тянучками сыра и каким-то приятным, сытным, грибным соусом.

* * *

...Некоторое время мы с Ириной просто пили чай и жевали ход-доги. Вот уж в жизни бы не подумала, что этот вид «быстрой еды» настолько меня увлечет.

Ну, правда! То ли я слишком перенервничала. То ли еще что. Но я уплетала за обе щеки и смаковала на языке вкус, который рассыпался на составляющие. Легкую остроту маринованных огурчиков, мягкую пряность соуса, кисло-сладкую нотку кетчупа и нежную, немного терпкую, сыт-

ную часть от сосиски.

Когда два ход-дога приказали долго жить у меня во рту, я выдохнула и, наконец-то, посмотрела на Беркута.

Все это время он молча наблюдал, приподняв уголки губ в улыбке. Будто в жизни ничего лучше не видел или был ужасно доволен происходящем.

Его сосед выглядел деловитым, серьезным и каменно-спокойным.

Ни тот, ни другой, не ели и не пили.

Ирина жевала в такт со мной и помалкивала в тряпочку. Видимо, все еще ощущала на своих плечах груз вины. И я была этому очень рада. С одной стороны – конечно она не причем. Но стоит бы ей посерьезней отнестись к происшествиям ночи. Сделать далеко идущие выводы.

– Кхм... – заметив, что, наконец-то, стал центром моего внимания, прокашлялся Беркут. – Ну ты как?

– Можете мне объяснить, что случилось? – я посмотрела на Беркута и его соседа. – Вначале словно ниоткуда появились те... суки... Потом вы – также будто выскочили из-под земли. Что вообще творится? Не расскажете?

Беркут прокашлялся и даже не стал возмущаться, что не получил заслуженную порцию благодарностей. А вот Ирина решила исправить мою оплошность.

– Шпашибо! – произнесла она с открытым ртом.

И я не сдержалась – прыснула.

Смех, конечно, был нервный, звенящий. Скорее истерика,

чем настоящие положительные эмоции. Но Беркут широко улыбнулся и протянул мне салфетку.

– Это Алексей, частный детектив. Он тебе все и расскажет, – мирно произнес Борислав, даже не пытаясь добыть из недр моей совести толику признательности в собственный адрес.

Если честно, я пока была слишком ошарашена и напряжена, чтобы понять – что вообще вокруг происходит. И, похоже, Беркут понимал это лучше Ирины. Тем более, что она пережила фееричную встречу с теми бандюгами только сегодня, а у меня это был уже второй незабываемый раз.

Вначале мне требовалось уложить все в голове и убедиться, что я еще в здравом рассудке после всего, что случилось. И уже потом раздавать мужчинам заслуженные благодарности. Зажимать я их, естественно, не планировала. Надо просто было собрать себя в кучку.

Немного отойти от шока.

– Значит так, – Алексей сложил руки на столе. – Те трое – из одной местной банды. Крайне неприятные элементы. Посадить их пытались несколько раз. Но пока не поймали на горячем, эти ублюдки умудрялись выкручиваться. Сейчас их повезли в полицию. И мы попытаемся их привлечь так, чтобы больше к вам не сунулись. Но надо понимать, что пока вам лучше находиться под охраной.

Алексей многозначительно стрельнул глазами в сторону Беркута, и тот продолжил речь спутника, будто они давно

это репетировали.

– Я не сказал. Я владелец сети охранных агентств «Марс». Вам это, скорее всего, ничего не скажет. Но работаю я на самом высшем уровне. Поэтому предлагаю временно переселиться ко мне. Мой дом защищен лучше некуда. Потом мы разберемся с этими суками, и они больше к вам на пушечный выстрел не приблизятся.

Я допила чай, давая себе передышку и в лоб, без расшаркиваний, спросила у Беркута:

– Все-таки вам удалось затащить меня к себе в логово?

Борислав поморщился. Алексей хотел что-то вставить, но Беркут жестом запретил ему вмешиваться. Таким прямо привычным, четким жестом, будто этот мужчина всегда командовал подобным образом. И по одному движению его слушались.

Теперь я понимала свое впечатление от Беркута и его командирских замашек.

Да. Было в нем и нечто хищное, и одновременно ужасно надежное.

Владелец охранного агентства. Понятно.

– Я хочу затащить тебя в свое логово! – как всегда с пугающей прямоотой сообщил Беркут и сверкнул глазами. – Однако нынешний случай не из тех, которые я выбрал бы для предлога. Скажу больше – он худший из всех возможных.

Я взгляделась в суровое лицо Борислава. Сейчас такое открытое, такое... Заботливое... взволнованное... Было вид-

но – он очень переживал за меня. Так, как мало кто за меня тревожился...

Вот теперь признательность затопила изнутри: щемяще-теплая, как костер в стужу. Меня отпустило... Родилось ощущение «можно выдохнуть». Я выдохнула и произнесла:

– Мы с подругой очень вам благодарны. Спасибо за то, что вытащили нас из лап тех уродов. Большое спасибо. Низкий поклон... И все-таки... Повод не самый лучший, но вы им воспользовались?

Теперь оставалось понять намерения и планы Беркута. Очень надеюсь, сегодня выйдет лучше, чем в прошлый раз. Как у него, так и у меня. Сейчас я была готова к диалогу. И, очень надеюсь, Борислав тоже.

Я чуть наклонила голову и внимательно изучала Беркута. Суровое, красивое лицо, будто выбитое в скале умелым скульптором. Умный лоб, квадратная челюсть и пронзительные серо-голубые глаза. Такой взгляд не всякий первый и выдержит.

– Да. Воспользовался. И одновременно нет.

– То есть?

– То есть сейчас это самое разумное решение. Приставить к тебе своих ребят я бы мог. Это не проблема, вообще-то. Но у меня ты будешь в большей безопасности. Плюс сможешь выполнить параллельно мой заказ. Кстати, я утраиваю сумму гонорара. Интересно?

Я прищурилась и вновь пошла напрямую, не разменива-

ясь на намеки и хождения вокруг да около. Потому что кажется с этим мужчиной это была лучшая тактика и стратегия.

– А вам все это зачем сдалось-то? Ну кроме самого очевидного? То есть... Столько хлопот... И еще утроенный гонорар... Зачем?

Беркут меня понял. И еще как! В глазах Борислава мелькнул тот самый жгучий голод, который я уже видела. Когда прыгала по комнате в одной простыни. Он прилип ко мне, и не позволял нормально дышать. Волновал, одновременно сбивал с ног и почему-то заставлял чувствовать себя лучше. Гордиться, что ли, подобным воздействием.

Я глотнула еще немного чаю, нагло беря себе новую паузу. Передышку, если на то пошло.

Беркут сверлил глазами так, что я уже не выдерживала, безбожно проигрывала игру взглядов.

– Самое очевидное пока обсуждать не будем. Я не собираюсь тебя трогать без твоего согласия и желания, – ответил Беркут, когда понял, что снова перехватить мой взгляд и «надавить» своим уже не удастся. Вот так без обходных маневров. Опять напрямую. Пора привыкать!

– Это точно?

Я хотела убедиться, что не ошиблась в Беркуте и не придется опять жалеть, что поверила мужчине. Мне было просто жизненно необходимо утвердиться в этом. Железобетонно. Без малейших сомнений.

Я достаточно натерпелась за последние дни, чтобы полагаться на случай, удачу или что-то еще.

Я должна была знать!

Если не ради себя, то хотя бы ради сынишки. Не нужна ему сейчас мать-одиночка, по которой психушка плачет после домогательств кучи мужиков! Даже если один намного лучше других. Ситуацию это существенно не меняет.

После секса без согласия женщина не останется прежней...

– Могу вписать в договор о найме тебя на работу! – Беркуту явно не нравилось то, куда клонилась беседа. То ли из-за намека, что я не собираюсь благодарить его собственным телом, то ли потому, что я не доверилась ему окончательно. А, возможно, и все вместе.

Ирина с Алексеем затихли, давая нам с Бориславом простор для общения.

Подруга озадаченно ковыряла пальцам в ход-доге, словно планировала найти там бриллианты. И делала вид, что это занимает все ее внимание. Выдавали ее только любопытные, быстрые взгляды.

Алексей сидел так, словно его выключили. Ну реально! Как высококлассного робота.

Невидящий взгляд, устремленный поверх наших с подругой голов и полное равнодушие к происходящему на лице. Абсолютно неподвижное тело.

Беркута направление нашей беседы не смущало. Или он

слишком хорошо это скрывал. Смотрел прямо на меня, не отводя взгляда. Пытался пробиться в центр моего внимания всеми доступными ему способами. Разве что красными флажками перед носом не размахивал.

Мне было немного неловко говорить о возможном интиме. Даже о предполагаемом Беркутом, а вовсе не мной. Но Ирина обо всем уже знала. И вполне представляла картину нашего общения, когда я еще «выгуливала простынь» в особняке Борислава. А Алексей... Не знаю. Он сейчас казался скорее фоном.

Действительно, киборгом, которого можно включить и выключить по собственному усмотрению.

Беркут чуть облизал губы, почему-то жутко мужским жестом. Не как девица, которая дразнит и акцентирует внимание на своих увеличенных губах, а как самец, что подбирается к вкусному. Со вкусом, но без наигранности или prolongation удовольствия.

– Кхм... – не дождавшись моего ответа, все же педалировал беседу Беркут. – Аля. Я вас смущаю? Вызываю недоверие? Опасения? Я сорвался с важной встречи, когда узнал, что вас похитили...

Я вскинула глаза на Беркута. И вновь отплатила ему той же монетой – откровенность за откровенность, прямота за прямоту. Иначе с Беркутом не получалось. Хотя, вероятно, это и к лучшему. Я была совершенно не в настроении играть в какие-то игры.

– Борислав. Я вам бесконечно признательна. Нет слов, чтобы выразить... Но... Смущаете и вызываете недоверие. Из вашего рассказа я уяснила несколько вещей, которые остались, скажем так – за кадром. И которые меня смущают и вызывают недоверие. Хотя это, подчеркну, совсем не исключает моей признательности. Но вы должны понять – я хочу во всем разобраться прежде, чем принимать судьбоносные решения.

– Говорите! – Беркут подался вперед и сцепил руки в замок.

Поджал губы так, что те одновременно налились кровью и показались мне еще более жестко очерченными. Так скорее в драку бросаются, чем с простой женщиной договариваются.

Впрочем, я уже не ждала от этого мужчины ничего обычного. Во всяком случае, привычного мне.

– Вот смотрите, – я, наконец-то, нашла в себе силы посмотреть прямо в глаза собеседнику. Выдержать взгляд, который будто сверлил мой мозг. Выкручивал винтик за винтиком, шестеренку за шестеренкой. И разбирал по полочкам: мысли, намерения, затаенные желания. – Вы узнали, что нас с подругой похитили. Но это значит, что вы следили за мной? Ведь так? Я ведь это услышала?

– Да.

Он не смутился ни на секунду.

– Может тогда объясните – зачем?

Беркут откинулся на спинку сиденья и прищурился, вновь

изучая мое лицо. Кажется, шестеренки и гвоздики так и не дали ему полной картины.

– Так что?

Беркут усмехнулся, словно принял мой вызов. Опять чуть поджал губы, будто собирался идти в атаку. Желваки прокатились по его острым скулам.

– Да. Я следил за вами. Потому, что вы меня здорово зацепили. Заинтересовали, если хотите. И уж если совсем откровенно – вы меня чем-то привлекли.

Он замолчал, покрутил в руке мою опустевшую чашку и налил в нее еще чаю. Придвинул к моим ладоням, а затем вдруг обнял их своими и сразу же убрал руки.

Желваки Беркута заходили ходуном, тело напряглось так, что свободная, казалось бы, футболка показалась слишком для него тесной.

Зато я могла вдоволь полюбоваться на мощные мускулы Беркута. Ну правда! Такие не увидишь где угодно и просто так тоже не увидишь. Такие мужики где угодно и просто так не ходят.

– А вы за всеми женщинами, которые вас привлекли, занимаете слезку? – задала я еще один неудобный вопрос. – Оригинальный способ, я бы сказала. Быть ближе., если вы понимаете...

– Возможно. – Он не отрицал. Но и не выглядел обескураженным.

Вообще. Словесный нокаут – определенно не то, чем мож-

но уложить Беркута на лопатки. Даже если говорить о том, что его очень волнует. Его волновало. Я это видела. По совершенно незаметным деталям. Один уголок губы Беркута чуть вздрагивал время от времени. Прямой, нацеленный, как выстрел, взгляд то и дело слегка мутнел. Ну прямо как во время нашей первой встречи и в совершенно определенные ее моменты. Переплетенные пальцы Борислава то вздрагивали, а то сжимались до белизны в костяшках.

– Возможно, способ не самый удачный и не самый обычный, – немного выровняв дыхание, после короткой паузы произнес Беркут. Я слышала, как нарастает частота его вдохов. И он опять глотал воздух порциями. Мелкими, быстрыми, судорожными. – Но мне это внове. Так что имею право иногда лажать...

– Внове что? – я приподняла брови, цепляясь за фразу, которая казалась уж слишком двусмысленной. – Интересоваться женщиной?

– Да. То есть нет. Впервые женщина тронула меня за живое. Давайте скажу так. Впервые мне не плевать будет ли эта женщина моей.

И он замолчал, изучая меня так, словно опять копался в моих мыслях и чувствах. Раскладывал их где-то там у себя по полочкам. Исследовал под микроскопом. Ну правда!

Ирина поперхнулась ход-догом и продолжила сосредоточенно жевать, подкашливая. Алексей «включился», похлопал ее по спине и снова «выключился» как по команде.

– Вашей? – уточнила я, снова ощущая себя загнанной в угол. Как тогда, в доме Беркута.

Он свел брови до глубокой складки на переносице и произнес недовольно, досадливо.

– Я знал, что ты это так воспримешь.

– Как?

– Испуганно.

– А бояться мне нечего?

– С моей стороны – нет. Я буду защищать тебя.

– От тех ублюдков?

– Да. От всего.

Я сглотнула и разом растеряла слова, которые уже вертелись на языке и были готовы вывалиться скопом. Беркут медленно помотал головой и растерянно развел руками.

– Не понимаю. Чего такого уж страшного в том, что мужчина хочет сделать женщину своей? Это, что, ужасное преступление? Разве я говорил о насилии? Или о том, что у вас нет выхода?

– Нет.

Он наступал. Прямо как танк. И мне ничего не оставалось как: либо бежать, либо стоять и смотреть как эта махина двигается.

Бежать от разговоров по душам я не привыкла.

Приходилось испытать все удовольствие от того как тебя накрывает огромная хищная тень и терпеть, чтобы не сделать ноги.

Мда. Не хотела бы я оказаться на месте спаринг партнеров Беркута. Схватку проиграешь еще до ее начала. На одном страхе перед противником.

– Тогда в чем дело? Я раскрыл все карты. Сейчас я зову тебя к себе для защиты.

– А потом? – ковырялась я в планах Беркута.

– Что потом? – продолжал он хмуриться

– Потом. Когда защита мне уже не потребуется. И я, ну допустим, просто предположим – сделаю вам дизайнерский проект?

– Вот тогда и решим.

– Решим?

– Да. Я – что дальше делать. А ты – как со мной поступить.

– То есть мое мнение важно?

Беркут выматерился. Ирина снова поперхнулась. Алексей опять выполнил операцию «многофункциональный робот приведет вас в чувство быстро и эффективно» и замер.

– Да, мать твою! Твое мнение важно! Что заставляет тебя считать иначе?

– Не знаю...

– Я мог забрать тебя у тех ублюдков и увезти к себе. Нет?

– Да.

– Я мог шантажировать тебя. Мол, если не согласишься – то и защиты не получишь? Так?

– Э-э... А вы будете?

Еще одно матерное ругательство стало частью веселой

птичьей трели, что разлилась над нашими головами.

– Да, мать твою! Я все равно буду тебя защищать! Но в моем доме для тебя безопасней. Как и для твоей подруги, к слову.

Он словно только что о ней вспомнил. Бросил быстрый взгляд на Ирину и вновь сосредоточился на мне. Весь и сразу.

– Мне нужно подумать... – протянула я.

– Некогда думать! – прорычал Беркут. – И сына твоего привезут ко мне. Как только дашь согласие... Э-э-э... Если дашь.

Я вздрогнула и в ужасе уставилась на Беркута.

– Думаете...

Рука потянулась к сотовому, и тут же ее накрыла громадная ладонь Беркута. Горячая и крепкая, как раскаленный на солнце камень.

– Его уже взяли под охрану мои люди. Не паникуй. С ним ничего плохого не случится.

– Э-э-э...

– Няню я для него уже нашел. Твоя родственница тоже хочет с ним заниматься. Пока все не уладится. Так что она едет с мальчиком. Если ты согласишься.

Мне понравилось, что теперь «когда» заменили на «если».

– Эти ублюдки и их дружки настолько опасны? – я повернулась к Алексею.

Тот «включился» сразу же и полностью.

– Ну я не знаю. Но они из банды, мстительные. Полные отморозки. Пока ребенком они не интересовались вовсе. Но думаю, что меры не лишние.

Я снова посмотрела на Беркута. Да, я понимала, что он едва сдерживается и что терпение мужчины определенно трещит по швам. Но мне было необходимо еще раз уяснить, договориться и убедиться. Именно потому, что теперь в дело втянут мой сын. А это все радикально меняло.

Я не могла ничем рисковать, включая собственное душевное состояние. Потому, что прежде всего я мать и только потом – женщина.

Поэтому я рискнула испытать терпение Беркута на прочность решающей чередой вопросов.

Возможно, со стороны все выглядело так, будто я тяну время, а заодно издеваюсь над Бориславом. Но я знала этого мужчину всего один день. Один! День! И должна была доверить ему то, за что отдала бы жизнь, не колеблясь. Своего ребенка. То чем я не рискнула бы ни при каких обстоятельствах.

– А если я откажусь? В смысле ехать к тебе домой? И там пережидать все эти гадости?

– Организую тебе защиту.

– Бесплатно?

Я вскинула бровь. И добавила, прежде чем Беркут собрался ответить:

– То есть мне это ничего стоит не будет?

– Нет! – утробно прорычал Беркут.

– Вы же понимаете – о чем я? Не только в денежном смысле стоить?

– Да. В смысле, понимаю! – в его голосе вибрировало рычание.

– Так мне это ничего стоить не будет? Включая нематериальные моменты? Включая интимные контакты и прочие подобные вещи?

Беркут убрал руки со стола. Поменял положение на скамейке.

Выпрямился, будто шест проглотил. И я замерла, в ожидании такого важного для себя ответа.

Беркут набрал в грудь побольше воздуха и произнес практически спокойно, но в голосе его звенел металл:

– Я понял, о чем ты спрашиваешь. Ничего тебе это стоить не будет. Я не стану принуждать тебя к интиму, потому, что взял тебя под защиту! Я не трону тебя без согласия! И защищу всеми возможными способами. Эти твари еще очень пожалеют, что вообще о тебе вспомнили.

Коснулись тебя второй раз! Да и о первом еще поплачут!

Последние слова он сказал так, что я аж отклонилась от напора. Хотя прекрасно понимала – Беркут злится вовсе не на меня. Однако инстинкты сработали раньше, чем включился рассудок.

Силу психической атаки Борислава, его сбивающих с ног эмоций, я оказалась пока не готова выдержать.

Беркут опять зарычал, ударил кулаком по столу и выпал:

– Да прекрати уже от меня шарахаться!

Наверное, если бы могла – я бы уже опрокинула сиденье. Настолько я пыталась с ним слиться, или даже на нем отодвинуться.

Беркут оценил все и явно обдумал.

Несколько минут просто сидел, сжимая и разжимая кулаки. Выпятив упрямый лоб и хмуря густые красивые брови.

А затем попытался улыбнуться. Получилось настолько плохо, что уж лучше бы даже и не старался.

– Я хотел сказать. Я не причиню тебе вреда. Никогда. Не стоит меня бояться. И я скорее кастрирую себя, чем возьму тебя силой. И скорее себя ударю, чем применю силу к тебе.

Теперь он говорил почти вкрадчиво. Во всяком случае, достаточно мягко, чтобы меня не тянуло сбежать. Просто развернуться и дать деру.

К тому же слова Беркута... Вот даже не знаю. Никто, ни один мужчина не говорил мне подобного.

Я просто застыла, словно стеклянная и неотрывно смотрела на Борислава.

А Ирина покосилась на меня так, словно я замучила ее любимого хомячка. И бедная зверушка страшно, ну просто невыносимо страдает.

Почему-то в голове начала крутиться песня: «На костер ее! На костер ее! На костер ее!»

* * *

Беркут

Переговоры всегда были коньком Беркута.

Там, где он не брал уже самими условиями, достижениями и выгодностью своих услуг, он брал словесными убеждениями.

Главным козырем Беркута было то, что он никогда не юлил и предпочитал наступление прямыми аргументами редким и холостым выстрелам намеков и хождений вокруг да около.

И вот, впервые в жизни, Беркут столкнулся с тем, что переговоры ему не удаются.

Ну прямо совсем. Даже, напротив. С каждым словом и с каждым аргументом оппонент все дальше от столь желанного Бориславу согласия.

Причем, случилось это именно тогда, когда Беркуту кровь из носу требовалось безоговорочное согласие оппонента.

Все происходило не так как он привык.

Откровенные аргументы и прямые ответы шокировали Алю и пугали. Заставляли ее отдаляться и что-то там себе по-женски надумывать. Что именно – Беркут толком не по-

нимал. Лишь ловил направление размышлений собеседницы. Но каждый раз попадал пальцем в небо.

Буквально встряхивающее изнутри волнение не позволяло Беркуту грамотно менять стратегию. С полной открытости до частичного умалчивания.

Потому что Аля выбивала почву из-под ног Борислава так, как даже те ублюдки во время драки не выбивали подсечками и подножками. Там он понимал – ребятки натасканные, накаченные и драться умеют. Надо просто оставаться начеку. Но действовал четко, без промедлений и осечек. И на ногах выстаивал отлично.

А теперь... теперь небо и земля то и дело менялись местами. И Беркут терял равновесие.

Причем, даже не испытывал дискомфорта. Напротив, получал удовольствие. Как человек, прыгнувший с парашютом, когда тот раскрылся и несет над землей. Почти параллельно ей, мимо облаков, навстречу ветру и полной свободе. Хотя эта свобода обещала и хаос, и некоторую непредсказуемость приземления.

В драке Беркут за два удара просчитывал каждое движение тех ушлепков и работал на опережение.

Сейчас же, напротив, он отставал от мыслей Али. А когда нагонял, внезапно оказывалось, что время уже безнадежно упущено.

Беркуту было жутко не по себе.

Причем, близость Али приятным током пронеслась по

нервам, ударяла в голову похлеще выпивки. И заставляла постоянно отвлекаться на ее маленькие, яркие и сочные, как нераспустившийся бутон, губы. На ее длинные тонкие пальцы, которые ласточка инстинктивно сцепляла в замок возле груди, будто в жесте мольбы.

На ее длинную шею, которая казалась совершенной и на ее грудь. От одного взгляда на которую... Мать твою! Беркут вообще терял нить разговора.

Хорошо еще, что Аля сидела и Борислав видел только половину ее соблазнительного обалденного тела. Хотя воображение и воспоминания услужливо дополняли все то, что не мог сейчас ухватить взгляд Беркута.

Его словно на сковородке поджаривали. Возбуждение накрывало так, что аж капельки пота выступали на висках. И Беркут чуть ерзал на скамье, ища более удобное положение.

Сцеплял зубы. Изо всех сил вбивал каждым вдохом воздух в легкие.

Беркут хотел присвоить Алю. Вот именно так! Другими словами и не выразишь.

Привезти в свой дом. Поселить. И потом сделать полностью своей, связав их жизни документом о браке.

Он еще никогда так быстро не решал связать себя какими-то обязательствами. И еще никогда не чувствовал – насколько правильным, и естественным будет этот социальный контракт.

Потому что его дом снова наполнится воздухом. Его

жизнь наполнится. Ею. Как смыслом. Также как тогда, когда ласточка мирно спала у него на диване.

Все это было шокирующим для Али. Потому что было внезапным и непонятным.

В этом, видимо, и отличались женское и мужское мышление.

Мужчина – охотник. Увидел добычу – и пытается ее схватить. Заполучить.

Женщина – хранительница очага. Она выбирает, обдумывает и проверяет.

И от этого процесса у Беркута буквально закипали мозги в черепушке. Казалось – в голове котел, где уже пенится жуткое зелье, и вот-вот крышка сорвется от сумасшедшего перегрева.

– Это ничего не будет тебе стоить! – дополнил свой ответ Борислав. Снова и снова вдавливаясь в мозг Али взглядом. Но ее мимика и жестикация играли с ним невероятные шутки. Обманывали и постоянно путали.

Она молчала. Пила чай и поглядывала то на Беркута, то на Ирину, а то на Алексея.

Беркут понимал Алю. На нее столько свалилось за считанные сутки... Для нормального человека, не привычного к тому, к чему привык Борислав, это катастрофа. Шок!

А когда речь зашла о сыне Али... Она поменялась в лице и Беркуту до ломоты во всем теле захотелось обнять ее, прижать и утешить. Так хотелось, что в груди защемило...

Но Борислав уже понял, что резкие движения, хватания ласточки, как это у него водилось, сейчас – худшая из всех стратегий. Поэтому держался. На честном слове, если уж откровенно. На одной воле.

И вот впервые за их знакомство, Бориславу удалось оценить ворону иначе, как бесполезным куском мяса.

Та взяла ласточку за руку, привлекая внимание.

– Слушай. Давай подумаем не о том, что окружает предложение Беркута... Эм... Беркутова...

– Беркута, – кивнул Борислав.

– Давай оценим риски и выгоды. Помнишь, как мы любили.

Аля кивнула, сосредоточившись на подруге.

Беркут замер, весь превратился в ожидание.

– Сегодня мы пережили достаточно. Ты пережила еще и вчера побольше моего. Есть Риан. И есть проблема. Нам предлагают адекватное решение. Вам сложно договориться, потому, что и ты и Беркут каждый преследуете свою цель. Но вы можете объединиться сейчас и потом снова обозначить следующие шаги. Верно?

– Ты поедешь со мной к Беркуту? – беспомощно и устало попросила Аля. И впервые за этот напряженный разговор Борислав понял, насколько она измотана и перенервничала.

И ведь держалась. Маленькая, хрупкая, стойкая.

Захотелось сгрести ее в охапку и утешать, успокаивать, убеждать, что все будет хорошо и никак иначе. Худшее на-

всегда позади.

Беркут невольно сжал руки в кулаки борясь с этим непри-
вычным, но сильным желанием.

– Конечно я поеду с тобой! Это же я во всем виновата! –
горячо воскликнула Ирина.

– Нет! – возразила Аля. – Во всем виноваты те ублюдки!

– Я с тобой! – повторила Ирина и будто закодировала ла-
сточку. Дала ей нечто такое, что у Беркута дать не вышло.

Он сцепил зубы еще сильнее, аж челюсти свело спазмом.
Мать твою! Что такого сказала эта несостоявшаяся бутылка
алкоголя? Чего такого не сказал ОН?

Аля вдруг повернулась к Беркуту и решительно произнес-
ла, кажется опять вся внутренне подбираясь.

– Я согласна. Но мы должны оговорить некоторые усло-
вия.

– Слушаю.

– Первое. Я возьму за дизайн проект стандартную сумму.
Потому что иначе я откажусь. Мне не нужны никакие подач-
ки! Я способна на жизнь заработать!

В ее глазах просияла гордость. Беркут не мог не залюбо-
ваться. Не заглядеться на эту чертовку. Хотя она и несла
ересь. Он хотел, даже не хотел – жаждал, дать ей больше и
еще больше! Потому что этого требовало в нем все! Каждая
клетка и каждая мышца. Каждая фибра души, мать ее!

– Ладно.

В его голосе звучала усталость. Беркут не скрывал. Хотел,

чтобы она увидела, что и он не бесчувственная колода. И даже сработало. Аля чуть вскинула брови и посмотрела на Беркута иначе. Со значением, что ли. С пониманием?

Борислав усмехнулся и мотнул головой. Ну да. Когда он, будто скала, встает на пути ее неприятностей, она шарахается, забивается угол. А показал уязвимость – и на тебе, немного даже раскрылась, оттаяла.

Женщины! Ну как вас понять-то?

Разве не вы постоянно талдычите, что хотите защиты от мужчины. Мощного крепкого плеча рядом? А при этом млеете и успокаиваетесь, глядя на то, что и мужчина умеет страдать, переживать и сильно нервничать!

– Второе. Вы держите меня в курсе ситуации с теми бандитами. Как только опасность пройдет стороной, я возвращаюсь домой!

Она сверкнула глазами и так напряглась, словно ожидала, что Беркут ее сейчас же свяжет и цепями прикует к своему дивану.

Он бы так и сделал. Ну правда, мысль мелькала и даже не раз. Но не с ней. А ведь очень хотелось! Однако стоило ей взглянуть – и решимость Борислава мгновенно рассыпалась в прах. Беркут жаждал сделать не то, что ему самому сейчас требовалось, а то что понравится ласточке, принесет ей какое-никакое, но удовольствие. Ну хотя бы некоторое облегчение.

Поэтому он обозначил полную свою капитуляцию:

– Согласен.

– Третье. Все эти условия мы прописываем в договоре, и вы заверяете этот договор нотариально.

– Да и да! – Беркут не сдержал рычание, и Аля чуть отклонилась от стола.

А чего она от него ожидала? Требует так, словно он солжет ей! А ведь он не мог солгать одному человеку – Альвине Радужной! Во всяком случае, не в главных вопросах.

– Четвертое. Если после завершения проблем с бандитами, я не захочу вас больше видеть, вы примете мое решение! И не станете меня осаждать букетами и преследовать при помощи сыщиков!

Беркут скрипнул зубами так, что у него опять челюсти.

Сжал кулаки. Разжал. Снова повторил свой маневр.

Момент истины. Либо пан, либо пропал.

Либо наступаешь на горло себе, либо единственной надежде немедленно заполучить ее в свое распоряжение. Пусть даже временно. Пусть ненадолго.

Часики тикают. Тик-тик-тик...

Аля смотрела с вызовом на лице. И уже, кажется, готова была от всего отказаться, когда Беркут поморщился и выдал:

– Хорошо. Документы мои люди подготовят в ближайшее время.

Набрал на смартфоне распоряжение для главы своего юридического отдела и показал переписку в вотсап Але.

Мол, видишь? Я не обманывал.

Когда пришел ответ: «Через час документы будут у вас». Она слегка расслабилась и схватилась за руку Ирины.

Беркут выругался под нос: смачно и несколько раз. Забористо.

Почему она хватается за эту бочку алкоголя, как за единственный спасательный круг? Да что в ней такого-то, в этой вороне?

Чем она могла вчера помочь ласточке? Прокатиться под ногами насильников бревном и сбить их с ног?

А сегодня? Сбить с ног перегаром?

...И лишь когда женщины садились в его машину, а Алексей уехал по своим делам, Беркут понял, что он сейчас испытывал.

Ревность. К подруге Али. Потому что, мать твою, ласточка ей доверяла, на нее полагалась и ее считала по-настоящему близким человеком.

Эта бессмысленная груда насквозь проспиртованного мяса могла успокоить Алю одним касанием пальцев. А если бы это сделал Беркут? Она бы опять напряглась и ожидала подвоха.

А то – и вовсе – попыталась сбежать.

Вот же... твою ж...

Матерные слова крутились в голове Беркута несколько минут. И снова выплескивались, будто от взрыва – одно за другим, когда Аля хваталась за руку Ирины и на лице ее от-

ражалось успокоение.

Уже за рулем Борислав вдруг понял, что еще раз лоханулся за этот день. Да, в принципе – лоханулся. Если бы не эмоции, которые захватили и совершенно смешали все мысли, Беркут гораздо раньше понял бы, что есть шикарный рычаг воздействия на ласточку. Ирина, которой та безоговорочно доверяла. Почему? Этого Беркут не понимал. Эта идиотка подставила подругу, фактически именно из-за нее ласточку едва не изнасиловали. Но Аля все равно верила ей, как никому другому. И Беркут гораздо раньше просек бы, что Ирину вполне можно использовать в своих целях, если бы... если бы глядя на ласточку вспоминал о ком-то еще, кроме нее самой...

Если бы она не заслоняла для Борислава всех других женщин. Всех вокруг...

Если бы рядом с ней он еще хоть что-то видел и слышал, кроме того, что делала и говорила ласточка...

Да он рядом с ней день с ночью перепутал бы!

Вот так, Беркут все под контролем. Мастер переговоров и тонкого расчета, способный на раз просечь любую связь между людьми...

Ничего то ты больше не можешь, когда... Когда так сильно жаждешь заполучить то, без чего уже не понимаешь, как жить дальше... Легко выстраивать тактику и стратегию, управлять своей жизнью, если ничего так не цепляет. Если в груди не печет и не распирает. И если не чувствуешь, что

ТВОЙ ВОЗДУХ, ТВОЯ СВОБОДА И ВСЕ ХОРОШЕЕ В ТВОЕЙ ЖИЗНИ МОЖЕТ ЛИБО УПАСТЬ В РУКИ, ЛИБО УЛЕТЕТЬ В НЕБО...

Глава 5

Аля

Беркут не обманул. На въезде в его поселок был пункт охраны, где проверяли пропуска.

Вообще я поняла, что если он и лжет, то не в том случае, когда это можно проверить.

Борислав рулил и косился на меня привычным, пронзительным взглядом, словно опять разгадывал, как кроссворд или Кубик Рубика. Собирал по граням, и пытался увидеть конечное целое. Я же оглядывалась по сторонам.

Да. Это место, и впрямь, отличалось от всего, что я прежде видела.

Большие коттеджи, некоторые построены аж под особняки века восемнадцатого. С множеством этажей и комнат. Я даже думать не хотела – сколько нужно потратить денег, чтобы все это осветить и обогреть. Не говоря уже о том, чтобы там убираться.

Территория вокруг каждого особняка тоже впечатляла своими масштабами. Порой там были натканы еще постройки, чье назначение я угадывала с трудом. Возможно, гаражи, возможно, домики для гостей. Они больше напоминали миниатюрные копии основных жилищ.

Про сады, широкие дорожки, усыпанные гравием или проложенные асфальтом уже и заикаться не стоит.

Ирина на заднем сидении присвистывала. А Беркут не обращал внимания. Хотя я бы сказала: «Денег не будет». Но, похоже, Борислав не полагался на приметы. Во всяком случае, в материальных вопросах.

Он привык неизменно рулить всем сам. Включая судьбу.

Дом Беркута я уже видела, когда водитель увозил меня «на родину».

Поэтому не особенно удивилась. А Ирина в очередной уже раз присвистнула. Беркут закатил глаза, но промолчал.

Коттедж был трехэтажный. Из крупных белых кусков камня. Вернее, он так выглядел. Думаю, под облицовкой прятался кирпич.

Оранжевая черепичная крыша привлекала внимание, как и флюгер в виде беркута.

Символично. Даже где-то забавно.

Входная группа выглядела внушительно. Две добротные лестницы расходились в стороны и поднимались к двум самостоятельным входам.

Однако обе двери накрывала общая арка из прозрачного голубого материала. Пластика или стекла.

Мы вошли в одну из дверей, и я очутилась в уже знакомом холле первого этажа. Справа, за аркой располагалась кухня – гостиная. Огромная, обставленная со вкусом и с претензией. Совсем не так как второй этаж, где я проснулась на громад-

ном диване.

Стол с резными ножками, такие же кресла, обитые дорогой тканью под бархат, тяжелые темно-синие бархатные портьеры. Складывалось впечатление, что дизайном этого этажа занимался кто-то другой. Не Беркут. Мне было сложно представить, чтобы этот мужчина выбрал подобный проект.

Он совершенно не вязался с Беркутом. Я даже представить себе не могла Борислава здесь, босиком на голубом ковре с изящным, замысловатым восточным узором.

Я невольно оглянулась на спутника.

– Что опять не так? Договор привезут через полчаса! – он в очередной уже раз исследовал меня. Пытался понять, разложить по полочкам.

Наверное, это даже и к лучшему. Во всяком случае, Беркуту не все равно. Значит, он воспринимает меня не как приятную домашнюю зверушку, которую хочется завести. Ему важно мое мнение и впечатление. Приятно, черт побери!

Поэтому я постаралась ответить так, как того заслуживал Борислав.

– Не знаю даже, как и сказать. Мне трудно представить, чтобы этот интерьер выбирали вы...

Беркут усмехнулся с явным оттенком облегчения.

Отмахнулся и, направив меня к лестнице, ответил:

– Это мама обставляла. Ей так нравилось. А я не мешал. Кухня – гостиная была ее вотчиной...

– И где она сейчас? – зачем-то спросила я, в общем-то,

чисто машинально.

– Умерла. Отца не было.

Он сказал это спокойным тоном. Но я прямо чувствовала, как воздух искрит напряжением. Поежилась, обхватив себя руками и поторопилась наверх, по лестнице. Там я уже почти все знала.

Ирина шла следом за Беркутом, который словно нарочно разделил нас своим мощным телом. Я даже не всегда видела подругу, пока мы не очутились в нужном месте.

– Здесь будешь жить ты, а Ирина – на третьем этаже. Там аналогичная комната.

Я посмотрела на Беркута и прищурилась.

Подошла к двери в коридор и указала на вторую комнату, на этом же этаже особняка.

– А тут кто живет?

– Я.

Мой взгляд он выдержал с честью. Наверное, даже гораздо лучше, чем я, когда вставала на скользкую дорожку неловких вопросов и сомнительных заявлений.

Впрочем, я вряд ли могла сейчас требовать, чтобы Беркут переехал из собственной комнаты, ради нашего с Ириной соседства. Это выглядело ужасно невежливый. Некрасивый и даже неуважительный. Если не сказать – неблагодарным.

Называется, понаехали гости. Которых мало того, что защищать придется, так еще и селить как им захочется. Ну правда! Кошмар!

И все же что-то такое было в том, что Беркут поселил нас вместе. Пусть не в одной комнате – на одном этаже.

Я кожей чувствовала – это не просто. Он ведь мог бы оставить здесь Ирину. А меня отправить на третий этаж. Конечно, спроси – скажет, что я здесь уже обжилась. Выспалась, отдохнула.

Но, по факту?

Я вглядывалась в лицо Беркута и молчала. Ирина, тем временем, успела сбежать наверх, вернуться и резюмировать:

– Мне все очень и очень нравится! Просто блеск! А в бассейн-то можно? И еще? Как же наши вещи?

Вот уж кого ничего не смущало и кто сразу брал быка за рога.

Беркут покосился на Ирину.

Нехотя. Словно она мешала ему. Так смотрят на эдакое досадное насекомое, что залетело в квартиру и надо бы его выпроводить. А убивать нельзя – плохая примета. И вот хозяин, чертыхаясь и матерясь, носится с баночкой за крылатым нелегалом.

– Дадите ключи от своих жилищ. Мои ребята привезут вещи.

– И белье? – вскинула брови Ирина.

Беркут усмехнулся и ответил почему-то мне. Видимо, у меня на лице все было написано.

– Мои люди и не такое привозили. Когда требовалось срочно переместить клиента в целях его безопасности.

– Например? – спросила я, забывая о прежних раздумьях.

– Секс игрушки, приспособления для мазохизма или садизма. Вибраторы, резиновые вагины и резиновых женщин. Костюмы для ролевых игр. Наручники всех видов и форм, плетки и прочее...

Беркут перечислял это так, словно ничего особенного в сказанном не было. Я нервно хихикнула.

– Ну подобного вы у меня точно не найдете.

– Я знаю.

Все с тем же каменным спокойствием ответил Беркут, а затем улыбнулся краешком губ.

– К слову, я не отменял приглашения в бассейн. Так что как только привезут вещи, можно пойти. Если у вас есть купальники.

В его взгляде, что скользнул по моему телу, снова промелькнул знакомый голод. Такой уже почти привычный, что я начала кажется даже радоваться тому, что так завожу этого шикарного мужика. Ну правда! Если ничего не можешь поделать с обстоятельствами – получай удовольствие.

Беркут запустил руки в карманы свободных джинсов и прокашлялся.

– А если у меня нет купальника? Ну мало ли... – не знаю почему мне вздумалось дразнить этого хищника. Беркут тоже не понял в чем фишка. Весь напрягся, перекатился с носков на пятки и ответил с хрипотцой в голосе:

– Тут два варианта. Либо устроить нудистскую вечеринку,

либо купить тебе купальник. Что выберешь?

И меня опять понесло. Нет, все-таки двойная попытка изнасилования, а затем – на посошок похищение – не лучшая тренировка для нервов. И совершенно не лучший стимул к благоразумию.

– А вы тоже будете голышом?

Беркут чуть наклонил голову и выглядел сейчас в точности как охотник, что вот-вот бросится за добычей. Он очень сильно свел челюсти и те опять заострились, придавая моей ассоциации еще больше остроты и яркости. Ноздри Борислава начали раздуваться.

Я аж слегка попятилась.

– Боитесь? – он вдруг снова пошел в наступление. А Ирина неожиданно хихикнула и сообщила:

– Пойду еще осмотрюсь у себя в комнате. Носик попудрю. Углы проверю. Что бы это ни означало...

И была такова. Я прямо поразились такой наглости! Оставить меня одну с этим... дикарем... Нет, даже не так – с хищником!

Беркут растянул губы в кривой усмешке. Перекатился с носков на пятки и назад и вдруг приблизился.

Два шага, один удар сердца – и наши тела почти соприкасаются. Борислав наклонился, и тяжело, надсадно вдохнул.

Казалось – воздух наэлектризовался. Аж искрило. Меня накрыла горячая волна. Щипнула каждую мышцу словно иголочками.

Вот же черт! Одно касание пышущего жаром тела мужчины – и его температура передалась мне. Заразное ЭТО, что ли?

Беркут быстро облизал губы. Одним движением.

Наклонился ко мне и выдохнул:

– Что? Смелая маленькая ласточка боится ответить на вопрос?

Я не знаю почему он меня так назвал. Но я чуть отшатнулась, покачнулась и схватилась за плечи Беркута, чтобы восстановить равновесие. И тотчас его руки сомкнулись на моей талии и рывком притянули.

– Ты этого опасешься?

Беркут чуть двинул бедрами, давая понять, что в штанах у него вовсе не соловьи так сильно выпирает вперед. Не знаю почему, но меня опять ошпарило жаром. Щеки моментально зарделись, а затем и уши, и грудь.

Беркут улыбнулся, будто ему нравилось то какое впечатление на меня произвело его состояние.

Я чувствовала, как быстро и мощно бьется его сердце.

Беркут чуть приоткрыл рот, словно дыхания носом уже не хватало.

Взгляд его сверкнул лихорадочным возбуждением, и одновременно помутнел.

– Я помню твоё тело. С тех пор как мыл его. Все.

Я не знаю зачем он это сказал. Но прозвучало настолько интимно, порочно даже, что я не смогла сделать очередной

вдох. Беркут же, наоборот, несколько раз жадно втянул воздух, а затем медленно сглотнул, словно в горле что-то мешало.

– Вы же не будете...

Я запнулась.

Беркут прокашлялся и вдруг отставил меня в сторону.

Выглядел он при этом таким напряженным, что даже чуть ссутулился. И опять походил на хищного зверя, что вот-вот с низкого старта рванет за жертвой.

И вот даже не знаю почему... Но сейчас это не столько пугало меня, сколько немного вводило в ступор и даже слегка очаровывало. Звучит, конечно, дико. У Беркута вообще очарование танка. Но ведь и танк может заморозить. Своей мощью, своей броней...

Похоже, именно это я сейчас и испытывала.

– Не буду. Я обещал.

Он собирался что-то добавить, но зазвонил телефон.

Беркут взял трубку, мельком взглянув на экран своего навороченного смартфона.

– Да. Хорошо. Несите. Мы на втором этаже.

Даже до того, как он все пояснил, я поняла – готов наш договор.

* * *

Беркут

Бромные ванны. Вот о чем размышлял Беркут, пока Аля сосредоточенно читала контракт.

Наверное, это единственное, что ему сейчас помогло бы. Потому что ласточка казалась соблазнительной даже сейчас. Когда то хмурилась, то чуть опускала голову, то слегка мотала головой, будто чего-то не поняла и перечитывала.

Она выглядела увлеченной и поглощенной своим занятием. И одновременно... сладкой... Такой что у Беркута аж все тело скручивало, и ток пробегал по каждой клетке.

Ударял в пах и тяжесть там стала знакомым спутником.

Привычки терпеть у Беркута не было. Поэтому он все больше прокручивал в голове все эти штуки с бромом. Может поможет?

А ласточка решила ни единого пункта не оставлять на милость судьбы или Беркута. Как посмотреть. Впрочем, он еще никогда не был так открыт перед партнером. Так что...

Наконец, Аля подняла на Беркута взгляд.

– Все хорошо. И даже подписи, печати... Даже нотариусом заверено... Заранее... Хм...

– Тогда держи.

Он поднялся и вручил ей ручку.

Тонкая кисть Али с пишущим прибором между пальцев ненадолго повисла в воздухе. И Беркут аж подался вперед. Словно собирался сам подписать документ ее рукой.

Ласточка покачала головой, глядя на мучения Беркута – похоже ей они нравились. Вернее, вначале пугали, а вот теперь стали нравиться.

Еще немного посидела с ручкой в руке и сообщила:

– Была не была!

Словно он брал ее в плен. Беркут сжал кулаки и спрятал их в карманы.

Мать твою! Почему ему так сложно сейчас держать себя в руках? Дождаться ее решения?

Разве от этого зависит вся его жизнь?

Да. Кажется, так. Зависит.

Аля черканула по бумаге и расшифровала подпись. Повторила все на втором экземпляре и отдала его Беркуту.

Тот проверил все несколько раз. Будто все еще не мог поверить, что она согласилась.

А затем, чтобы не искушать себя еще раз, направился к двери.

– Судя по сообщению в вотсапе, ваши вещи уже на подходе. Чтобы найти бассейн, напишите мне в вотсап. А пока осматривайтесь. Думаю, ты захочешь пообщаться с подругой.

Кстати! Я заказал вам вина и немного закусок.

– Нет! Есть я больше не буду! – она выглядела такой забавной и трогательной.

Беркут расплылся в улыбке.

– Думаю, твоя Ирина не откажется. По-моему, она не ест только, когда спит.

Аля хихикнула.

– Это да...

Беркут остановился, залип и совсем потерялся.

В глазах Али поселилась улыбка: теплая и такая светлая, что весь мир Беркута разом засиял.

Сейчас Аля выглядела почти также, как в момент, когда просила у Ирины поддержки. Немного усталой и менее напряженной.

Беркут продолжал улыбаться просто потому что не мог свести губы. Аля посмотрела на его глупейшую рожу и вдруг улыбнулась шире.

Кажется, осветила весь дом. Маленький лучик света, который, проникнув внутрь, вдруг рассыпается на сотни солнечных зайчиков и прогоняет тени куда подальше.

Беркут так и застыл, как прикованный. А ведь собирался идти к себе. Но вместо этого смотрел как она улыбается. Словно в жизни ничего подобного не видел. Наверное, выглядел глупее чем можно представить.

Но ласточке неожиданно понравилось.

– Вы сейчас не такой...

– Не какой? – уточнил он и воспользовался случаем. – Слушай, давай на «ты»? Это ведь ничего не меняет в нашем договоре. Не так ли?

– На «ты»... – она будто пробовала это слово в применении к Беркуту. Перекатывала на языке и поглядывала на Борислава: подойдет – не подойдет.

И он сразу напрягся. Автоматически подался вперед. Скрестил руки на груди и свел брови. Ласточка моментально отреагировала. Шагнула назад, подальше и отзеркалила жест Борислава.

Да мать твою!

Беркут медленно расцепил руки и развел их, словно демонстрировал: вот, я опять открыт.

Ласточка прищурилась и сообщила:

– Я подумаю.

Беркут с минуту смотрел и размышлял над тем, как же хочется взять ее на руки. Посадить к себе на колени. Пленить. И приручать, как дикого зверька.

Что-то теплое скользнуло в живот и растеклось от солнечного сплетения.

Не возбуждение. Что-то новенькое.

Беркут заставил себя отлепить взгляд от ласточки, которая настороженно отступила к окну и выжидала. Словно боялась его действий. Опять вся подобралась, подобно спортсмену на низком старте.

Поэтому Беркут крутанулся на пятках и, преодолев жела-

ние обернуться на ласточку, торопливо рванул из комнаты.

А спустя пару минут услышал, как стукнула дверь Али. И приоткрыв дверь в свою комнату, где засел, словно в засаде, услышал женские голоса сверху.

Подружки нашли друг друга.

* * *

Аля

– Тише! Он же услышит! – шикнула я на Ирину – уж больно она разошлась.

Мы азартно разбирали ее вещи, чтобы затем приступить и к моим. Раскладывали по полочкам большого шкафа из красного дерева, близнеца того, что ждал меня на втором этаже.

– Да бро-ось! Он наверняка подслушивает! Мужики еще более любопытны чем женщины! Просто не признаются! – хихикнула Ирина, последовательно складирова свои ажурные бюстгалтеры и трусики в удобный ящик гардероба.

– И поэтому ты говоришь погромче. Чтобы он не напрягался? – осуждающе уточнила я у Ирины.

– Я просто говорю. Как привыкла. Да признай же – шикарный мужик! Слушай я бы с таким...

Ирина повела бедрами, словно танцует ламбаду и задорно мне подмигнула.

– Вот давай ты с ним «и».

Я передразнила подругу и отзеркалила ее движения.

– Кто б возражал. Только этот мужик на меня даже не смотрит. Даже когда я с ним разговариваю, заметь, он все равно смотрит на тебя. Он как будто вообще больше никого не видит.

– Да прекрати говорить ерунду!

Я чувствовала, как по щекам разливается жар.

– Бе-бе-бе! – по-детски хихикнула Ирина. – Он прямо сказал: хочет сделать тебя своей.

– Я тоже слышала! – вспыхнула я. – И ты сразу думаешь, что он хочет сделать меня своей женщиной. Типа женой и прочее.

– Ну не кухаркой же!

– Нет! Своей любовницей. Трахнуть он меня хочет, вот что!

– Ну, конечно! Как я сразу-то не прочухала! Всякий мужик столько возится с женщиной, с ее подругами, – Ирина ткнула пальцем в себя и принялась раскладывать блузки, развешивая те, что мнутся, на плечики. – С ее ребенком и даже с ее дальней родственницей. И все только, чтобы немножечко поразвлечься. Кто б сомневался.

– Он обошелся бы и без этого! Если бы поймел меня просто так.

– Да, когда он пытался поймать тебя просто так?

– Сегодня ночью! Вроде бы я тебе подробно об этом рассказывала!

– Фигасе! Мужик спас тебя от тех бандюг. Наподдавал им, судя по раскрашенным и расквашенным рожам. Меня дотащил до дома. До пятого этажа! Привез тебя к себе. Помыл, выдал чистую и целую одежду, которая стоит, как сотни тех шмоток, что тебе те ублюдки испортили. Сам, лично уложил спать. И все это, чтобы потрахаться?

– Ну может у него такие извращенные привычки? Сколько мы знаем этого Беркута?

– Знаешь, подруга! Если бы хоть один мужик в моей жизни так мне помогал, поддерживал. Спасал. Подкидывал работу, чтобы я не скучала... Знаешь, я бы сама ему отдалась. Причем столько раз, сколько захочет.

Я фыркнула.

– Да-да! Я бы отдалась ему. И еще благодарила!

Ирина подмигнула и кивнула на дверь.

– Пошли, разберем и твои вещички.

На мой чемодан времени ушло не так много. У Ирины одежды оказалось значительно больше.

Однако, когда мы заканчивали, в дверь постучались.

– Войдите!

В проеме появилась крупная женская фигура. Дородная, я бы сказала. Женщина с круглым лицом, по форме напоминающем сердечко, в темных джинсах, рубашке и кедах сооб-

щила:

– Я домработница. Скажем так – домоправительница. Меня зовут Софья. Если вам что-то понадобится: еда, уборка, смена белья или еще что – зовите.

Я только кивнула.

– Конечно-конечно! – пообещала Ирина.

– Ах, да! – спохватилась Софья. – Вот это вам!

И вышла, оставив мне небольшой сверток на столике, который от стены перекочевал поближе к кровати.

Ирина первой рванула к подарку как коршун к добыче.

Зашуршала оберточной бумагой и вытащила на свет божий несколько пестрых купальников и один однотонный. Синий, слитный, спортивный. Остальные оказались приятных расцветок, с удобными бюстгальтерами, спортивного типа, какие отлично поддерживают грудь.

– Да... Он просто хочет с тобой переспать! – захохотала подруга, прикладывая к себе купальники – один за другим. – Все мужчины, которые просто хотят трахнуть женщину, засыпают ее подарками, стоимости мотоциклов и машин. Это такой нынешний тренд. Называется «трахни нормальность».

Я промолчала.

Определенно, «ребята», что собирали вещи в моем доме, оказались весьма дотошными. И доложили начальнику, что у меня нет купальника.

Вообще-то он был. Просто я недавно его выкинула. Надоело в одном и том же каждый год. Купальник был еще очень

даже неплох. Не рвался и, в принципе, прослужил бы еще долго. Но я решила от него избавиться, как избавилась от мужа, с которым надевала этот купальник на отдыхе.

Нет мужчины – нет купальника.

И очень символичным выглядело, что в моей жизни появился другой мужчина и сразу несколько новых купальников.

Уверена, Беркут сам не понимал – насколько это символично и странно.

Пока я разглядывала обновки, раздумывала вернуть их Беркуту или же нет, учитывая, что купальники в магазине назад не принимают, Ирина весело заявила:

– Вот теперь мы просто обязаны пойти в бассейн! И как можно скорее! Тем более, что теперь тебе ничего не грозит!

– Ты о чем? – не сразу поняла я.

– О том, что мужчина, который так на тебя смотрит в одежде, наверное, без одежды одним наблюдением не ограничится.

– Ты намекаешь на насилие? – возмутилась я.

– На домогательства. Очевидно же, что насилие совсем не в его стиле!

– Почему ты так в этом уверена?

– Вроде бы я тебе подробно описала цепочку своих рассуждений!

Я хотела ответить, но в эту минуту в дверь снова постучались.

Мда. Эта азбука Морзе начала меня немного нервировать.

– Войдите! – предложила я.

На сей раз визитер был ожидаем.

Беркут появился на пороге, подпер плечом косяк и окинул взглядом комнату. Зацепил выпотрошенный чемодан и вскинул на меня глаза.

– Ну что? Мои ребята собрали все что нужно?

Я начала уже привыкать к этому взгляду Беркута – со знанием, даже когда он спрашивал какую-то мелочь.

– Да. Все необходимое привезли.

Ирина подмигнула, и я сразу поняла о чем она. Ее Беркут не спрашивал.

– Тогда, может, сходим к бассейну? – взгляд Беркута скользнул по купальникам, которые подруга разложила на огромном диване.

– Я думала, вы покажете мне помещения для нового дизайна...

Я не была уверена, что готова к тому, о чем так «тонко» предупредила подруга – ну примерно, как бабушки на лавочке.

Дескать, ты в купальнике для Беркута – как красная тряпка для быка.

– Сегодня был тяжелый день, – голос Борислава вдруг изменился. Впервые в нем слышались нотки сочувствия и участия. – Думаю, вам лучше успокоиться, расслабиться и отдохнуть. Даю слово, что завтра же утром, как только встане-

те и позавтракаете, покажу вам все, что нужно.

Меня опять подмывало поиграть с ним. Почему-то сейчас я реагировала на внимание и заботу Беркута не так как раньше. Без страха. Скорее всего, меня успокаивало присутствие Ирины, которую мы оба опять почему-то воспринимали скорее фоном, нежели живым, дышащим персонажем.

Беркут совершенно игнорировал подругу, я же лишь изредка вспоминала о ее присутствии в комнате.

– Э-э-э... А вдруг я встану раньше вас? Тоже звать, чтобы показали. Может даже разбудить?

Вот тут я немного не рассчитала подколку. Беркут перекатился с носков на пятки. Прокашлялся. Его серо-голубые глаза потемнели и налились уже знакомым мне голодом. Лицо Беркута так изменилось, что мне опять стало не по себе. Скулы заострились, а нижняя челюсть напряглась.

Сразу после этого мышцы Беркута опять опробовали его одежду на крепость: вздулись так, что швы едва не трещали. На шее Борислава проступила синяя сетка вен.

Я сглотнула. Мда. Называется, пошутила.

Заметив мою реакцию, Беркут опять прокашлялся.

– Думаю, лучше тебе разбудить меня звонком по телефону. А то сочетание тебя и кровати мой организм может нормально не воспринять. Вернее, может не воспринять нормально в твоём понимании. В понимании здорового мужчины, у которого уже несколько дней не было секса – в этом ничего ненормального нет.

И вот сейчас я себе напоминала глупую девочку из романтических книг. Видела, что мужик на грани, но не могла остановить себя и перестать дразнить его.

Обычно такие книги читатели обожают критиковать как глупые романы про дур-героинь.

Но, если бы они только знали – какое же это удовольствие дразнить мужика, который на грани и держит себя в рамках! Какое ребячество и женское кокетство поднимается изнутри! И как же трудно остановиться, если уверена, что тебе ничего не грозит, кроме сверкающего лихорадочного взгляда и ответов, от которых сердце вдруг замирает, а потом ему становится в груди тесно.

– Я почему-то думала: вы из тех, у кого все под контролем...

Беркут расхохотался. Так заразительно, что я только диву далась.

– Что я такого сказала? – поинтересовалась осторожно.

– «Все под контролем» – моя кличка среди подчиненных, друзей и партнеров.

– Беркут все под контролем?

– Да.

– Ну так...

Он оскалился в какой-то странной улыбке. Отчасти наигранной, отчасти искренней, но одновременно отчасти и показушной. Немного такой улыбке «на выход».

– Ты за пару дней убедила меня, что кличка была преж-

девременной.

Теплая волна прокатилась по моему телу, собралась где-то под ложечкой и растеклась ниже. Взгляд Беркута был таким горячим, влажным и одновременно мутным, что я поразились, как он вообще удерживается на месте и не пытается ко мне приставать.

Да. Этот мужчина имел железную волю. И, видимо, тот еще характер.

– А до этого ни одна женщина не убеждала вас в этом?

Кажется, я переборщила с расспросами, полутонами и намеками на всякие там выдающиеся обстоятельства.

Беркут вдруг подошел, буквально в пару шагов – так стремительно, что я даже пискнуть не успела. Остановился так близко, что едва не касался меня.

Ссутулился. Потеребил пальцами края футболки. Затем сложил руки за спиной и тотчас сунул их в карманы. Будто не знал, куда себя деть.

С минуту Беркут изучал мое лицо, неотрывно. И взгляд его парализовал, лишал желания двигаться, что-то говорить или предпринимать. Хотелось только продолжать смотреть в глаза Борислава и ловить в них отголоски каких-то прямо животных желаний.

Внезапно Беркут достал одну руку из кармана и придержал пальцами мой подбородок. Словно не хотел, чтобы я спрятала глаза.

– Я тебе прямо сказал: я никогда так сильно не хотел жен-

щину. В плане секса и вообще. Ты хочешь что-то еще узнать своими вопросами? Тогда говори прямо! Я так привык. Если тебе нужно что-то еще услышать – спрашивай! Что-то еще понять – уточняй! В чем-то разобраться – вперед! Только не надо играть со мной!

Последняя фраза прозвучала довольно жестко. Я дернулась, словно хотела отпрыгнуть от этого хищника. И вдруг теплая ладонь легла на талию, а лицо Беркута приблизилось еще сильнее.

– Я не хотел пугать тебя, – хрипло произнес Борислав. – Я просто не привык ТАК общаться с женщиной.

– Женщины никогда с вами не заигрывали? Не пытались флиртовать?

Кажется, я раскрыла все карты. Включая те, которые даже сама еще не знала своем раскладе.

– Пытались. Да и да.

– Тогда...

– Обычно я не был в них так заинтересован.

– Беркут! – я вдруг пошла в наступление. Опять страхи и тормоза резко отказали. – Вы ведь тоже со мной играете? Не так ли? Не может быть, чтобы у такого мужчины не было множества женщин. Чтобы вы не заводили любовниц, и они с вами не заигрывали и не флиртовали. Это же наше второе я!

– Я понял твой вопрос и недоумение, – в его голосе будто слышалось облегчение, а рука на талии чуть притянула меня

к Беркуту. До слабого касания наших тел. Но этого хватило, чтобы по моему будто ток пробежал. А Борислав в уже знакомом мне стиле медленно втянул порциями воздух. – Да. У меня было много любовниц. Да, у меня было много женщин. На всякий случай скажу. Всех я проверял на разные болезни. И сам регулярно прохожу обследование.

Я аж слегка дернулась. Серьезный мужчина! Так основательно ко всему подходит.

– Так вот... Обычно флирт – это игра. Партия на двоих. Иногда и больше, кто как любит, – он говорил спокойно, без напряжения. Словно лекцию мне читал. – Но не тогда, когда тебя дико колбасит, ломает от одного взгляда на женщину. Сейчас я не могу флиртовать. И ты должна учитывать, насколько буквально и совершенно однозначно воспринимаю я и мое тело любые твои намеки и заигрывания.

– Зачем? – тихо уточнила я. Потому что воздух вдруг резко закончился.

– Затем, чтобы я не сделал того, чего ты не хочешь, и о чем я, по этой самой причине, очень пожалею. Я мужчина определенного склада. У меня есть потребности в женщине. И я не удовлетворял их с самой нашей встречи. Что для меня крайне непривычно. Хотеть женщину до помутнения в мыслях и не иметь возможности взять ее. Поэтому я не в любой момент смогу остановить себя. Это ты тоже должна понимать.

Вслед за кислородом у меня закончились и слова. Слов-

но мне их тоже перекрыли. Я приоткрывала рот и ничего не могла сказать. Совсем. Даже мысли куда-то улетучились. Глаза Беркута гипнотизировали. Буквально втягивали в себя, словно погружали меня в странный, малознакомый мир этого мужчины.

– Вы меня прямо пугаете...

Зачем-то произнесла я.

– Я этого не хочу. Поэтому и предупредил. Не дразни меня и не кокетничай, если не хочешь большего. В какой-то момент я могу сам не заметить, как слишком увлекусь этой игрой...

Беркут резко отошел от меня, и прежде чем я сообразила, уже опять подпирал косяк плечом.

– В общем, переодевайтесь и пойдём в бассейн. Жду в коридоре. Потом все покажу и расскажу. Посидите с подругой в лежаках, поплавайте. Закуски привезет прислуга. А мне надо на работу. Главное, чтобы я теперь смог о ней думать. Потому что у меня очень серьезное охранное агентство. А ты выбила меня из колеи почти на два дня. И пока мой мозг испытывает суровое голодание по крови.

Я даже не поняла это было обвинение, сообщение или что-то еще.

Стоило двери закрыться за Беркутом, как Ирина подскочила и шепнула на ухо:

– Ну да. Это только мои фантазии, что у мужика гормоны и сперма разве что из ушей не валят при одном только

взгляде на тебя.

Я шлепнула подругу по руке. Она расхохоталась и показала мне язык.

– Твое счастье, что я не завистливая. А то слепила бы себе куклу вуду с твоим лицом и прядью твоих волос и без конца тыкала иголками. Хочу себе такого мужика! Ну где, где их выдают? Можно мне двух? Согласна даже выполнять все их распоряжения. Отдавать честь и прыгать в постель по первому взгляду и требованию!

Я ткнула Ирину пальцем под ребра, и та лишь развела руками. Мол, а я что? Я ничего!

Это все Беркут, Беркут...

* * *

Беркут

Беркут совсем не хотел предупреждать ее. Скорее уже походило на угрозу. И он прекрасно понимал это. Видел, что каждая мышца ласточки напряглась, Аля подобралась. А взгляд ее опять приобрел это неприятное до зубовного скрипа выражение, которое Беркут хотел бы навсегда стереть: за-
травленности, опасливости и недоверчивости...

Но он не мог ее не предупредить.

Аля была женщиной до мозга костей. До кончиков ногтей и волос.

И в минуты, когда она расслаблялась, она с ним элегантно заигрывала. Так, совершенно невинно дразнила. Без перегибов и намеков на продолжение. А вот тело Беркута намеков уже не понимало.

С любой другой он бы тоже поиграл. Позанимался пинг-понгом уловок, ужимок и полутонов. Но каждое слово ласточки, хоть немного касавшееся секса, буквально искры из Беркута высекало.

И он честно предупредил Алю, чтобы та была осторожней. Разумеется, она насторожилась. Кто б сомневался!

И Беркут злился.

На себя, на ситуацию и на собственную несдержанность, совершенно ему не свойственную.

Однако, когда их с ласточкой тела почти касались друг друга, у Беркута черные мушки кружили в глазах. Потому что кровь резко хлынула в голову, а потом вся стекла значительно ниже.

Каменный стояк каждые пять минут, по поводу и без повода, порой просто потому, что ласточка слишком уж резво двигалась и ее грудь вздымалась чаще, начал реально мешать Бориславу.

Поэтому он решил заняться работой, чтобы не искушать себя понапрасну.

Ласточка в бассейне... Мокрая... Со стекающими по

упругому телу ручейками. С влажными ресницами, украшенными бриллиантами капель. Это было бы уже слишком.

От одной мысли на ствол в штанах уже можно было вешать одежду, как на крючок.

Беркут проводил женщин в бассейн. Показал лежаки, которые прислуга только что расставила после уборки. И поспешил уйти, прежде, чем Аля скинет шелковый халатик, обхваченный узким поясом на талии. То, что Ирина отправилась в бассейн в чем-то вроде парео и лифе от купальника, Беркута мало интересовало.

Он задержался взглядом на спине ласточки, когда та начала сбрасывать халатик, и поторопился на выход.

Все, Беркут! Холодный душ, немного боксирования с грушей и две деловые встречи. Остается надеяться, что поможет. Иначе не обойтись без чего-то совсем радикального. Типа брома.

Мятный чай оказался полным фуфлом. За последние полтора дня Беркут влил его в себя в таком количестве, что мята едва из ушей не лезла. Не помогло.

В душе Беркут сразу щедро крутанул кран, обрушив себе на голову ледяной поток. Взбодрился. Встряхнулся и немного полегчало.

Во всяком случае, голова почти прояснилась.

Следующим этапом Беркут выпил большую кружку мятного чая в прикуску с сендвичем с котлетой, одновременно просматривая макеты будущих договоров и предложения

от поставщиков. Оборудование для слежки, защиты, нападения. Оружие, всякие примочки, типа мини-бомбочек и прочее...

Несмотря на интересные разработки, и выгодные контракты, с подковырками – а как же без них, когда имеешь дело с крупными предприятиями и чиновниками, Беркут то и дело возвращался мыслями в цокольный этаж.

Результатом становились: минут двадцать простоя, каменный стояк и злость на себя.

Он не мог с этим бороться.

Не мог контролировать. И не мог этому противиться.

Потому что кроме ноющей боли в паху воспоминания и фантазии приносили легкость где-то в районе живота и ощущение какой-то наполненности. Глупой радости и странной восторженности.

Приходилось признать, что теперь жизнью Беркута управляли не его личные установки, правила и планы, а эта женщина. Которой он ни разу не сдался.

Которая все еще боялась Беркута. Все еще не доверяла ему до конца.

Как раз в момент, когда Борислав снова перетирал в голове эти мысли, пытаясь найти несуществующие пилюли от своей новой болезни, пришло сообщение от Алексея.

Аудио.

Беркут надел наушники.

– Значит так. Видео их походов наших друзей очень

впечатлило. Сроки им светят немалые. Запрет на приближение я выбил. Дальше дело техники. Теперь, их дружки. Да, действительно, зашевелилось осиное логово. Своих не бросают. Но я на каждого нарыл столько, что они могут либо сто лет провести в веселом обществе решеток на окнах, либо засунуть свои желания мести куда подальше.

Борислав тяжело вдохнул. Не думал он, что все так быстро закрутится.

– В общем, – гласило второе послание Алексея. – Завтра будут проситься под залог. И если все сработает, как надо, а я уже подключил связи, с послезавтрашнего дня твоя подопечная может вести привычный образ жизни. И забыть обо всем как о страшном сне.

Мда... Обо всем, включая и Беркута.

Борислав грязно выругался в потолок. А затем еще несколько раз. Перечислил Алексею почти всю обещанную сумму и, откинувшись на спинку кресла, задумался.

Сказать ей, чтобы успокоилась?

Нет. Сбежит ведь. Как только гадов запрут, не выпустив под залог – он ей больше не нужен в виде охранника. Вот же, мать твою!

Беркут сжал кулаки и жутко захотелось отправить ноутбук в счастливый полет к стене. Для полного приземления в виде обломков.

Обманывать ласточку не хотелось. Вот прямо до зуда, до зубовного скрежета.

Но и выложить все начистоту означало бы обрезать тонкую ниточку, что сейчас связывала их судьбы. Она нуждалась в Беркуте. Сейчас нуждалась. И это было ему очень на руку.

Беркут стукнул кулаком по столу, так что тот подскочил, вместе с компьютером и жалобно задрезбезжал. Борислав встал и прошелся по комнате, глотая мятный чай и уже не чувствуя жуткого вкуса.

Вернулся к столу и доел еще два сэндвича.

Ладно. Сегодня еще ничего не решено до конца. Поэтому нет смысла говорить ласточке. А завтра... Завтра будет завтра.

Беркут собрался и поехал на встречу, чувствуя себя полным отморозком.

Маленькая, хрупкая, перепуганная Аля хотела поскорее избавиться от гнета возможного столкновения с теми ублюдками, что страшно обидели ее. А Беркут оказался не в состоянии дать ей это душевное спокойствие.

Потому что...

Да вот потому!

Потому что впервые его мир наполнился такими красками, звуками, светом... что слепило и оглушало, но одновременно доставляло дикое удовольствие.

И еще потому, что без нее в его мире резко заканчивался воздух.

Да много причин, слишком много.

Держать ее при себе, не отпускать. Медленно приручать.
И это так неправильно!

Беркут снова выругался, ударил руками по рулю и ускори-
лся.

Кажется, тот высоковольтный провод до него все же до-
брался.

Добрался, сволочь!

Иначе почему он себя ощущает, как на иголках, словно
под током!

И почему весь мир переворачивается, небо то и дело об-
рушивается на голову, а земля выскакивает из-под ног?

* * *

Аля

Спустившись на цокольный этаж особняка Беркута, я на
минуту потеряла дар речи.

Притормозила, и Беркут с его широким шагом слегка вре-
зался в меня спиной. И сразу же отодвинулся.

Я оглядывалась и не могла ничего сказать.

Помещение было выложено голубовато-зеленым кафе-
лем, с изображениями пестрых рыбок, водорослей, дельфи-
нов, китов. Настолько качественным, что издали глянце-

вые стены казались аквариумом.

Два огромных бассейна были сделаны так, что позволяли купаться, стоять в воде, лежать и даже просто мочить ноги. Для этого дно каждого представляло собой конус. На самой большой глубине, видимо, дна уже не чувствовалось.

При этом объемы бассейнов предполагали, что «на большой воде» можно нарезать приличное расстояние.

Судя по характерному приятному запаху йода и соли, первый бассейн наполнялся морской водой. Второй же казался пресным.

Вдоль бассейна, на резиновом покрытии пола, издалека походящем на россыпь камушков, стояли несколько удобных лежаков, перемежаясь со столиками.

Соки, картошка фри, орешки, сухофрукты и прочие закуски прилагались.

Я аж облизнулась на округлые глянцевые пухлые финики. Давно таких не видела.

Я зацепила взглядом два термоса с чаем и кружки, рядом со стаканами для сока.

Беркут сразу срисовал направление моего внимания.

– Я заметил, что ты предпочитаешь чай любым напиткам...

– Спасибо. Вам...

Борислав поморщился и напомнил:

– Я просил общаться на «ты»...

Я только кивнула под его пристальным, немного требова-

тельным взглядом. Беркут словно хотел приказать, но сам себя сдерживал и вот так получалось.

– Приятного отдыха, – пожелал он и быстро исчез на лестнице.

А Ирина бросила парео на один из столиков, и с криком:

– Банзай! – прыгнула в морской бассейн с глубокой его стороны.

Выплыла, отряхивая волосы от воды и заявила:

– Я бы этого мужика не держала голодным. Дала бы так, чтобы он вовек не забыл. И приходил за этим каждый день. Как за наркотиком. Ну правда! Я хочу так жить! Давай, же, подруга, аркань его. Он уже на крючке, осталось только подсечь...

Мне ничего не оставалось, как только скривиться.

...Несколько часов у бассейнов, потягивая нежный нектар манго с апельсином, смакуя во рту глянцевые финики и глядя на то, как блики воды пляшут на стенах, превращая их в настоящую морскую феерию...

Мм... Чтоб мне так жить!

Честно говоря, я вполне разделяла восторги Ирины.

И, наверное, я как и Элиза Беннет из романа «Гордость и предубеждение» восхищалась домом и его нутром, одновременно оттаивая к хозяину.

Пока Ирина щебетала на разные темы, я то и дело возвращалась мыслями к последнему диалогу с Беркутом.

Он фактически признался, что я для него – самая желан-

ная женщина. Хотя было много других: красивых, молодых, шикарных. От этих мыслей голова кружилась почище чем от шампанского.

Однако мой прагматизм и жизненный опыт подсказывали – что хотеть женщину и хотеть жену – вещи совершенно разные для мужчины. Это малолетки, насмотревшись романтических фильмов и начитавшись розовых книжечек, воображают, что альфа-самец захочет их так, что не сможет отпустить. Что на одном безумном желании мужчины, сексуальности женщины можно построить будущее: семью и дом.

Я женщина взрослая и достаточно умудренная, даже можно сказать – битая жизнью, чтобы понимать: плотские желания не имеют ничего общего с планами мужчины на основательные, правильные отношения. Которые заканчиваются ЗАГСом и детьми.

Хотела ли я интрижки с Беркутом? Вот тут мое тело, мои эмоции и мой разум сразу занимали три разных позиции.

Словно присяжные, которые голосовали: «за», «воздержался» и «против».

Мое тело конкретно и совершенно прямо намекало, что Беркут выглядит отличным любовником. Его прежние похождения с привлечением медиков для сохранения здоровья не только подтверждение, но и гарантия того, что этот мужчина знает, как доставить женщине удовольствие.

Эмоции же прыгали из одной стороны шкалы в другую, при этом еще и всякий раз зашкаливая.

Было до жути страшно остаться наедине с Беркутом и позволить ему все, что захочет. Просто потому, что я кожей чувствовала насколько он властный, сильный и насколько он во всем мужчина. Наверняка, и в сексе тоже.

И одновременно казалось ужасно соблазнительным, до головокружения, до жара внизу живота и томительных спазмов ожидания, встретиться с этим мужчиной на горизонтальном фронте.

А вот мой разум крепко парировал все выпады первых двух оппонентов.

Так, что аж всякое желание отпадало приближаться к Беркуту.

Он богатый, развращенный, судя по рассказам о любовницах и секс-игрушках, которые звучали словно он о погоде рассказывал. И он слишком властный и сильный. Слишком мужчина.

Все то, что притягивало меня в Беркуте физически, отталкивало на уровне рассудка.

Я не верила, что с этим мужчиной можно строить отношения на равных. Что он способен прислушиваться к женщине, уважать ее мнение и принимать его.

И еще... Я не могла поверить, что он хотя бы на секунду думал о серьезных со мной отношениях.

Для подобного самца, когда все самки его, ну почти все, нет ничего хуже, чем кандалы семейного гнездышка.

И вот так я провела весь день до вечера. С Ириной, ее рас-

суждениями на разные темы, купаясь в бассейне, и нежась на лежаке.

А потом на горизонте нарисовался Беркут.

В длинных плавках-шортах цвета морской волны.

Опять такой напряженный, что аж немного ссутулился. Я глаз не могла оторвать от его мускулов, которые перекатывались под загорелой кожей. Беркут приближался, не сводя с меня глаз и опять буквально пригвоздил к месту. Я как лежала, так и застыла, не в силах пошевелиться под его взглядом. Одновременно тяжелым, буквально осязаемым, жарким, словно вот-вот воздух между нами взорвется и заискрит молниями.

Он вызывал настолько смешанные эмоции и наполнялся такой первобытной, совершенно очевидной жаждой, что я совсем растерялась.

Беркут молчал, стопы его бесшумно перекатывались по полу.

Ирина вдруг вскочила с лежака и ушла со словами:

– Я вспомнила! Мне нужно позвонить!

Беркут даже не обратил на это внимания.

Я проследила за подругой взглядом, а когда снова поймала им мужчину – он уже сидел на лежаке, рядом с моим.

Сложил руки на коленях и подался вперед.

– Кхм... Вижу, вам понравилось отдохнуть у бассейна. Я думал, что вы уже закончили...

Я подскочила, словно подорванная. Суматошно поискала

глазами халатик. Схватила его со столика и начала надевать.

Однако мощные руки остановили.

Беркут двигался на удивление быстро для такого крупного и мускулистого мужчины.

– Ты чего? – встряхнул он меня, хмурясь. – Что я такого сказал?

– Я думала... Э-э-э... мне показалось... Вы хотите отдохнуть возле бассейна без гостей! – выпалила я на едином дыхании.

– Тебе показалось! Я спустился сюда только ради тебя.

Больше он ничего не сказал. Отпустил и вернулся на лежак.

Я так и застыла, с вдетой в халат правой рукой и левой, которой пыталась нащупать рукав, когда Беркут меня оставил.

– Вот даже не знаю, – растерянно произнесла я, сбрасывая халат вновь. – Нравятся мне ваши откровения или же нет.

– Чем они тебе не нравятся? – последовал вопрос хрипловатым голосом, в котором отчетливо звучало напряжение.

– Эм... Попробую объяснить.

Я вернулась на лежак и приняла от Беркута стакан сока. Себе он налил тоже.

– С одной стороны, с первого момента нашего знакомства я не понимала – чего вы хотите от меня. А с другой...

Беркут отставил опустевший стакан сока и подтолкнул мои рассуждения.

– А с другой...

– Пугает ваша заикленность на моем теле.

Я не поняла, как это сказала. Выдохнула и не смогла выровнять дыхание, потому что грудь Беркута начала вздыматься мехами, и моя словно подстраивалась под мужчину. Борислав отвел взгляд, давая мне немного передышки в нашем зрительном поединке. Налил себе еще соку, залпом выпил, со звоном поставив стакан на место. Немного поерзал на лежаке и вдруг открылся.

– Почему ты решила, что я заиклен на твоём теле? Кажется, я еще ни разу не получил его, – Беркут быстро облизал губы. – Я не скрывал, что очень тебя хочу. Больше чем любую другую женщину. И что? Думаешь, ради этого я занимался тобой? Интересовался твоими интересами. Заботился о твоей безопасности? О безопасности твоих родственников и подруги?

Беркут усмехнулся, покачал головой и закончил:

– Ты переоцениваешь мужскую жажду женского тела.

Я вскинула брови.

– Вы сами сказали, что хотите меня... И даже не раз...

– «Ты»! Мы договорились общаться на «ты»! – сорвался на рычание Беркут.

– Почему это так важно для вас? – уточнила я, почему-то чувствуя, что больше не боюсь этих его проявлений.

Хм... Неожиданно. Еще недавно после подобного рычания я готова была забиться в угол. Спрятаться где-то и не

отсвечивать.

– Потому что так ты все время увеличиваешь между нами дистанцию. В общении. Хотя и думаешь, что общение – меньшее, что меня интересует...

Я усмехнулась. Ну да. Он меня раскусил. Все-таки удалось Беркуту досверлиться до моего мозга. Видимо, его взгляд, и впрямь, сродни рентгену.

Я чуть прищурилась:

– Всегда было интересно. А твоя работа не опасна?

– Тебе есть до этого дело? – вначале он удивился, а затем сосредоточился на мне. Словно от моего ответа многое зависит. На самом деле, зависит даже больше, чем я могла бы сейчас вообразить. И я вдруг поняла, что не могу ответить шуткой или просто так, как придет в голову.

Попыталась собрать в кучку мысли и провентилировать эмоции.

Да, мне было не все равно – насколько опасна работа Беркута. Черт его знает почему. Но при мысли, что он ходит по краю, что его вдруг могут ранить, или, не дай бог... похуже... У меня сердце камнем замирало и вдруг начинало так колотиться, словно вот-вот пробьет ребра.

Я задыхалась от эмоций. Они нагнетались где-то в груди и жарили, и распирали...

– Да. Мне не все равно.

Вот и все что я сказала.

Беркут замер, будто шест проглотил. Предельно выпря-

мился. Словно я его оглушила. Или выстрелила в спину. Настолько неожиданно, что Борислав ошарашенно пытался осмыслить – как такое случилось. Затем его лицо начало стремительно менять выражения.

Будто Беркута посетили настолько разноречивые эмоции, что мне сложно даже представить. Какое-то время он молчал, затем чуть прикусил губу, и вдруг подался вперед, сложив руки на коленях. Я думала он скажет что-то длинное. Во всяком случае, содержательное.

– Спасибо... – произнес Беркут на выдохе. Затем мотнул головой, словно сам себе удивлялся и добавил: – Правда, спасибо за эти слова.

И прозвучало настолько проникновенно, настолько сильно и мощно, словно он сказал нечто куда большее. В чем-то важном признался. Я постаралась протолкнуть ком в горле и не смогла.

Пришлось выпить апельсиновый нектар, чтобы хоть немного промочить горло.

Беркут молчал, смотрел и не двигался. Кажется, он даже не шелохнулся с момента моего признания...

Я тоже впала в какой-то ступор. Напряжение повисло в воздухе, и я совершенно не знала, что с этим делать. Больше того – чудилось, что и Беркут не знает.

Поэтому я выдала первое, что пришло в голову.

– А ты хорошо плаваешь?

Беркут вскинул бровь от такого резкого поворота беседы.

В глазах его заплясали чертята.

А затем Борислав вдруг поднялся, схватил меня и прыгнул со мной в воду.

– А давай проверим!

Глава 6

Беркут

Если бы кто-то сказал Беркуту «все под контролем», что он будет резвиться в бассейне, как ошалелый подросток, кричать от восторга и брызгаться влагой... Наверное, он послал бы этого дебила к психиатру.

А сейчас ему самому не помешал бы грамотный специалист в этой области.

Потому что Беркут, как полный идиот, реально велся на подначивания Али. «А так можешь?», «А так?» и пытался что-то ей доказать. нырял до дна, стремительно доплывал до середины бассейна, где уже стоял. Накрывал ласточку веером брызг. И прыгал в бассейн, «чтобы поменьше плескаться», пока ласточка отслеживала – сколько брызг он поднял.

Да-да! Беркут «все под контролем» проделывал все это вслед за ласточкой, а потом они вместе хохотали и продолжали резвиться как дети.

И самое поганое, что Беркут провел бы так еще неделю. Буквально не вылезая из воды.

И он, мать твою, был настолько счастливым, наполненным этим ощущением: жизни, радости: незамутненной и чистой, что еще немного – и просто взорвался бы.

Растекся восторженной лужицей наслаждения.

Аля сама не понимала какая она. Как повезло любому мужчине, чья линия жизни соприкоснулась с ее линией судьбы.

Ее детская непосредственность, истинно женская пронизательность, когда даже Беркута она видела буквально насквозь, читала, как открытую книгу и ее заряд сексуальности могли до отказа наполнить жизнь любого мужчины.

Насколько выяснил Беркут, ее бывший муж после развода не вылезал из попоек. И он отлично понимал этого дебила, умудрившегося испортить отношения с такой женщиной. Тут не только в алкогольную яму, тут в петлю полезешь. И то не поможет.

Ну а к концу их развлечений, когда Аля и Беркут, хохоча, усталые вылезли из бассейна, Борислав сорвался.

Подскочил и поцеловал ее. Пленив, сковав своими руками.

И поначалу это был скорее невинный, восхищенно-благодарный поцелуй за то, что подарила ему эти мгновения. Вырывала из серости жизни, впрыснув в нее столько красок, звуков и света, что как бы не сойти с ума от этой инъекции.

Но затем Беркут понял, что не рассчитал мощь собственной неудовлетворенности именно этой женщиной и свою силу воли.

Стоило распробовать ее нежные, теплые губы. Проникнуть языком ей в рот и ощутить тепло, легкое сопротивление

ние, дыхание рот в рот...

И все. У Беркута снесло крышу.

Теперь он снова сходил с ума. Только уже совсем по-другому.

Что-то животное, одновременно плотское и по-мужски хозяйское вырвалось на волю.

Беркут прошелся пальцами по телу ласточки, и она схватилась за его плечи, словно искала точку опоры. Борислав уселся на лежак, расположив Алю на своих коленях, лицом к себе.

Фактически она сидела на его каменном стояке, который аж вздрагивал от каждого удара бешеного пульса.

Было больно и так приятно... Впервые Беркут испытывал нечто подобное. Переживал, смаковал, прочувствовал.

Купальник Али он снял на раз. И сразу же втянул в рот один из ее сосков. Аля царапнула спину Беркута и выпрямила спину. Борислав поиграл со вторым соском, жмурясь от удовольствия, не в силах остановиться. Лизнул солоноватую после бассейна кожу и ощутил какая же она глянцевая. Прохладная. А ему так не хватало сейчас этой прохлады!

Кровь шумела в ушах, на висках выступила испарина напряжения. Беркут из последних сил пытался продлить предварительные ласки. Стискивая зубы до хруста и ощущая, будто ему кислород перекрыли. И он знал, как вернуть себе дыхание.

Чуть приподнял Алю и попытался стянуть плавки. Одна-

ко влажная ткань прилипла к коже намертво, и Беркут плюнул. Освободил внушительное свидетельство своего желания и вошел, чувствуя какая же она тесная. Слишком тесная для женщины, которая уже знала мужчину. Как же сладко было протискиваться, до конца, до упора и затем повторять это движение.

Аля откинулась назад, и ее груди подпрыгивали от бешеных толчков Беркута. Это тоже так заводило! Они были тяжелые и одновременно достаточно подтянутые.

Тонкую талию ласточки Беркут почти обхватывал руками. От мысли какая же она хрупкая, какая нежная и лакомая, в паху сводило спазмом и Борислав лечился, снова и снова толкаясь.

Когда они с ласточкой одновременно пришли к пику, она замерла, сильнее обняв Беркута, и он притянул ее, поцеловал так, словно не мог выразить благодарность иначе.

А потом опрокинул на лежак, наконец-то, победив влажные плавки.

* * *

Аля

Я понятия не имею – почему отдалась Беркуту.

Я вообще в тот момент не думала.

Вот мы резвимся в бассейне. Шутим, смеемся, играем друг с другом, как заведенные. Словно вообще впервые увидели подобное развлечение.

А вот я уже сижу верхом на Беркуте и не могу остановиться.

Происходящее кажется таким... Ярким, острым, что хочется закрыть глаза и смаковать его вкус... и одновременно таким естественным...

Не знаю, когда этот ток между нами спаял наши тела намертво.

Так, что все вопросы, сомнения и запреты просто выветриваются из головы.

Остается только Беркут. Его каменное возбуждение. Его жажда моего тела. Такая что... ухх... Он будто вообще женщин никогда не видел.

Я знаю о его опыте и это еще больше кружит голову.

Беркут издает гортанные звуки: нечто среднее между рычанием и стонами наслаждения.

А я... я просто получаю удовольствие от нашей близости.

От того, как тело резко охватывает судорожное напряжение и затем наступает блаженная расслабленность. До неги, до какого-то невозможного мига, когда вдруг земля и небо меняются местами. И... нарастает внизу томление...

После первого оргазма меня потряхивало еще несколько секунд. А Беркут вдруг уложил меня на лежак и, сбросив

плавки окончательно, навис сверху.

С каменной эрекцией!

Заметив мое к ней внимание, Беркут усмехнулся.

– А я говорил, что никогда так не хотел женщину. Чего удивляешься?

Я усмехнулась.

– Уже не удивляюсь.

Он довольно провел языком от моей груди ниже и ниже... поиграл там, где собирался тугой узел и стекалось тепло. Я выгнулась и издала стон. Беркут снова довольно усмехнулся:

– Лучшее, из всего что ты сегодня сказала!

– Шовинист! – пискнула я.

И Беркут вошел в меня снова, сразу на полную длину.

Двинул бедрами, словно пытался устроиться получше, и мы начали двигаться в унисон. Чуть медленней прежнего, смакуя происходящее. Одновременно трогая друг друга руками везде, не останавливаясь и не замедляясь. Потому, что прерваться казалось просто невыносимо.

Казалось, нет ничего более правильного и необходимого, чем принадлежать Беркуту.

Я еще никогда подобного не испытывала.

Переживания, эмоции, ощущения захлестнули и закрутили, как девятый вал неопытного пловца.

Но затем я словно выныривала и делала жадный, первый глоток воздуха. И передать это чувство наполнения чем-то жизненно-важным, вперемежку с облегчением... наверное,

просто невозможно.

Беркут вымотал меня до предела. Я просто растеклась по лежаку безвольным расслабленным куском плоти.

И только тогда он остановился. С минуту смотрел на меня с каким-то значением. Чуть прищурился и впивался в лицо взглядом. Ковырялся там. Будто собирался что-то понять. Опять разбирал меня: мимику и мое нутро на составляющие части. Чтобы каждую изучить под микроскопом своего неусыпного внимания.

Но затем вдруг поднял, закинул на плечо и двинулся к двери в душевую.

Мы мылись молча, пока Беркут нежно гладил меня, время от времени словно инстинктивно касаясь губами: виска, плеча, щеки... Опасно приближался к губам и едва ощутимо их касаясь, отстранялся, будто обжегся.

А когда мы завершили моцион, Беркут вылез первым, протянул мне полотенце, и обвернув другое вокруг своих бедер, заявил тоном, не терпящим возражений:

– Я жду тебя на ужин, через сорок минут. В моей комнате. Ирине все принесут в ее новое жилище.

Я даже не успела возразить или хотя бы возмутиться тем, что этот мужчина снова сел на любимого конька – всеми управлять и рулить.

Однако Беркут вдруг опередил град моих возмущений.

– Извини, Аля. Привычка. Давай вместе поужинаем?

И вроде ничего особенного он не сказал... Но у меня в

груди екнуло и предательские мурашки побежали по коже так, что даже махровое полотенце не избавило от ощущений.

– Ну так что скажешь? Пожалуйста...

Это слово вбило последний гвоздь в гроб моего феминизма и возражений. Они там вместе и задохнулись. Без кислорода эмоций, которые их подпитывали.

Потому что Беркут повалил все мои сомнения на лопатки.

Он не умел просить, я это видела. И извиняться Борислав не привык тоже.

– Я приду, – иначе ответить я уже просто не могла.

Никак.

Беркут улыбнулся совсем иначе, чем прежде. Как мальчишка, получивший на Новый год велосипед, о котором просил Деда Мороза. Он ощущает не столько радость от подарка, сколько причастность к чему-то большему, к чуду... что ли...

Оно шуршит на пальцах вместе с упаковкой, похрустывает во рту печеньем и пахнет мандаринами...

С этим выражением лица Беркут двинулся к двери и чуть не впечатался в ее край. Еще минута – и его бедро встретилось бы с металлической ручкой. Я собиралась окликнуть Борислава. Но он притормозил, усмехнулся и развел руками: мол, ну вот так ты на меня действуешь. Чего уж?

И вышел из душевой.

* * *

Беркут

Беркут еще никогда не менял собственных решений. Потому что неизменно все долго обдумывал и действовал не наугад – четко по плану.

И вот он испытывал все прелести женского ПМС, хотя ничего подобного у мужика не должно быть.

Метался от одного решения к другому, бросался из одной крайности в другую.

Несколько раз Беркут почти переслал Але аудио сообщение от Алексея.

Чтобы ничего не пояснять, не отвечать на вопросы, каждый из которых словно ножом по сердцу. Чтобы не сомневаться – в каком виде подать информацию.

И всякий раз перед нажатием кнопки «отправить» Беркут все удалял, потому что его внутренние часы вдруг запускались с невиданной скоростью. Он снова понимал: до ухода Али в таком случае – один день. Один! День!

И это совсем не помогало поступить правильно.

Если бы она дала знак, сказала что-то такое... Намекнула, что все равно готова остаться. Под совершенно любым бла-

говидным предлогом.

Даже глупым, даже надуманным. Беркуту было плевать. Это не имело значения. Он даже заморачиваться не стал бы. Главное – она останется. А вместе с ней останется это ощущение – дыхания вдосталь, до головокружения, до ощущения внутреннего переполнения.

И жизни, что струится по венам, охватывает и уже не уходит.

Жизни, которую она дарила.

Он сам не понял, даже не уловил, в какой момент слово «жизнь» стало синонимом присутствия Али. И с каких пор ее отъезд с выполнением четвертого требования их договора «не преследовать и не домогаться» приравнивается к смерти всего лучшего для Беркута.

Но именно так: остро, болезненно, и отчетливо чувствовал ситуацию Борислав.

Поэтому сообщение так и осталось неотправленным.

Он решил поговорить с Алей за ужином. Начистоту. Без экивоков и социальных танцев с препятствиями.

Так, как он умел разговаривать.

И если окажется, что у него есть шанс оставить ее, даже после сообщения, что проблемы с бандитами улажены – выложить все начистоту.

А если нет... тогда придержать информацию до наступления лучших для Беркута условий.

Еду он заказал еще по дороге с последней деловой встре-

чи в агентстве. Из ресторана с морепродуктами. Потому что, судя по сведениям Алексея, Аля с подругой любили подобную кухню.

Сам Борислав предпочитал хороший стейк. Но ради Али готов был жевать даже резину и запивать ее машинным маслом. И, вероятно, даже дискомфорта не почувствовал бы. Ни на секунду.

Слуги сервировали стол в рабочей комнате Беркута, пока тот в соседней комнате боролся с очередным приступом собственной неуверенности.

Потому что сталкиваться с подобным чувством было внове для Борислава.

Он не знал, что с этим делать и как с этим бороться.

Беркут минут пятнадцать выбирал себе одежду для ужина. Для домашнего ужина, мать твою!

Ужина вдвоем с женщиной, даже без выхода в свет.

Он копался в гардеробе так, словно планировал, как минимум, широкую презентацию.

Хотя, нет! Даже в таком случае, Беркут не посвящал столько времени своему внешнему виду.

Пиджак, рубашка, классические брюки выглядели слишком пафосными и церемонными.

Джинсы и футболка – слишком простоватыми, если не сказать – затрапезными.

Все было не то и не так...

А когда, наконец, Беркут остановился на черной рубашке

навывпуск и джинсах почти брючного кроя, дверь его апартаментов хлопнула. Борислав быстро вышел из гардеробной, рукой приглаживая волосы.

И замер. Будто получил удар ниже пояса. В принципе, почти так оно и случилось. Хотя Беркут еще недавно готов был поклясться, что выжал себя до предела, занимаясь сексом с этой женщиной.

Но сейчас... сейчас она была само соблазнение. Или Беркуту только так показалось?

Наверное, он просто совсем потерял голову и оставалось лишь с этим смириться.

Аля мялась возле дверей.

В длинном красном платье-сарафане. Вроде бы почти простом, уличном, не вечернем и даже не коктейльном. Но квадратное декольте подчеркивало высокую пышную грудь. Сборки до талии – изящность фигуры. А пышные рукава тонкие запястья.

Обычно Беркут редко обращал внимание на руки женщины. Оценивал грудь, бедра, ноги, талию.

Но сейчас его взгляд так и лип к аристократически длинным, узким ладоням Али.

И – самое интересное – даже без маникюра, с аккуратно обстриженными ногтями они выглядели совершенными.

Следующим ударом по либидо и чувствам Беркута стал легкий макияж Али. И вроде бы опять ничего ведь особенного. Чуть подчеркнуто там, слегка здесь.

Но кожа ее казалась еще более свежей, сияющей. А глаза просто огромными, глубокими. В таких утонуть – раз плюнуть. А вот выплыть и найти крохи мыслей – еще как непросто.

Беркут прямо завис, как компьютер, не в силах переварить поступавшие данные.

Потому что они еще поступали.

Волосы Али волнами спадали на плечи. Местами еще чуть влажные, сразу напоминающие о том, как они в бассейне... резвились будто восторженные дети и... восторженно занимались другим. Любовью. Отдались безумию страсти.

В чуть приглушенном освещении волосы Али казались красноватыми.

Беркут даже не сразу понял – почему она мнется и не проходит в комнату.

И лишь потом Аля все же спросила:

– Эм? Что-то не так?

– Не так? – Беркут искренне удивился. Что вообще С НЕЙ может быть не так?

– Ну вы так смотрите...

– Прикидываю, не начать ли пить бром регулярно... Ты слишком соблазнительна. И не поручить ли ближайšie дела заместителям. Потому что важные деловые переговоры и мысли о том, как бы поскорее встретиться с женщиной – крайне неудачное сочетание.

Аля покраснела и опустила глаза, становясь ее более пре-

красной, нежной, непосредственной как в бассейне.

Поборов желание схватить ее, усадить на колени и самому кормить, Беркут прокашлялся и жестом пригласил ласточку к столу.

* * *

Аля

Я вертелась перед зеркалом, как девчонка, и просто не могла прекратить улыбаться.

Вспоминалась Элиза Дулитл из бессмертной «Моей прекрасной леди». Как она танцевала на первом своем балу и как восторженно кружилась по возвращению. Вальсировала в ночной рубашке и пела, пела и еще раз пела.

Кажется, мой бал начался еще в бассейне и сейчас стихийно продолжался.

Не знаю, что на меня накатило. Проблемы временно отошли на второй план.

Я собиралась, словно на светский раут, где нужно соответствовать шикарному спутнику.

Меня прямо распирало от восторга, потряхивало от волнения, и хотелось поторопить мгновения.

Я пришла к Беркуту минута в минуту. Его даже в комнате

еще не было.

Думала – выйти и зайти чуть позже. Чтобы не выдавать своего нетерпения.

Но Борислав выскочил из соседней комнаты, и мы застыли друг напротив друга.

В воздухе повисло такое напряжение... Казалось – малейшая искра – и все, пожар.

Сгорим дотла в пламени эмоций.

Было неудобно и странно. И одновременно изнутри поднимался, завладевал всем моим существом азарт, смешанный с этим забытым, потерянным в молодости чувством – ура, я прекрасна и интересна красавцу мужчине.

Казалось, Беркут умудрился за день содрать с меня все наносное, все то, что налипло со временем, позволив нутру вырваться на свободу.

Вначале я активно сопротивлялась, было немного больно и неприятно. Но потому вдохнула полной грудью... И... получила огромное удовольствие.

Какое-то время мы оба молчали.

А потом Борислав пригласил к столу. И я насладились чуднейшим ужином. Потому что, как выяснилось, ужасно проголодалась во время наших игр в бассейне и последующих игр на лежаке. Уже совсем другого, взрослого толка.

Ммм... Лобстеры буквально таяли во рту. Запеченные кальмары оказались сытными и тягучими. Креветки – нежными и слегка пряными.

Борислав ел тоже. Но больше наблюдал за мной.

Кажется, я начинала привыкать к тому, что он словно всякий раз меня изучает. Как некий объект, смысл которого непременно нужно разгадать ученому. Он вертит его так и сяк, берет пробы, проводит анализы.

И всякий раз делает очередные выводы.

Когда я перешла от еды к нежному, ванильному чизкейку, Беркут, наконец-то, заговорил более длинными предложениями, нежели «вот это попробуй», «давай доложу», «держи чай».

– Тебе у меня нравится? – мне показалось, что он начал издалека, чтобы подвести беседу к какому-то более важному, существенному вопросу.

– Да. У тебя, правда, здорово.

– Ты успокоилась?

– Не то слово. А где Риан?

Я вдруг поймала себя на том, что не задумывалась, где мой сын и что с ним. В полной уверенности, что под защитой Беркута ему совсем ничего не грозит.

– Твоя тетя решила собрать его по-серьезному. Моим ребятам помочь не дала. Так что за ним заедут... – Беркут взглянул на часы. – Уже заехали. Через час примерно они с Майей уже будут тут. Надеюсь, ты не переживала?

Я повела плечом и призналась, как на духу.

– Почему-то я искренне поверила, что ты убережешь моего сына от злодеев и даже не переживала.

– Почему-то? – прищурился Беркут.

– Да.

Он откинулся на спинку стула и изучал меня, молчал, только продолжал щуриться.

Казалось, Беркут хочет сообщить мне нечто важное. Но то ли не знает – как, то ли сомневается – стоит ли вообще это делать. От этого вывода мне стало немного не по себе, и я взволнованно спросила:

– Что-то не так? С теми ублюдками? Не все гладко?

Беркут мотнул головой и опять провел рукой по волосам.

– Все хорошо. Более чем. Процесс идет. Ублюдки сейчас не опасны. Если их не выпустят под залог, можно забыть о них навсегда.

– А их дружки?

– Мы на них столько нарыли, что они даже не сунутся.

– Вы уверены?

– Да.

Беркут словно собирался сказать что-то еще. Но остановился. Опять буравил меня пронзительным взглядом, ковыряясь в каждом мускуле лица в поисках каких-то ответов.

– Э-э-э... А когда решится вопрос с залогом?

Беркут сжал кулаки, разжал и раздраженно выбросил салфетку, которая после его движения превратилась в мятую тряпицу, к тому же еще и влажную. У него на нервах вспотели руки? Почему? Я не понимала.

Всматривалась в глаза Беркута, его лицо, и пыталась разо-

браться, что происходит.

Расстроенным или испуганным он не выглядел. Скорее слегка обескураженным, оглушенным, я бы сказала. И мне даже в голову не приходило, что может довести этого железного мужчину до такого необычного для него состояния.

Губы Беркута слегка поджались и вытянулись в жесткую линию. Брови сдвинулись к переносице.

– Я не понимаю. Что не так? – спросила я, усиленно пытаясь разгадать этот ребус и одновременно ежась от страха.

Да что происходит, черти забери?

– Аля. Я ведь сказал, что ты под защитой. Твой сын и подруга тоже. Что заставляет тебя сомневаться?

– То как ты реагируешь на мои вполне естественные расспросы!

Да. Я тоже умею идти напрямик и никуда не сворачивать с темы диалога.

Беркут поморщился, насупился и выдержал паузу.

Налил себе соку. Я уже поняла, что это был его способ протянуть время и все, что нужно, хорошенько обдумать. И если раньше Беркут расслабленно потягивал напиток, теперь он глушил стакан за стаканом, как и в нашу первую встречу. И это опять же наводило меня на мысль, что в голове этого мужчины усиленно идет какой-то важный мыслительный процесс.

– Залог... – спустя какое-то время протянул Беркут. – Нам еще не назначили судебное заседание. Вероятно, через неде-

лю или две.

– А пока эти гады будут под стражей?

– Конечно! – Беркут сказал это с таким облегчением, словно самый пик риска нашего диалога пройден и можно слегка отпустить удила.

Хм... Интересно. И непонятно...

Заседание и арест гадов. Заседание... арест...

Что такое между ними, что заставляет мозг Беркута пре-
вращаться в машину для вычисления моих реакций?

Что между этими двумя темами так его задевает? Напря-
гает?

* * *

Беркут

– А давай я пока покажу тебе фронт работ? – вырулил на
другую трассу беседы Беркут.

Аля кивнула и медленно встала, все еще поглядывая на
него с затаенным вопросом.

Да, мать твою! Он не в своей тарелке! Потому что при-
шлось ей солгать.

Вообще-то Беркут заготовил целый каскад вопросов, что-
бы подвести Алю к главной теме – как ей хорошо у него, с

ним и вообще зачем отсюда уезжать.

Но почему-то спасовал в самом начале.

В мозг ввинчивалась мысль «Что, если она скажет, что уедет?», «Что, если она все равно захочет уехать?»

У Беркута не оставалось ни времени, ни аргументов, чтобы это исправить.

И он скормил Але ложь под чай с шиповником и чизкейк.

Поэтому ему срочно требовалось отвлечься и ее отвлечь от неприятной темы.

Врать ласточке было все равно, что врать матери, которая тебя ждет и любит, что не можешь приехать по причине большой занятости. Тогда как, на самом деле, ты просто не хочешь сейчас с ней общаться. Не то настроение, не тот случай.

Беркуту требовалось забыть о своем поступке и перевести внимание Али на что-то другое, пока вина грызла изнутри, обильно поливая все ядом раскаяния.

Однако отвлечься получилось на удивление быстро.

Ласточка разглядывала пристройку к дому: стены, высокие потолки, полы и засыпала Беркута вопросами, которые еще ни один дизайнер ему не задавал.

– Скажите, что именно вам нравится в своем доме? Уют? Красота? Эффектность? Утилитарность?

Вы хотите, заходя сюда, релаксировать или, наоборот, собираться для дел?

Какие цвета в одежде вы предпочитаете?

Многие ее вопросы Беркут просекал сразу и даже удивлялся – почему другие дизайнеры подобным ни разу не интересовались. Другие же оказались ему внове.

А еще ему очень нравилось наблюдать за тем, как Аля работает. Было в ней что-то такое, чего он раньше не видел ни у кого на службе. Лицо светилось, задумчивое выражение сменялось искренне заинтересованным. Слабая улыбка то и дело мелькала на губах.

Беркут прямо залюбовался.

И если раньше он четко понимал – хочу ее. То теперь он понимал еще: Какая же она! И слов дальше не находилось. Только грудь распирало от эмоций, а руки сами собой просились, чтобы обнять Алю. Погладить. Просто взять за руку.

Вот уж никогда не подумал бы Беркут «все под контролем», что можно испытать потребность в таком контакте. Желать этого даже больше, чем выгодной сделки!

Однако Аля следила за каждым его жестом. И стоило Беркуту слишком приблизиться, ласточка моментально отодвигалась. То ли инстинктивно, то ли нарочно.

И это вновь выбивало у Борислава почву из-под ног.

Беркут помнил, как ласточке нравились его касания там, в бассейне. Так что сейчас, мать твою, изменилось? А потом эта зараза скажет, что это он, именно он, слишком много думает о ее теле!

Беркуту почему-то до жути было неприятно, что он устраивал Алю в постели и не устраивал в других видах жизни.

Хотя до этого момента только первое и интересовало Борислава в случае его женщин.

Однако они очень увлеклись.

Беркут просто общением с Алей. Причем, настолько, что раскрывал даже свои потаенные секреты. Что он любит отдыхать в полутемном помещении, с приглушенными тонами и неяркой подсветкой. Что всегда встает спозаранку и гуляет в лесу, чтобы ощутить новый день. Даже зимой, когда трескучий мороз азартно щелкает пешехода по носу.

Аля ушла в работу по самую макушку. И Беркут понимал, что попал в яблочко. Работа была для Али хобби и любимым занятием одновременно. Она погружалась в него с головой. Наверное, поэтому так многого и добилась.

Наверное, они провели бы тут львиную долю вечера, если бы у Беркута не пиликнул вотсап.

Аля подняла на него глаза, словно сразу поняла – о чем речь.

Беркут улыбнулся. Что ж. Хоть какое-то взаимопонимание.

– Приехал твой сын! – довольно сообщил он.

И Аля рванула к дверям, а уже через несколько минут они с Рианом обнимались в гостиной Беркута.

Ребенок жевал чизкейки, твердо поклявшись, что ужинал и достаточно поел «серьезной еды», как выразилась ласточка. А она... она вся преобразилась.

Казалось, лицо ласточки сияет. Она смотрела на мальчика

такими глазами... Беркут редко видел такое выражение глаз у женщин. Но сразу вспомнил про свою мать. Когда взгляд согревает, как солнышко даже в самый пасмурный непогожий день и обещает, что все будет хорошо.

Да, понимаешь потом, что не будет.

Но эти мгновения, эти невероятные минуты переоценить нельзя и нельзя вернуть.

Беркут смотрел на Алю и словно перехватывал часть ее настроения. Наполнялся каким-то всеобъемлющим, сметающим все на своем пути и одновременно тихим и мирным счастьем.

Оттого, что она рядом и она счастлива.

Было непривычно, немного страшно. Потому что близость Али, их отношения с Беркутом казались слишком зыбкими, непрочными и непонятными. Но все равно было хорошо.

Очень хорошо. По-настоящему.

Риан очень походил на Алю. Большие глаза, раскосые, красивые, мелкие, аккуратные черты лица. Но вместе с тем крепкое мальчишеское тело обещало, что вырастет этот парнишка высоким и сильным. Короткий ершик темных волос с рыжим отливом прямо намекал на мамину шевелюру.

Мамин сын, как ни крути.

Тетя Риана вскоре появилась на горизонте. Вместе с Ириной.

Видимо, разложила вещи в гостевой комнате. Беркут по-

селил ее на третьем этаже, рядом с вороной.

Чтобы никто не суетился на одном этаже с ним и ласточкой.

Аля больше не возражала. Почему-то, на сей раз, у нее не возникло вопросов.

И Беркута это порадовало больше, чем все успехи в бизнесе за последние годы.

Он буквально внутренне ликовал. Закричал бы и забил себя в грудь как Тарзан. Если бы это не выглядело так глупо и неуместно.

– А можно нам в бассейн? – спросила ворона так, словно уточняла – не остались ли там следы бурной страсти Беркута и Али.

Нет, не остались. Служанки давно навели порядок.

– Конечно, идите. И спрашивать не надо! – улыбнулся Беркут.

А Риан аж подпрыгнул:

– Я тоже хочу в бассейн! Хочу!

Беркут посмотрел на Алю. Та развела руками: мол как можно отказать этому чудесному сорванцу. И произнесла:

– Ну пошли, разберем твои вещи и найдем плавки.

Глава 7

Аля

Кажется, я весь день провела в бассейне у Беркута. Однако второе его посещение стало совсем не таким, как первое.

Я сидела на топчане с ноутбуком на коленях и прикидывала что бы такое эдакое сделать в пристройке, совершенно девственной по части дизайна. Голой, я бы сказала.

Лысые стены, которые только выровняли, лампочки, торчащие из потолка на фигурно изогнутых проводах, полы, правда, теплые. Но с каким-то монолитным покрытием.

Ни одного предмета мебели. Ничего.

Беркут не обманул меня. Здесь требовалась работа и простор для фантазии оставался огромный.

Поэтому я развернулась.

А тем временем, сам хозяин дома, тетя Майя, Ирина и Риан всю отрывались на воде.

Ирина уже почти могла стать почетной русалкой, после наших дневных заплывов и вечернего.

Какое-то время Беркут сидел на топчане, рядом с моим. Просто наблюдал за происходящем и периодически косился на меня. Так, что я едва сдерживалась, чтобы не ответить Бориславу тем же. Он чем-то цеплял. Озадачивал, но и при-

влекал одновременно.

Сложно было не отвечать ему вниманием на внимание. Но у меня пока получалось. Потому что работа увлекала куда больше мужчин.

Однако в один момент Беркуту удалось-таки перетянуть канат моего интереса на свою сторону.

Он вдруг подошел к бассейну и окликнул Риана.

– Ты не умеешь плавать не по-собачьи?

– Не. – Так давай научимся. Будешь маму обгонять на поворотах. А то она плавает почти как русалка... надо подтягиваться к ее уровню.

Риан остановился и радостно закивал.

Вообще я давно хотела научить сына плавать не только по-собачьему, но и хотя бы брасом. Но все как-то не удавалось выбрать время. А здесь и вовсе жутко смущало то, что бассейн не наш и хозяин может выразить недовольство несанкционированным превращением его в школу для плавания.

...Следующие несколько часов Беркут объяснял Риану, поддерживал его на плаву, сам двигал его руками и ногами и показывал все на собственном примере. Они вместе ныряли, вместе плавали и я поразились – как быстро схватывал сын, прямо на лету. Беркут оказался прирожденным учителем. Хотя с учеником не церемонился. Командовал еще так.

Но Риан не капризничал и даже не жаловался.

Как ни поразительно, эти двое нашли общий язык так быстро, что оставалось только диву даваться. Я даже ноутбук

отложила.

Беркут стрельнул в меня довольным взглядом, улыбнулся во все зубы и помахал рукой. Риан повторил за ним, будто и этому тоже научился.

И мужчины продолжили.

Вскоре рядом со мной «бросила кости» на топчан Ирина. И выпив соку, резюмировала:

– А мужик-то, оказывается, просто клад! Даже с детьми общий язык находит! Не считаешь?

Я припечатала Ирину самым гневным и осуждающим взглядом из своего арсенала и шикнула:

– Тише. Он услышит.

– А мне интересно. Похвалишь ты меня или опустишь! – Внезапно отозвался Беркут и у меня щеки просто запылали.

Я вдруг ощутила, что мы общаемся на каком-то совсем новом уровне. Еще не понимала, что это значит и это одновременно будоражило и смущало. Пугало даже, я бы сказала.

Словно сразу несколько рубежей между нами оказались вдруг пройдены и несколько преград рухнули в одночасье.

Не знаю действовал ли на нас так бассейн. Или наш ужин. Или все вместе. Включая то, чем мы с Беркутом здесь занимались сразу после ребяческого веселья. Но изменилось все радикально и почти мгновенно.

А потом мы еще и играли в карты. Уставший и жутко довольный успехами в плавании Риан уплетал «не совсем вредный» гамбургер с картошкой фри в прикуску. Попросил у

«дяди Беркута». И «дядя Беркут» доставил все за десять минут.

Словно у него и Макдональдс где-то в подвале таился.

Ирина очень часто выигрывала. А я оставалась дурочкой. Сынишка оказался где-то посередине. Майя играть отказалась и читала свою любимую книгу на портале ЛитНет.

Беркут то и дело пытался мне подыгрывать. То нарочно закидывал самыми высокими козырями, то «затапливал» Ирину, которая под меня ходила...

В результате пару раз совершенно по-глупому оставался.

В конце концов, подводя итоги нашего более чем продуктивного вечера, подруга резюмировала:

– Итак! Я царь горы и король колоды! А Але... Але очень везет в любви.

И она так на меня посмотрела, а затем на Беркута, что я принялась изучать пол и щуриться на блики воды на стенах. Не в силах взглянуть на Борислава.

– Ну, что ж. Я завидую Але, – вдруг подал он голос. – Хочу, чтобы мне в любви повезло!

– Уж вам-то не везет? – усомнилась Ирина. – Такого мужчину днем с огнем не сыскать. Вас женщины, наверное, рвут на части.

Даже не глядя на Беркута, продолжая изучать китов на противоположной стене бассейна, я чувствовала на себе взгляд мужчины. Обжигающе-внимательный, привычно пронзительный.

– Одна женщина сильно пошатнула мою уверенность в возможном успехе достижения личного счастья, – очень тонко и заумно намекнул Беркут.

– Найдите другую, – зачем-то подала я голос, все еще не в силах посмотреть ни на Ирину, ни – уж тем более – на Борислава. Хорошо, что Риана Майя повела на выход. Переодеться, подготовиться ко сну. А то я совсем провалилась бы сквозь землю.

– К сожалению, не всегда можно заменить что-то нужное на другое. Например, руку или ногу... не заменишь на достойную конечность. А протез – это уже не то.

Он снова заумничал, но общий смысл поняли все.

Ирина усмехнулась и выдала:

– Да не волнуйтесь! Некоторым женщинам просто надо показать – в чем их счастье. Буквально столкнуть их с этим самым счастьем лбами. Иначе они дальше собственного носа не видят.

– Я не хочу ни с чем сталкивать Алю! – Беркут вдруг перестал юлить или намекать. Вернулся к своей привычной прямолинейности. Вероятно, потому, что Майя и Риан ушли, а Ирина и так присутствовала при всех наших душевных беседах. – Я хочу, чтобы Аля стала моей добровольно. Сама этого захотела.

Я аж вскинула на него глаза. Беркут смотрел прямо, не моргая. Блики воды играли в глубине его голубых глаз, которые сейчас походили на глубокие омуты. Потому, что я

вдруг потерялась и не знала, что сказать. Только продолжала смотреть и смотреть, не в состоянии ни отвести взгляд, ни сдвинуться с места, ни даже пошевелиться.

А потом стало как-то неловко от всей этой ситуации и разговора. Я рывком встала и бросив:

– Мне нужно переодеться и уложить сына, – буквально сбежала из нашего импровизированного казино.

И, наверное, еще ни разу меня не провождали таким взглядом. Жгучим, словно пламя камина. Таким же одновременно притягательным своим теплом и отталкивающим уколами искр.

* * *

Беркут

Беркут в который уже раз проходил по своей любимой тропке в лесу.

В доме погасли почти все окна. Из бассейна Аля сбежала как ошпаренная.словно вода там разом вскипела и начала пузыриться, грозя ожогами неловкому зрителю.

Беркут хотел броситься следом. Но что-то его удержало.

Ирина посмотрела на него виновато, будто сожалеет о поступке подружки и беспомощно развела руками.

– Мы, женщины – сама непредсказуемость...

Она начала смущенно собирать карты, видимо, не зная, что еще сказать. Заметив выражение лица Беркута. Наверное, так выглядит ребенок, который потерялся в торговом центре. Не знает куда идти и к кому обратиться.

Все вокруг кружится, сбивает с толку. Шумит, блестит, двигается и меняется.

Пестрые витрины, тощие манекены, люди, люди и еще раз люди.

Жизнь проходит мимо и у всех есть свое место, своя цель и свои средства.

И только этот ребенок не имеет ничего. Ничего, кроме надежды, что его найдут.

Беркут и сам понимал, что взрослому мужику его статуса «не к лицу иметь такое лицо»... Поэтому молча встал и, оставив Ирину за ее занятием, отправился наверх. А затем – и на улицу.

Он почему-то знал – Аля не придет пожелать спокойной ночи. Либо останется в комнате с сыном и тетей, либо запретя у себя в помещении.

Что, по сути, одно и то же.

С некоторых пор для него было болезненно-необходимым ее присутствие и почему-то стало совершенно невыносимым без спроса нарушить ее личные границы. То, что он делал вначале знакомства с ласточкой.

Беркут не хотел вновь увидеть у нее тот же взгляд и та-

кое же выражение лица. Не говоря уже о позе: затравленного хищника. Который иной раз рычит на преследователя, но большей частью затаился, сгруппировался и подобрался, чтобы дать отпор в случае атаки.

Беркут не хотел, чтобы она готовилась дать отпор. Он хотел, чтобы ласточка спряталась за его спиной от всего, что ей могло угрожать. Даже от всего, что могло хоть каплю ее расстроить.

Но как поменять полюса ее жизни? Чтобы между ними не лежала целая планета опасений и целые километры недоверия? Пока это оставалось за гранью его понимания.

Беркут следил за Алей, пытался анализировать, как и на что она реагирует.

Когда вдруг подбирается, злится, когда теряется, а когда раскрывается.

Но просчитать женщину при помощи мужской логики... Да, видимо, задача невыполнима.

Впрочем, у Беркута не было выхода.

Она стала тем самым, что вошло в его жизнь и сразу же сделалось обязательным.

Подарило какой-то новый уровень обладания счастьем.

Он обладал ей – и обладал счастьем.

Уйдя, ласточка заберет все дары с собой. И останется... А ничего почти и не останется.

Почему Беркут вдруг стал настолько беспомощно и отчаянно в ком-то нуждаться? Впервые со дня потери матери?

Он не мог это объяснить.

Почему это мощное ощущение пришло так резко и неожиданно? Это тоже оставалось за гранью его понимания.

Почему женщина, которую он едва знал, вдруг стала центром его Вселенной? И это он тоже не мог объяснить.

Но и бороться с этим Беркут не хотел.

Потому что странная, почти необъяснимая связь с Алей внезапно сделала его мир настоящим. Ярким, сочным, живым. Иначе не скажешь.

Он словно впервые попробовал то же манго там, где оно растет и выспевает. Ощутил всю гармонию, всю красоту и всю палитру особенного вкуса. Смаковал на языке, глотал нежную мякоть... И как после этого есть фрукт, именуемый «манго» в магазинах России?

Нет. Возвращаться к суррогату Беркут оказался не в силах.

Широкий конус фонаря рассекал тьму, вытаскивая на свет жирных ночных мотыльков и оттеняя сонмы светлячков в небе.

Свежий ветер обдувал разгоряченное лицо Беркута.

Пахло грибами. Надо бы сходить, пособирать. Предложить Але. Почему-то Беркут знал – она не откажется. Захочет. С удовольствием.

Полосами тянуло спелой земляникой. И на ее сборы Беркут тоже хотел бы пригласить ласточку. А пока... Почему самому не собрать ей ягод?

Конечно, идея делать это с фонариком, присаживаясь в траву, чтобы выбирать крупные, круглые ягоды, была практически безумством. Но Беркут вдруг созрел для тех милых глупостей, которые совершают ради любви подростки.

Он азартно набирал ягодки в пакет, который нарыл в штанах. И когда тот наполнился, отправился в дом.

Теперь здесь горели только окна Беркута и охранника, что жил в отдельном крыле.

Беркут зашел на кухню, зажег приглушенный свет и пересыпал ягоды в пластиковую емкость, чтобы не помялись и не расквасились. Поставил свои сокровища в холодильник. А затем отправился к себе.

Неспешно окатился душем, одел пижаму и лег в постель.

Так Беркут пролежал несколько часов.

То поворачиваясь на бок, то опять устремляя в темный потолок невидящий взгляд.

Думал. Не мог остановиться.

Ближе к утру его все же сморило...

А разбудил детский голосок в комнате Али и запах свежих пирогов снизу.

Беркут вдруг понял, что такое семья и как ему, в действительности, ее не хватало. Этого детского крика, что будит спозаранку. Накрытого стола, где собирается большая семья. Или маленькая. Но все же.

Бодрых бесед за завтраком: о делах, о погоде, о доме.

И ощущения: здесь те, кто ему нужен. Те, без кого не хо-

чется здесь оставаться. Да вообще не хочется... оставаться... где-либо...

А еще он знал – насколько хрустально-хрупкое это его столь сладкое ощущение. Способное в момент расколоться на сотни осколков, если Аля узнает то, о чем он умалчивал...

Вот почему Беркут решил пока ничего не говорить ласточке на счет залога и всего прочего.

Окончательно решил, задушив последние порывы совести на корню.

* * *

Аля

Когда я решила пережить развод, временно отправив Ригана к Майе, я плохо понимала, что делаю. Как и тогда, когда поддалась на уговоры Ирины, поехать в тот злополучный ночной клуб.

Все было словно в тумане. Я была замужем целую жизнь и плохо представляла, как существовать дальше.

Плохо понимала – на каком я вообще свете.

Но сейчас я вдруг четко осознала: пережить все плохое с моим мальчиком намного легче, чем без него.

Казалось, я снова обрела то, что удерживало меня на твер-

дой почве. Не позволяло упасть или провалиться.

Я не солгала – после разговора в бассейне, я догнала Майю и Риана.

Сынишка радостно взвизгнул.

– Мама! Не уходи!

И по-детски непосредственно прижался ко мне. Я отпустила Майю в ее комнату, и сама помыла своего непоседу. Вытерла и уложила в постель.

В комнате, которую Беркут выделил Риану и Майе, было два дивана и детская кроватка. Так что я почему-то не смогла вернуться к себе. Осталась тут и уснула почти мгновенно.

Как ни поразительно, в вотчине Беркута, в его плену, как я иногда чувствовала, я ощущала себя совершенно защищенной. Полностью огражденной от любых проблем и бед. И – что еще важнее – чувствовала, что и Риан также в полной безопасности.

Я спала как сурок. Хотя обычно на новом месте всегда засыпала с большими проблемами.

Утром я проснулась от того, что кто-то внезапно пристроился рядом. Вертится, чуть подталкивает, дергает одеяло.

Открыв глаза я уже знала, что это Риан.

Вообще-то у нас было не принято, чтобы ребенок залезал в постель к родителям. Но иногда утром он приходил. Я приобняла свое чудо и заглянула в карие глаза.

– Ну как ты?

– Хорошо, что каникулы! Мы можем тут долго жить! –

потягиваясь, сообщил мой хитромудрый сынишка.

Я хихикнула, а потом тронула кнопочку курносого носа.

– Нет, малыш. Мы здесь на пару недель. Максимум. Дядя Беркут должен разобраться с плохими людьми. А потом мы вернемся домой.

Риан еще раз сладко потянулся, так что пижама приподнялась, обнажая живот, и разочарованно выдал:

– А мне тут так нравится... Дядя Беркут обещал сходить со мной на рыбалку.

– Куда? – я окончательно проснулась от этой внезапной новости.

– Ну у него тут пруд есть. Там, говорит, карасей... Ну просто, как собак нерезаных.

– Хм... А когда вы успели с ним договориться?

– Так вчера, пока он учил меня плавать. Спросил – люблю ли я рыбачить... и потом предложил... Сказал, что еще спросит у тебя. Так что ты даже не переживай. Дядя Беркут – мужик основательный!

Тут я не могла не согласиться.

Эта основательность чувствовалась у Борислава во всем.

– Значит, он сказал – спросит у меня? – уточнила я, хотя ответ уже знала.

Риан не стал бы говорить подобное, не будь это правдой.

Мой честный мальчуган усердно закивал на вопрос.

– Ладно, встаем! – я потрепала сынишку по макушке.

Мы совершили утренний моцион, и я отправилась пере-

одеваться к себе. А когда закончила и глотнула немного чаю – захватила вчера, в термосе, в дверь постучались.

– Да, заходите?

На пороге появилась Софья.

– Альвина Артемовна. Доброе утро. Я принесла вам меню на завтрак и обед. Или, если вдруг захотите, можете сами заказать в ресторане. Борислав Владимирович велел согласовать все с вами.

– А с кем обычно вы это согласовываете?

– С Бориславом Владимировичем.

– А почему сегодня со мной?

– Я не знаю. Так сказал Борислав Владимирович.

– А он не пояснял почему именно?

Софья усмехнулась и в ее зеленых глазах мелькнуло неподдельное удивление.

– А почему он должен? Он не поясняет своих решений...

Ну да! Конечно! Это же Беркут!

Он и мне свое решение не пояснял, когда я внезапно очунулась в его доме.

Я хихикнула и, заметив заинтересованный взгляд Софьи, принялась детально изучать меню.

Выбор оказался широкий. Я остановилась на круассанах на завтрак: классических, с сыром, овсянке с ягодами и черном чае с липовым цветом. На обед заказала горшочки и солянку.

– Хорошо. Завтрак будет готов через полчаса. А свежий

чай уже заварен.

Софья многозначительно покосилась на мой термос. А затем просто скрылась за дверью.

Я расчесалась, заплела волосы в косу и спустилась вниз.

Беркута еще не было, и я вышла подышать на улицу. Здесь пахло лесом, теплом и солнцем.

Где-то вдалеке шумно перекрикивались птицы, и тянуло луговыми цветами.

Хорошо... Мне здесь, действительно, нравилось...

Чуть поодаль дежурил громила-охранник: высокий, плечистый, ростом примерно с Беркута. Весь в хаки, спокойный и сосредоточенный. На поясе и под мышкой – кобура с оружием.

Я подошла к нему. Бритый под ноль верзила тут же развернулся ко мне и поздоровался:

– Доброе утро, Альвина Артемовна.

Вот те раз! Откуда он меня знает?

– А вы меня знаете?

– Да. Борислав Владимирович велел охранять вас и дал ваше фото.

– И долго он велел меня охранять?

– Пока не поступит других распоряжений.

– Только меня?

– Еще вашего сына. Риана, мальчика 9 лет. Вашу дальнюю родственницу Майю, которую вы называете тетей. И вашу школьную подругу Ирину, – оттарабанил верзила без малей-

шей запинки.

– А давно вы работаете у Борислава Владимировича?

– Прилично.

– И как он вам?

Охранник воззрился так, словно не понял сути вопроса.

Потом повел могучими плечами.

– Борислав Владимирович – один из самых уважаемых людей поселка и бизнесменов.

– Да я не об этом... В смысле, как человек... Какой он? Сердечный, злой... порядочный или...

– Я с ним лично не общаюсь.

– Ну общаетесь ведь. Все равно.

– Альвина Артемовна. Если вы хотите что-то узнать о Бориславе Владимировиче, спросите вон у Павла Сергеевича, – охранник указал на водителя, который отвозил меня домой вчера утром. Тот как раз появился на улице.

– Павел Сергеевич? Тут вот интересуются... – позвал неразговорчивый громила.

Водитель тотчас приблизился.

– Да? Что-нибудь привезти? Или сами хотите куда-то съездить?

Я усмехнулась и отошла вместе с водителем.

– А я могу куда-то поехать?

– Борислав Владимирович сказал, что я в полном вашем распоряжении. Так, что только приказывайте.

– Он всегда такой щедрый... к женщинам?

Павел Сергеевич усмехнулся.

– Я видел здесь много женщин. И все они сами приезжали и уезжали. Иногда и я их отвозил. Но в их распоряжение меня еще никогда не снаряжали.

Я взглядела в суровое, добродушное лицо шофера. Вроде не врет. Кажется, честен.

– А давно вы работаете у Беркута? Э-э... У Борислава Владимировича.

– Не стесняйтесь. Его все Беркутом называют. И он сам часто так представляется. Давно работаю. Двенадцать лет. Он тогда еще только начинал.

– И он хороший? В смысле, порядочный?

– Я живу в пристройке его дома с матерью. С момента, как Беркут купил эту землю. С нами он всегда обращался самым, что ни на есть, лучшим образом.

– С матерью?

– Да. Сразу забрал к себе, когда Беркут пригласил меня тут жить.

– И он не возражал?

– Нет. Он вообще очень хороший мужик. Порядочный.

– Ну вы же должны, так говорить...

Павел Сергеевич усмехнулся.

– А вы недоверчивая.

– Я адекватная.

– На самом деле, вы первая женщина, которая тут живет. Я имею в виду, в доме Беркута.

– Да ладно?

– Ну кроме его матери.

– Ну он же обещал меня охранять...

– Кстати, это тоже не очень на него похоже.

– В смысле?

– Он мог приставить к вам охрану в вашем же доме. Это гораздо больше в стиле Беркута. Он любит... как бы вам это сказать... Дистанцироваться. От женщин. Чтобы не строили на него планы.

– А многие строят?

– А вы сами-то как полагаете? Богатый, красивый, умный мужик. В самом расцвете сил... Неженат...

– Как Карлсон!

Мы засмеялись и тут же справа от меня послышался резкий оклик Беркута.

– Павел! Тебе, что, делать нечего?

Водитель усмехнулся, покачал головой и стремительно двинулся в сторону.

Я обернулась к Беркуту.

– Интервьюируете моих людей? – вскинул он бровь. Голос Борислава звучал уже не так резко, как секунду назад, Он чуть хмурился и внимательно изучал мое лицо. Прямо-таки шарил по нему взглядом в поисках каких-то ответов. – Вы тут веселились...

В голосе Беркута прорезались металлические нотки. Хм. Неожиданно! Ревнует, что ли? Мысль пронеслась в голове

молнией. И я сама поразилась догадке. Беркут? Ревнует? Да, ладно! Тогда следует предположить, что я для него, в самом деле, особенная...

– Ревнуешь? – спросила я почти в шутку.

Беркут прокашлялся, приблизился и вдруг обхватил меня за талию. Впервые так, совсем по-хозяйски. А затем рывком притянул к себе. Я только ахнула, когда впечаталась в его крепкое тело. Ну прямо не мужик – а скала! Горячая и пыхтящая.

Взгляд Беркута опять парализовал, буквально лишил малейших мыслей о сопротивлении. Я только схватилась за его мощные плечи, потому что ноги неожиданно ослабели. Кажется, это становилось привычкой. Мое тело резко капитулировало, стоило ему оказаться в руках у Беркута. А вот мой разум – дело другое. Слава богу, он стоял на чеку.

А Борислав наклонился к моему лицу и неровно выдохнул в губы:

– Дразнишь?

– Вопросом на вопрос отвечать невежливо! – возмутилась я, чувствуя, что между нами происходит нечто необычное.

В воздухе витало электричество. По коже бежали тысячи ошалелых мурашек. И от солнечного сплетения шли теплые волны. Тело стало легким-легким и руки Беркута неожиданно нужными. Ну правда, почти необходимыми и обязательно на моей талии. Не чужеродными, как мне виделось раньше.

Борислав все еще хмурился, чуть поджимал губы в своем

фирменном стиле. И даже прикусывал. Отчего выглядел еще более хищным, диким.

Не мужик – а загадка. Ну просто шкатулка с сюрпризами.

– Да. Ревную! – выпалил Беркут и ноздри его начали раздуваться. – Довольна?

Я нервно хихикнула.

– А почему я должна быть довольна? Между прочим, мы тебя обсуждали...

Беркут сразу немного расслабился. Но не отпустил и прижимал по-прежнему также крепко.

– В хорошем смысле или в плохом? – осторожно поинтересовался он.

Я пожалала плечами.

– А правда, что я первая женщина, которая поселилась в святая святых – в твоём доме?

– Да. Правда.

– Тогда почему я?

Беркут коротко усмехнулся. Вдруг убрал с моего лица прядь и осторожно заложил ее за ухо.

Таким нежным и трепетным жестом. Почти, как моя мама. Взгляд Борислава сейчас изменился. Он изучал меня как-то иначе... И лишь потом в голову пришло слово... любитесь? Восхищается?

– Кхм... – Беркут чуть отстранился и голос его наполнился песком. – У меня нет ответа.

– То есть это случайность?

Сама не знаю, что у него выпытывала. И главное – зачем это делала? Просто мне нравилось беседовать с Беркутом на грани, на каком-то пике взаимных эмоций. Играть на ощущениях: своих и мужчины. Было так остро, так возбуждающе... Так невероятно головокружительно. Словно шла по канату на площади. Над головой – раскинулся шатер неба, под ногами замерли в ужасе зрители. И я балансировала на тонкой нитке. Давясь испугом и первобытным блаженством.

Беркут очень хорошо это прочувствовал. И я поняла – что он сильно завелся. Но меня Борислав не выпустил.

– Нет. Это не простая случайность. Мне нужна ты. Я ведь уже говорил.

– Э-э-э... В каком смысле нужна я?

Беркут нахмурился и какое-то время буквально раскопки взглядом на моем лице проводил. Сверлил, ковырял, разбирал по кусочками: один пласт эмоции за другим.

– Что ты хочешь узнать у меня, Альвина? – спросил вдруг немного растерянно. Видимо, его научные изыскания потерпели катастрофическое фиаско.

– Хочу понять – чем я такая особенная и чего ты от меня хочешь, на самом-то деле.

– Я уже сказал – хочу тебя. Ты просто особенная. Не такая, как остальные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.